

1
ЯНВАРЬ 2011

ВОКРУГ СВЕТА

БОРИС СТРУГАЦКИЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ

ПОЛДЕНЬ

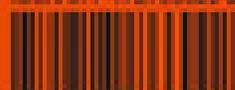

XXI ВЕК

Польза
и красота

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

ISSN 977-172786600-2

9 771727 866002

Коллектив авторов
Полдень, XXI век (январь 2011)
Серия «Альманах Бориса Стругацкого
«Полдень, XXI век»», книга 73

*Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
Полдень, XXI век (январь 2011): Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»; Москва; 2011
ISBN 978-5-98652-351-4*

Аннотация

В номер включены фантастические произведения: «Польза и красота» Герберта Ноткина, «Солнце на ПСС» Дениса Угрюмова, «В раю был дождь, ворона и пулемет...» Виктора Колюжняка, «Конструктор не для всех» Максима Мейстера, «Интерферент Тарас» Криса Игольчатого, «Как дважды два» Льва Гурского, «В начале было слово» Олега Чувакина, «В Лесу» Яны Дубинянской.

Содержание

Колонка дежурного по номеру	4
1.	5
Герберт Ноткин	5
Денис Угрюмов	39
Виктор Колюжнюк	46
Максим Мейстер	50
Крис Игольчатый	62
I	62
II	64
III	73
IV	77
V	80
Олег Чувакин	84
Яна Дубинянская	91
Лев Гурский	100
2.	103
Валерий Окулов	103
Дмитрий Проскуряков	107
Дмитрий Проскуряков	111
3.	114
«Зиланткон»– 2010	114
«Странник» – 2010	115
«Интер-пресскон» – 2011	117
Наши авторы	118

Альманах Бориса Стругацкого Полдень, XXI век (январь 2011)

Колонка дежурного по номеру

Через одно – самое большее через два поколения наши люди, несомненно, избавятся от вредной привычки читать. Наркотик, именуемый худлитом, слаб и, к тому же, становится дорог. Очень помогает заместительная терапия: пенсионерам и сельским жителям – ТВ, молодежи – Интернет. Но куда в подлунном мире будет существовать хоть один литературозависимый – ломка ему не грозит. Наслаждайтесь, слабовольные друзья.

Вот вам еще горсточка историй, уводящих в параллельные миры. В игру чужих умов. Наиболее легкая для потребителя разновидность т. н. художественного текста. Тщательно очищенная от иррациональных примесей. От индивидуальных стилистических средств. От личного присутствия автора. От абсурда и от страстей.

Короче говоря – фантастика.

Литература двух свойств: занимательности и правдоподобия. Литература одного приема: из произвольного допущения выводятся неизбежные следствия; чем произвольней допущение – тем интересней, чем неизбежней следствия и чем их больше – тем правдоподобней. Литература экономного, универсального, полированного слога. Выводится из памяти быстро и без остатка. Но и в процессе усвоения оставляет читателю свободу: не причиняет ни малейшей боли. Текст даже не пытается сделать вид, что он написан про вас или про что-нибудь такое, что могло бы с вами случиться вне этого текста.

Все случается только с ним и только в нем. Это всё – его финал. Вы и читаете его ради последней страницы – или последнего абзаца. Шикарней всего – когда освещение в сюжете включается последней фразой. До которой, стало быть, никакая сила не заставит вас не дочитать. Так называемый реализм дрожит от зависти и старается в эту сторону не смотреть. Якобы презирает. А тайком перенимает технику. Но остается неконкурентоспособен. Поскольку по умолчанию не имеет права игнорировать такие фундаментальные силы, как случайность и глупость. А также принцип тщеты всех усилий и надежд.

Ничего, думает он, стиль вывезет. Пусть персонажи будут как живые. В смысле – пусть на все лады докучают друг дружке, и мучают, и мучаются. Вместо того чтобы смотреть ТВ или листать ЖЖ. Либо, в крайнем случае, прилечь на диван – почитать спокойно фантастику.

Самуил Лурье

1. Истории. Образы. Фантазии

Герберт Ноткин Польза и красота (Повесть)

– Человек, Ваня, эстетически отличается от свиньи тем, что ко всему привыкает. Абсолютно технологическое, вне всякой стилистики, ни с чем не гармонирующее, не вписывающееся в среду и идиотски из нее выпирающее сооружение стало символом Парижа.

– Это был гениальный проект, на полвека опередивший время! Это – гордость Франции.

– Да. Нет такого свинства, к которому не привык бы человек, и, привыкнув, не начал бы им гордиться. Уж какой бы он ни был француз. Но теперь оборотись к нему задом, а передом – к Англии, оплоту традиций, и посмотри на этот непревзойденный по высокотехнологичному идиотизму огурец сэра Нормана, вся архитектурная идея которого именно в том, чтобы ни с чем не сочетаться, но, разумеется, иначе, чем у французов.

– Ну и что, ну и все дома Антонио ни с чем не сочетаются.

– Да не чувствуешь ты...

– Ну, объясни, чувствительный...

– Станцевать об архитектуре. Как это объяснишь? Дозреть надо... Тут же вообще уникальный случай, когда имя архитектора стало стилем. Скажи «Гауди» – и можно больше ничего не говорить. Его модернissimo – это вообще не постройки, это окаменевшие сны. Типа Кафки. Вот они так и сочетаются с остальным, как сны с явью. Мне, если хочешь знать, его постройки отвратительны, я их видеть не могу. Но кто сказал, что я могу видеть мои сны? А я их вижу. И с моей остальной жизнью они связаны такой же бессвязной связью, но не надуманной, а какой-то внутренней. Так и его дома. В этом все дело: изнутри идет или из головы выдуманно. И Фрэнк, и Шарль делали то, что было для них...

– Органично, знаю.

– Да. А другие парились, корячились, но все равно ничего лучше виллы «Савой», капеллы в Роншане и Дома над водопадом не выдумали...

– А Дом Мельникова?

– Это его органика, двухколесный бред. Но идейный.

– А Бразилиа? А бетонный бамбук Кендзо?

– Да-да, молодец, истарх не прогуливал, правильные слова произносишь, только... смысла их не понимаешь. Чтобы архитектуру понять, надо немножко как бы с фундамента съехать...

– А с крыши не надо? Или сама съедет?

– Надо чуточку утратить опору, почву под ногами, а ты уж очень прочно на земле стоишь, на всех четырех, и корни бетонные выпускаешь...

– Ой-ой-ой, летатель. Архитрав. Ладно, всё, заболтались. Конец связи.

* * *

– Мам, папа у себя?

– Да, но он на работе... Туся! Ты же видишь, телесвязь включена.

- Ну я на минутку...
- Федя, ты пока не голограмма, камеру не заслоняй... Ребята, а вы чего уставились? Это кино не для всех, у вас есть что делать.
- Пап...
- Нагрузки вводи... добавь ветра. Что «зачем»? Ты историю сдавал? Мост Бауча имел двадцатикратный запас, но когда на него влетел скорый из Эдинбурга, он упал... Да какой, к черту, резонанс – парусность возросла, и ферму снесло...
- Па-ап...
- И запас на сейсмику добавь. Вулканов нет, а потрянуть и рвануть сейчас везде может... Федя, у тебя детей нет? Но ведь будут, – добавь запас. Профиль дай... Ладно, здесь, вроде, нормально. Давай на макете.
- Ну па-ап...
- Женя, я занят, ты же видишь... Да не надо мне эти простыни – макет новый что, не готов еще? А сроки? Они что, не понимают?
- Папа, ну я ухожу же.
- Я сейчас сам с ними поговорю – куда ты уходишь? Катя, покажись в кадре, что у нас там с аналогами?
- По делу. Посмотри на меня. Как?
- Потрясающе! Я пятнадцать лет на тебя смотрю и насмотреться не могу – давай Токио-Осака поподробнее, да? Женечка, я на работе, мне работать надо, я посмотрел, что еще?
- Нет, ты на меня посмотри не как отец, а как мужчина.
- ... Ч-чѐ?
- Ну, папа!
- Ладно, доделывайте пока сопроводилровку. Конец сеанса.

* * *

Так, начинаем ввод. «Персоны вашего окружения. Родственники. Жена». Берем из анкеты. «Прозвища, неофициальные имена, ники». Милка. Милашка... нет, это официальные. Театраля. «Основные качества: Положительное / Отрицательное». Любящая / Прочерк. Хотя нет, есть недостаток: Упрямая. «Субъективная значимость, оценить в баллах от 0 до 100». 100.

«Дочь... ники». Няма. Туся. Каратэшка... Чудо/Прелесь. 1000... ладно, 100.

«Сестра двоюродная». Желчина Дарья Осиповна. 1985. Хрюшка. Гу... нет, это не надо... Прочерк? ну, пожалуй, Активная / Пьющая. 10... нет, 5. Не виделась пятнадцать лет – и нет желания.

«Племянник двоюродный». А надо его? Ну, пусть, до кучи. Желчин Данила... Никитич, что ли? Пусть Никитич. 2002-й. Или первый? Не важно. Как его тогда кликали-то... Гундя... Гуня! Точно, Гунька. Прочерк / Дебил – до пяти лет говорить не научился. Хотя, может, с тех пор поумнел? Ладно, Прочерк / Прочерк. 0? Ну, пусть 2. Хорош с родичами, пошли к остальным.

«Друзья. Сослуживцы. Контакты. Актуальные соученики».

Ольховский Виктор Германович, 1987. Архитрав. Эпиз... ну, пусть Эпистиль. Умный / Выскакивающий. Ну, баллов на 25, я думаю, потянет... У-э-а-а-й... а сколько там натикало? О-о, всё. Тень, кормежка закончена, всех близких тебе скормил и даже дальних! Спать-спать-спать.

* * *

– А чего тебя вообще на дороги потянуло, типа на панель? Вроде, не твоя поляна. Ты ведь у нас птица высокого полета, башни громоздить безбашенно, генпланы генерировать...

– А мне сверху видно всё.

– А что тут видеть? Вариантов-то раз-два и обчелся. Или дублерку реанимировать, или в ярусы.

– «Взгляд, конечно, варварский, но верный». Только это, Ванек, взгляд с нулевой отметки, то ись – бэспэрспэктивный. С нулевой – какая ж перспектива?

– Да? А какие ты нам откроешь светлые перспективы?

– Ну, может, какие-нибудь и откроются. Только уж, извини, не вам. Всё, конец связи.

– Да где уж нам... открывалка.

* * *

– Ваня, у Женьки день рождения скоро... Ну, то есть, не так скоро, но – шестнадцать лет. Что-то надо.

– Думал уже. А что она хочет, ты знаешь?

– Гибкие мобильные компьютеры появились, «могики». Те же мопсы, но не наручные, а в виде бандана и с камерой-проектором во лбу. Насте, подружке ее, родители только что привезли. Их еще стилизуют под индейские... «Новые могикане»!

– Видел. Но он же через год будет в десять раз дешевле.

– Ванечка, через год он будет у всех и будет уже не нужен. Я понимаю тебя, нам это трудно, но это не только игрушка, у них ведь не обычная школа, там нельзя выпадать из круга.

– Ну ты реально посмотри...

– Ванечка, я знаю, ты не любишь, но за ее зимние Альпы ведь заплатил отец, это не на мои гонорары. И за круиз тоже. Ты ведь это понимаешь, что же закрывать глаза. Ну, давай я у него просто в долг попрошу...

– Нет! Он двадцать лет простить себе не может, что рано подарил тебе квартиру. А ты и выскочила за сельского урода...

– Ваня, ну у него другие понятия о жизни...

– Не говори ему ничего. Подумаем.

– Ну, хорошо. А что ты такой?

– Какой «такой»?

– Ну я же вижу. Случилось что-нибудь?

– Ничего не случилось... С Витькой тут базарили.

– С Архитравом? Кстати, за какие архитектурные достоинства его так прозвали?

– Травил много.

– А «Эпистиль» – потому что у него был эпический стиль или просто по синонимии?

– Просто... Просто потому что это иначе произносилось. Тоже в конкурс полез. Чего-то выдумывать собирается.

– Ну, он же человек с выдумкой.

– Да что тут можно выдумать? Расширение старой не везде проходит, значит, полюбому, нужна еще дорога, параллельно или ярусами, и я докажу, что эстакады быстрее и дешевле. И перспективнее. Уже доказал. И не надо вырубать ни лесов, ни экологов...

– Так что же ты тогда нервничаешь? Пиццу с курицей будешь?

– Будешь... Я не нерн... не нервничаю, а я не понимаю, что тут еще можно выдумать. Канал прорыть Москва-Питер и сплавлять.

– Свежее решение. Тебя в самом деле так беспокоит...

– Он что-то придумал. Я чувствую. Не полез бы он с еще одним стандартным вариантом в дорожный конкурс – зачем? Нет, он что-то придумал... И я не понимаю – что, понимаешь? Спасибо, не хочу больше, извини.

– Ваня, ну ты же ничего... Ну чаю-то...

– Потом, потом.

* * *

– Привет, милый. Можешь говорить, да? Я сейчас в редакцию, наверное, до вечера... мопса поверни, я тебя не вижу. Ой, бабушка, а почему у тебя такие большие очки?

– Да в тех уже не вижу ни черта, левым особенно.

– Ваня, у Эли есть знакомый окулист, профессор...

– Вот и пусть они друг другу очки втирают. Во парилка, да? Мокрый до этой самой... – опять кондёры вырубил по всему зданию.

– Лимит выбрали? Что он у вас такой маленький?

– Да нормальный, просто все гибридов своих из институтской розетки заряжают... и я тоже.

– А окна открыть?

– Да все уж пооткрывали, которые и не должны, и все равно духовка. А наверху вообще баня: там целиком не открыть, только щели... Ты где едешь, покажи... А, стоишь в пробочке. Ну, я тебя тогда поразвлекаю. Федьку моего сейчас умыли.

– В каком смысле?

– В прямом. Ветерок подул – у нас тут роза такая, что всё в нашу сторону несет – он и подошел к окну подышать, подымить...

– А вы, что же, и курите там? Не отходя от кассы?

– Ну, начальства же нет: на виллах, живьем и не появляется. Ну вот, выставился весь за окно, еще и рубашку расстегнул, а сверху откуда-то чайник выплеснули – он все и собрал на впалую грудь. Зеленый был. Ароматизированный.

– И горячий?

– А ты, оказывается, садистка... Нет. Но все равно обиделся, побежал искать, какая это...

– Нашел?

– Да найдешь там...

– Записано же все.

– Ну, он не хакер, а просто так в надзорную сеть кто ж его пустит, ароматизированного? Она для начальства – или если какие-нибудь ментокрылые налетят.

– Уличные же камеры – в открытой сети.

– Милочка, мы несравненно выше этого подглядывания: уличные на первых этажах, а мы на семнадцатом... Да, погоди-ка, не отключайся, тут к нам сродственничек в гости собирается, племяш мой двоюродный, Дашкин сын. Он – ну, не то чтобы совсем дебильный был, но отставал малость...

– Я помню, помню, ты рассказывал. Гнуся, да?

– Гуня. Ну, вообще-то, Даня, Данила, а Гуня – это по малолетству. Но я же его с тех пор и не видел. Больше десяти лет. Вот, вырос, выучился, поступать приезжает.

– Ой, молодец. Ну и прекрасно, поможем подготовиться. Он куда хочет?

– Да я думаю, он хочет от армии закосить. Ну, посмотрим. На днях должен объявиться.

- Звонил?
- По емеле сообщил. Где только адрес узнал...
- Ну вот, значит, в сети искать умеет, уже кое-что. Талантливые дети подросли, а нас всё молодыми сетеррористами пугают, вместо того чтобы обычных ловить. Ты когда сегодня?
- Да скоро, все одно и дома еще доделывать.
- Ну что, опять до утра сидишь? Вдовец соломенный.
- Нет, сейчас, мопса только вырублю, а то он у меня все пишет, как шпион... Знаешь, только не смейся... я со всеми этими делами... как-то в самом деле по тебе соскучился...
- О боже мой, да ты здоров ли, милый?.. Ну не сходи с ума!
- Слушай, я... я люблю тебя!.. слышишь?
- Зайчик мой!.. не надоела?.. за семнадцать лет...
- Никогда... только больше... как мальчишка...
- Ва-анечка... Ва-а!..

* * *

- О, черт! Микрофон в кашу...
- А ты сними эту сбрую и ешь нормально. И зачем ты все записываешь? Хронику жизни оставить потомкам?
- Ха, нужна она им. Нет, симулятор кормлю. Между прочим, полезная штука.
- Чем полезная? Масло бери.
- Следующий шаг после мобильной персоналки. Ты вот мопса как используешь? Мобила, поисковик, чтоб на работу лишний раз не идти и в Эдинбурге своем поприисутствовать, если поехать не получилось, – так? А он может больше. Он может проблемы решать и будущее предсказывать.
- Как? Неужели и ты поверил в астрологию?
- Нет, ну, не предсказать, а проиграть в твоём, так сказать, формате, предпрожить виртуально,
- Я уж как-нибудь сама проживу, реально.
- Да сама и проживешь, но он тебе покажет – как. Как проживешь, если сделаешь так, и как – если иначе.
- Камень на распутье? «Прямо пойдешь —...
- ...к ментам попадешь». Да, типа того. Машина выбора. Хорошая программа, на шахматных алгоритмах, далеко считает. Ходы выбираешь ты, но она показывает тебе последовательные позиции, к которым приведет твой выбор.
- Но в шахматах есть набор правил...
- Он есть и в жизни. В ней же тоже есть сравнительная сила фигур, оценка позиции, комбинации, удары, жертвы...
- И все кончается матом?
- Х-хе... чаще вничью. Но старые программы были «объективки», смотрели только на доску, а эта смотрит и на твоих противников, но, главное, она смотрит на тебя, точнее, в тебя. Нет, даже не так, ей не надо смотреть в тебя, она и есть ты в каком-то приближении, она смотрит в себя и находит твой будущий ход, который ты сделаешь в той позиции, когда она встанет на доске через двадцать ходов.
- А откуда она меня знает? По разговорам?
- Да, ты должна ее вскармливать своими словами, мыслями, реакциями, эмоциями. Читать ей вслух, как ребенку, и комментировать или, там, рассуждать. Но не сразу. Сначала – психологическая томография: отвечаешь на тестовые вопросы, вводишь реалии – себя, знакомых, события, воспоминания, чтобы сформировалась психобаза. Как бы очерчивается

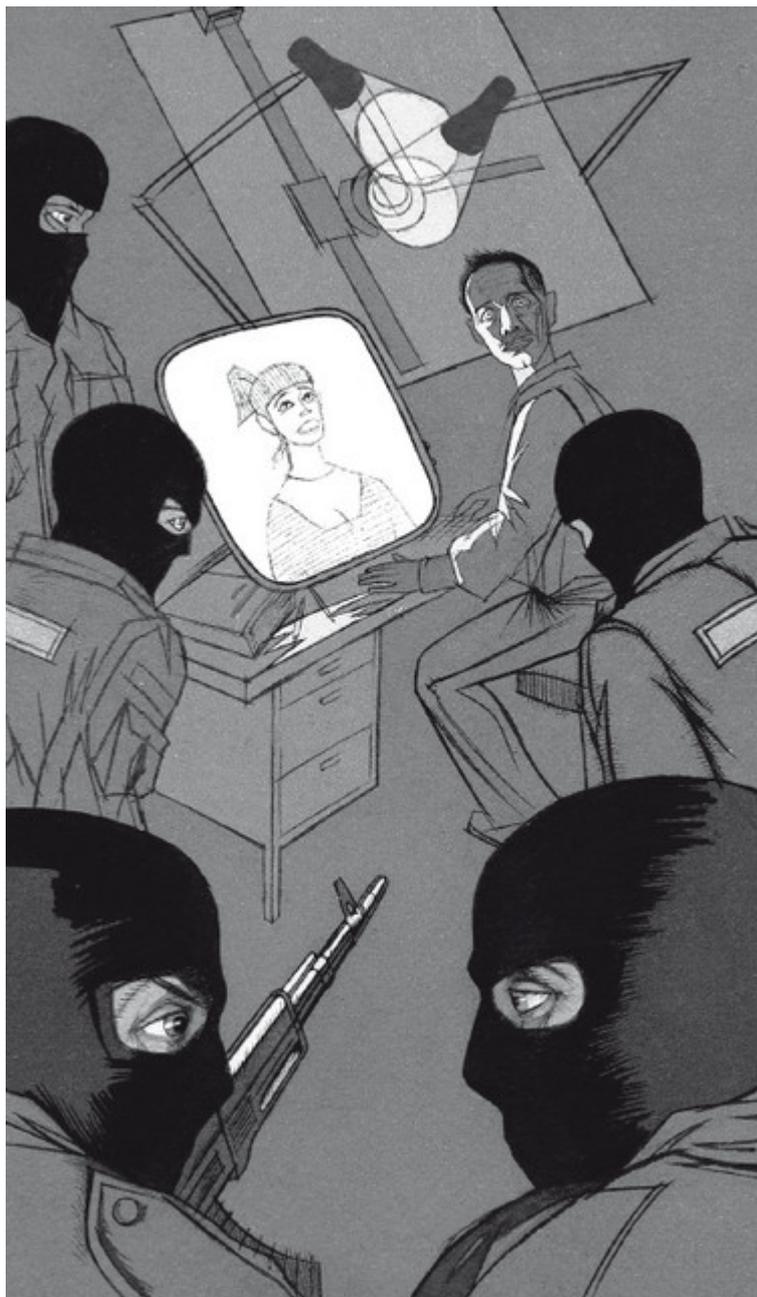
твоя внутренняя тень, контурная карта твоей души. Это база. А дальше, уже по ходу, идет ее корректирование, наполнение и актуализация текущим материалом твоей жизни. Устный дневник рекомендуют вести. Чем больше вводишь, тем ближе к тебе становится виртуальный клон и тем точнее его предсказания твоих действий и реакций. Да и не только твоих.

– Виртуальная тень... Пиявка духовная.

– Пиявки полезны. Но это, скорее, духовное зеркало. Ты же смотришься в зеркало, чтобы что-то в себе подправить. Или тот же твой театр: там ты проживаешь впрок чужие жизни, а здесь можешь начерно проиграть варианты своей.

– «И с отвращением читаю жизнь мою...»

– Ты ее улущаешь. Ладно, мне сегодня надо живьем пребывать, полетел.

* * *

Ну, займемся расширением психобазы. Да, и загрузим мы в нее непрочитанную, как всегда, классику, Витрувия. А заодно узнаем, наконец, что такое есть архитектура. И с чем ее есть. Значит, технические детали пропускаем, смотрим общее.

«...чтобы величие империи приумножалось и возведением великолепных общественных зданий...»

Москва-сити, что ли? Или наш фитиль?

«...в этих книгах я разъяснил все законы архитектуры...»

Ну, вот и давай.

«Архитектура состоит из строя, по-гречески taxiz...»

Ну, мне только по-гречески не хватало.

«...расположения, евритмии, соразмерности, благообразия и расчета... Все это начинается с размышления и изобретения».

У нас – с заказа, обычно.

«Размышление есть старательность, полная усердия, трудолюбия и бдительности...»

Да! Чтоб чего не сперли, пока размышляешь.

«Все это должно делать, принимая во внимание прочность, пользу и красоту».

Да-да. Ну, прочность мы сдавали. А польза у нас достигается...

«...беспрепятственным для использования расположением помещений...»

Это чтобы совмещенных санузлов не делать?

«...и подходящим и удобным распределением их по странам света».

Фэн-шуй какой-то. Ладно, а что у нас красота? «Приятный вид» и «соразмерность»?

Ну-у, дяденька, это вода, это мы сливаем.

«Надо снабжать детей...»

А при чем тут дети? Ну, ладно, это интересно – чем снабжать?

«...таким имуществом и давать им на дорогу то, что может выплыть вместе с ними даже после кораблекрушения. Ведь все дары судьбы могут быть легко ею отняты, внедренные же в умы знания никогда не изменяют, но непоколебимо остаются до самого конца жизни».

Изменяют, дядя, другая жизнь пошла... А тут что, «немного о себе»?

«Да и неудивительно, что меня так мало знают: другие архитекторы ходят и выпрашивают себе архитектурной работы; мне же... благородная краска стыда заливает лицо...»

Даже читать странно. Но вот, две тыщи лет назад – заливала. Во, и олимпийцев задел.

«Какую, например, пользу приносит теперь человечеству своей непобедимостью Милон Кротонский...»

Ну, Милон – или «Милан» – не знаю какую, а вот если бы, допустим, «Зенит», то некоторая часть человечества хорошо бы поорала.

«Наставления же Пифагора, Демокрита, Платона, Аристотеля и прочих мудрецов, соблюдаемые изо дня в день с постоянным рачением...»

С рачением? Да кто сейчас рачит обо всем этом? Не о том рачат.

«И те, кто с юных лет насыщаются этой обильной умственной пищей...»

Из ящика.

«...учреждают в государствах добрые нравы, справедливые права и законы, без чего ни одно государство не в состоянии достичь благополучия».

Что мы и наблюдаем в нашей архитектуре. Ну, что еще?

«...одним словом, мысли мудрых писателей, несмотря на физическое отсутствие последних...»

Да, пожалуй, что отсутствие, и уже последних...

«...проникая в рассуждения и споры, обладают б?льшим значением, чем все мысли живых».

Что-то я наелся этой мудростью. Ну, еще что-нибудь, навскидку...

«В славном и великом городе Эфесе... если перерасход превысит смету... из его собственного имущества».

Всё, хорош. Твоя тысячелетняя мудрость у меня уже вот где. Как всегда, начал за красоту, а кончил за деньги. Ну, умный ты, и совестливый, и большой ученый, про баллисты и скорпионы все знаешь, но вот в чем зерно этой самой архитектуры, в чем ее суть и как ее схватить – этого ты мне не объяснил. Знать, куда ветер дует и откуда солнце светит? Знать-то надо, но этого ж мало.

* * *

– Слушай, у тебя мопс нормально пашет? У меня как-то странно глючить начал.

– Перезагрузи. Ты с чего бутыл?

– Загружал, как все, левую. Дали флэш-булавку, воткнул и забутил.

– Ну, да. Не приведи Бог видеть русский boot... Антисеттер-то хоть обновляешь?

– Да я, в основном – по сети, на институтском сервере, там обновляют.

– На сервер надейся, а сам обновляй. Да и не очень-то надейся. Ты посмотри, куда указывает вектор развития. Связи, коммуникации все сильнее, а люди существуют все изолированнее. И это не противоречие, именно благодаря связям они и могут теперь так существовать. Это у нас еще есть присутственные дни, а во многих конторах их уже нет, там и приходиться-то некуда и незачем, все пашут дома. Мощност? оснастки сделала отдельного человека малым предприятием – и идет атомизация общества. Это ж чистая физика: чем мощнее заряды, тем сильнее и дальше они расталкиваются.

– Если все одного знака.

– Ну, за этим у нас очень следят, и кто с другим знаком, тех быстро экранируют, а то слишком уж многие к ним тянутся. Но ты суть-то уловил? Раз общество, точнее, общежитие человеческое разлетается, значит, разлетятся и его пристанища...

– Развалятся?

– И разлетятся. Впрямую, городов не будет. Ты же Кендзо уважаешь? Он пятьдесят лет назад предсказал переход от точечных городов к линейным, вдоль трасс, но это только первый, еще ползучий шаг. Будущее жилище человека – перелетающий модуль. Все эти замки, пирамиды, небоскребы возникли под тяжестью земного притяжения и борьбы с ним. Оно будет преодолено, и небоскребы переделают в склады и воздушные причалы. А потом они растворятся во времени. Вообще, архитектура жилого массива умрет, передав свои функции дизайну. Будущая земля – это грибница коммуникационных сетей, к которым прирастают перелетающие дома-модули.

– Конец архитектуры?

– Промышленная и ландшафтная останутся, а эта часть отсохнет и отвалится, как наш хвост, когда мы поумнели и слезли с деревьев. Ладно, всё, отваливаюсь, как тот хвост. До связи.

– Пока... Поумнели и слезли с деревьев... чтобы вырубать их и строить башни... А древние говорили, что архитектура это искусство вписывать линии в небо. Значит, никуда она не исчезнет, пока есть искусство – и небо. Вот вечно ты спешишь, и я опять не успел сказать.

* * *

- Ну а дед Митяй-то жив еще?
- А яму сносу нет. Об ту зиму стукнуло – ничё, отляжался. Ногу токо приволакиват.
- Всё кадки строгаает?
- Не. Игрушки, на дороге продавать. Кадок ня нада ноне.
- Жаль, хорошо делал. Я, знаешь, Мила, даже сейчас помню запах этих свежеструганных плашек сосновых...
- Не. Сосновых клепок ня бывает.
- Почему это «ня бывает»?
- Потому. Смолой плачут.
- Ну, из дубовых, конечно, лучше.
- Ня знаю дубовых, дед с осины бочарил... Это чё за хавка?
- А Миха сейчас кого разводит?
- Ваня, ну дай человеку поесть. Попробуйте, Даня, это натуральный бифштекс с кровью, вам понравится.
- Миха-та... Яму жись не идет в руку. Што ни день, с утрянки уж настябавши. Много ня развядешь. К училке прибился, а и тама мима.
- Ну, ладно. Ешь, отсыпайся, дела обсудим завтра. Мне тут еще поработать надо.
- А где вы учились, Даня? У вас в деревне полная средняя школа?
- Не, ня полная.
- А какая?
- А никакой, закрыли. Им ня нада. В обитель ходил.
- О-о. И какую вам там программу давали?
- Руп за суп.
- ... Не поняла.
- Русско православье и сетявой у них поиск.
- У них?.. А-а, это, надо понимать, Unix?
- Нада понимать.
- Да, я пытаюсь. Мне казалось, что поиск... ну хорошо. Но что же, окончившие такой курс, становились бакалаврами?
- Бакланами-то? Ага. Токо никто ня кончил. Разбьжались.
- Понятно... Но в Бога, значит, у вас еще веруют?
- Бывает. Тока у нас ня больно видать, во что верить. В Москве, должно, вера вся. Тама, чай, есть во что. Аль у вас тута.
- Да-а... понятно, понятно... Как мясо, не жесткое?
- Такая яда для брюха бяда.
- Бя... почему? Вам не понравилось?
- Ничё, бацильно.

* * *

- Мила, ты дома? Чего ты там... Не знаю, когда, много еще. Ладно, брось это все, слушай, я тебе сейчас тезисно – основные положения.
- Ванечка, ну я же ничего в этом...
- Да тебе и не надо ничего понимать, просто слушай и смотри... – оставь это, ну? У меня же сплошняк, я завтра сдаюсь!

– А это мне когда делать? Женьке в пятницу надо отправлять ее любовь к Англии. Но мне не мешает, я слушаю.

– Значит, так. Пробный вариант – двухуровневая, вот эскиз. Не проходит: пропускной способности не хватает, особенно в расчете на перспективу... «Бэспэрспективно»!

– Что?

– Да так, вспомнил. Значит, основной вариант – три уровня. Одна линия опор – по осевой. Движение на нулевой отметке двухстороннее, на ярусах – одностороннее. Съезды асимметричные.

– Красиво! И эти ветвящиеся стоечки...

– С японцев содрали. Но съездов немного, а между ними – вот такие сервисные пристройки с подъемниками, станциями обслуживания, заправками, кафешками и прочей инфрой.

– А это – с кого?

– Не важно. Это у всех. Причем количество этих пристроек можно наращивать – при-страивать площадки, отстойники, гостиницы, рекреационные зоны, да все что угодно, хоть висячие сады, и возникает такой, приподнятый над землей, мир, в котором можно жить, не спускаясь на землю и, в принципе, даже не выходя из машины.

– Прямо рай... для внутреннего сгорания.

– А ты не смейся. Дорога – это зародыш. Она обстраивается, обустраивается, обрастает придорожными...

– Да-да, так в древности селились вдоль рек – и возникали цивилизации.

– Ну! Вот и это – первый шаг к будущей многоуровневой цивилизации. Типа слоеный пирог...

– «Наполеон»! Ваня, ты – Наполеон! Ты их всех победишь! Поезжай домой.

– Угу. Ладно, все пока.

* * *

– Ну что, три часа уже. Ты завтра – собственно, уже сегодня – будешь не в лучшем из возможных состояний.

– А?

– «Никакой» будешь!

– А-а... Да... Уже...

– Ваня, надо хоть немного поспать. У тебя все готово, что ты еще сидишь? О чем ты думаешь?

– К чему могут прицепиться. Только уже как-то не соображается.

– Ну, кто же это может... А спроси у своей тени!

– У тени?... Да! Молодец! Ну-ка, ну-ка... Бой с тенью. Сейчас исходные введем... Давай, возражай!

«Один ряд опор выглядит в высшей степени неубедительно, а для многоярусной эстакады – просто легкомысленно».

– Во, точно, как их мостовик вещает!

– Ну, ты же его и вводил.

– Да, верно... Только у меня это все просчитано. Я заложил биобетон, он под напряжением сам утолщается и фундаментные корни выпускает. Давай еще!

«Представляются ненадежными наклонные стойки...»

– Нормально всё. Укрепляли.

«...запроектированные в виде короколей...»

– А что это за «короколи»? Каракули? Ошибка?

– Во чудеса. Откуда он... Да нет, правильно, так в деревне называли, когда у дерева ствол раздваивался. Но я ж из деревни в семь лет уехал и с тех пор так уже не говорю. Я этого слова не вводил – откуда он узнал?

– Ну, это же твой клон. Смотри, он о тебе еще не то узнает.

– Бред какой-то. Я точно помню, не говорил я ему этого, да и вообще никому... Ладно, все, хорош. В натуре, спать идти надо.

* * *

– Ну, как прошло? Хорошо? Почему не позвонил?

– Да ничего, нормально, вроде.

– «Нормально»! И сияет, как самовар. Уж сделай милость, расскажи. Приняли без возражений, без замечаний?

– Ну как, опоры им тонковаты, они ж все из поколения напряженного железобетона, усилить требуют. Но это не принципино.

– Не коверкай слова. А у Виктора, ты беспокоился...

– Ха! Знаешь, чего он напетрил – ничего не строить! Не надо, понимаешь, никакой дороги вообще!

– Нет, не понимаю. Ездить-то как?

– Да вот никак. Вообще не ездить – летать! На тех аэротачках, которых в стране сто штук, только у самых жирных.

– Ну, аэромобили – транспорт будущего...

– Да какого? Двадцать второго века – может быть, но сейчас-то как ездить? Вот сейчас, в ближайшие десять-двадцать лет? Ну, проект! Разрисовал, автопорты-ромашки, аэропарковки ВВП, посадки на крыши, ступенчатые терминалы – мама дорогая! Да этого всего и через сто лет еще не будет. А по дороге уже еле ползут, скоро вообще встанут. Короче, это не проект, а так, мягкая сайенс-фикшн, я даже не понимаю, как допустили. Для развлечения высокого жюри, должно быть.

– А кто вас там жюрирует?

– Ну, в комиссии доктора и академики, но они только оценивают, а решают те, кто на телесвязи: министерство, хозяева территорий – ну, все, кому положено.

– А другие проекты?

– Да все плоские: прорубать, огибать, но это и без конкурса можно было. Подкорректировать старый – и гнать рабочку. Не захотели. Значит, есть шансы, Милочка, есть шансики... Слушай, а пожрать у меня есть шансики?

– Идем, прозаседавшийся, готово все давно. Когда объявят?

– Скоро, Милаша, скоро. А Женька что, все еще лягается?

– Звонила, у них после тренировки еще релаксационная медитация!

– О-йё-ёй! Ну, так чего, подождем?

– Она вечером все равно ничего не будет. Да и мне особенно незачем.

– У-йю-юй! Диэтички! А мне вот корпуленция не мешает. Вообще, куда я попал? Что это за семья, пожрать по душам не с кем... Гунька-то где?

– Не знаю, он меня в свои планы не посвящает. Садись. И мопса отключи, пожалуйста.

* * *

– На молодежки? Пойду – ну, только на дзюдо, потом у меня англиш. Тяж там такой, типа трехстворчатый шкаф с антресолями, а мордаха – ничего. Ахмет, что ли. Ахмат? Так ты что, уже... Горный баран? А ты нашего Маугли. ру видала? Ой, дикарь, из леса, натуральный.

Насвинячил тут на кухне, я ему – втык, мама-то стесняется его носом тыкать. А он мне типа: «Монахи – он в монастыре учился, представляешь? – тоже типа навставляли: хде снимают, тама не серят. А скотина – тока так. Она чё, дурная?» Ну, я тебе клянусь, я просто отпала! Кто симпатный? Да ты перегрелась на юге, Настюничка. Он лох, оглобля сельская, я его тут чуть ваще не убила... Нет, ну ты прикинь. Вхожу, Маугли нигде нет. Потом смотрю, а он у рар? в берлоге, стоит перед стенным экраном и на что-то там пялится. Да без понятия, я ж в отцовские не лазаю. Ну, я ему типа что ты тут забыл? Ноль внимания. Я уже по-жесткому: «Закрой, повторять не буду». А он – ни ухом, ни рылом, словно комар пищит, мошка какая-то, даже хвостом не отмахивается, представляешь? Короче, я тапочку скинула и – внешний лоу-кик по нижней трети. Он аж подскочил: «Ах ты, сучка!» – и на меня с граблями своими. А я ему – маваша по верхнему... Да он ни блоков, ничего не умеет, лапоть. Пролетел мимо, спотыкнулся и мордой лица – об тумбу, прям об угол. Ты что, кровящи было, я даже испугалась... Так я же его потом и заматывала, он только глазами хлопал, все поверить не мог. Потом говорит: «Покажи». Ну, я показала на мешке, так он, валенок, еще и ногу себе отбил. А тут как раз предки. А у него репа вот такая, вся забинтована, сверху волоски торчат, как ботва, – и хромает. Ну, рар? раскричался, «тебя не для того там учат, чтобы ты на домашних тренировалась», а мама ничего, ну вообще, повернулась и – к себе. Я потом захожу к ней, сидит красная, платок у лица, и на глазах слезы. Я к ней: «Мам, ты чего, все нормально». А она мне пальцем грозит, платок к губам прижимает, и ее аж трясет всю. Тут и меня достало, я в нее уткнулась, и ну мы уржались втихаря, с детства такой ржачки не было, с Чаплина, у меня потом весь пресс болел...

* * *

Ну, давай, Тень, посмотрим, что нам поведаст этот аккуратненький японский джентльменчик в галстук-бабочке.

«...вещи японцев... не имеют прочной вещественности».

Ну, да, дерево и бумага – не бетон и камень. А сады камней?

«Процесс, в результате которого возникли эти сады, тесно связан с образом мыслей, обычно характеризующимся в Японии словом суки...».

А-а. Теперь ясно, откуда ноги растут. Россия – родина дзен. Так-то, суки. Ну, а что это все-таки значит?

«...образ жизни... поддерживают ветер и луна».

И вошь на аркане? Духовно, по-нашему. А еще что?

«...антиобщественный, антисоциальный характер... система барачков».

Так они же всё с нас срисовали, суки. Еще тогда, когда не было ни барачков, ни нас.

«...человеческий масштаб и масштаб “сверхчеловеческий”, порожденный новой техникой, – они не гармонируют друг с другом».

Вот и я говорю. Но если посмотреть назад, то ведь и готический собор – умышленно нечеловеческого масштаба. И тогда получается, что новая техника уже по масштабу своему – новый бог. Башня, дирижабль, авианосец. А с другого конца – вся эта наномелочь пузатая, тоже ведь несоразмерна человеку. А это тогда что – новый черт, что ли? Он же в деталях. Чушь. Масштаб человека это масштаб его мыслей и чувств. Другая шкала. Но про архитектуру-то где? А, вот, «традиция». Ну, что традиция?

«...соединение техники и человека. Традиция играет роль катализатора, который ускоряет и облегчает химическую реакцию, но не сохраняется в конечном продукте».

Хм, изячно. Но непохоже. У тебя-то самого традиция очень чувствуется. И хорошо смотрится. А ты вот скажи, какие у нас новые проблемы?

«...общество уже не в силах поспевать за постоянно растущим производством...»

Ну и как в таком обществе надо строить?

«Райт старался создать пространства, которые могут что-то сказать людям».

Фрэнк – создатель говорящих пространств? Да, пожалуй.

«Я понимаю сообщение, которое несут эти пространства».

А я не понимаю! Мне просто нравится Дом над водопадом. Как и всем. А что я должен там понять? И что он мне говорит? Ну, что-то говорит, но я как-то не успеваю ухватить, как вот когда лопочет какой-нибудь носитель языка, который я учил и, вроде, знаю, но... неродной он мне. И смысл ускользает, приходится врубать транслятор. А где взять транслятор для языка пространств, линий, красок, звуков, если он тебе не родной... Во, информационное общество предвидел, когда еще инета не было... Архитектурное пространство – «клей»! Это хорошо, это я понимаю.

«Проектировать – значит заглядывать в будущее».

Ну, типа да, пожалуй. Что еще? Коммуникация... пространственная сеть в воздухе... Это тоже из будущего, мы до этого пока не доросли. И все-таки ничего ты мне толком не прояснил. Ну, давай что-нибудь еще, для финала.

«...иметь “внутреннюю антенну”... Посылается радиоволна. Мы должны выдвинуть антенну, чтобы точно принять эту волну. Мы не участвуем в самой радиопередаче».

А вот и нет, Кендзо, и ты – доказательство, что участвуем. Радиоцентры-то строим мы, больше ж некому. И если хорошо построишь, то и антенны все повернутся в твою сторону посмотреть, как ты это сделал. Антенну вот где бы взять.

* * *

– Вань, очень занят, слушать можешь? Ну ладно, ты работай, а я просто новости расскажу, поделюсь. Женькину английскую любовь отравили, теперь вся семья в конкурсах, одна я вне конкурса... Гуня? Ты знаешь, он, конечно, дичок, но у него хорошие наклонности. Он не ругается матом, не пьет, не курит... Денег нет? Ну, матом можно и без денег, а он... Наслушался в деревне? Вот тебе и влияние среды, да? Ну, Ванечка, ты – совсем другое дело, у тебя призвание. Да и было чем заработать, а ему? Ну, правильно, нельзя же совсем без денег. Хорошо, я не буду, но он и не просит, да сейчас и не ходит никуда, сидит с утра до вечера за машиной. И не играет, а занимается. Женька ему что-то объясняла, я спросила, не надо ли помочь, – нет, не надо. Потом оказалось, что это он ей помогал. Она же тут его выручила, спасла, можно сказать. Под страшным секретом мне рассказала – ты ничего не знаешь! У нас внизу вечно молодежь собирается, увидели чужака, «дяденька», прицепились, и неизвестно, чем бы кончилось, – он уже дубину какую-то схватил, – если бы Женька не выскочила, она же их всех знает. Страшно горда собой, но не забудь, ты ничего не знаешь. Ну, и он, видимо, оценил. Заметил, что она злится, что-то найти не может, и нашел. Она даже не поняла, как нашел; говорит, он все делает неправильно, но у него как-то получается. С Божьей помощью? Да, чему-то эти монахи его все-таки научили. Или сам дошел, он ведь совсем не так глуп, к городу только еще не адаптировался, все время в какие-то истории... Нет, в милицию больше не попадал, теперь его собака какая-то покусала. На милицию, кстати, нисколько не обиделся, проявил высокую гражданскую сознательность – в такой, впрочем, своеобразной форме: «Без собак няльзя: стадо разбредется». Правда, усмешка его, эти слова сопровождавшая, мне не совсем понравилась; он, по-видимому, все же не в восторге от тех, кто призван охранять стадо... Ой, да, руку почти насквозь; я попыталась погнать на уколы – и слушать не стал. Но, кажется, обошлось, не взбесился. А как говорит Эля, самое страшное – это вещь вне себя. Ну ладно, не буду больше тебя отвлекать, трудись, строитель будущего мира.

* * *

– Нет, я ничего, я вообще ничего не понимаю... Витькины фантазии бездорожные, безбашенные, автолеты его! Бред! Чем они там думают? Это ж все блажь, мечты, это просто... да, просто чтобы выкопать снова старый проект и прорубать дублерку, а конкурс якобы проведен... суки!

– Ваня, прекрати! Поезжай домой, я тоже сейчас приеду, и мы всё обсудим.

– Да что обсуждать? Что тут еще обсуждать? С-суки!.. Ладно, всё, хорошо, не дергайся.

– Когда ты придешь?

– Приду... когда приду.

– Ваня, ну где ты... Боже мой!

– Ч-чэ?.. Ну, ч-чэ?.. Я вам такой – И! – не ндравлюсь, да?

– Ты мне любой нравишься. А если еще умоешься...

– Ах-ах-ах... негигиги – И! – еничный! А чё мне умываться, когда меня сёдни уже – И! – умыли... Слушай, я вот тут принес... Давай выпьем, а?

– ...Давай.

– В-во – И! – ща, мы... нет, вот уж тут... гиги... гиена – мать наша... мать их... Огурчики? – а-атлично!.. Ну, давай, мать! О-ой, тепленькая пошла, да? Ты запей, запей водичкой-то... Ты, Милка, молодец. Ты хоть и белая кость, но ты человек, а они – они разве люди? Так, грязь несоскобленная... выросла везде...

– У Диккенса грязь на улицах нарастала, как сложный процент.

– Во-во... хор-рошо сказал! Уважаю Дик...кенса... А вот когда не на улице, а внутри? Давай!.. Огу-урчик, огурчик бери, похрумкай... От, понимаешь, ну, конкурс, дело такое, можно выиграть, можно не выиграть... ладно. Но вот когда так, чтобы в глаза, ну, чтоб явный бред, – вот, обидно, понимаешь? Четыре года!.. Давай...

– Ваня, ты...

– Ведь ты что думаешь, они там все идиоты? Не-ет, не на-адо! Они на этих фантазиях Витькиных – их и внуки еще ни хрена... – а они уже щас наворуют на сто лет вперед! А что ездить нельзя – какое им на хрен дело? Они-то проедут, с ментами впереди – клином, «свиньей», как псы-рыцари... Давай!..

– Ваня, ты...

– А Витька – гений, конкретно. Это всё так и будет... когда нас не будет... Он же не с бодуна выскочил... Не-ет, он просто так – никогда... И от него, главное, подлянки не ждешь. Это, знаешь, не то что... это редко кто – вот, по жизни...

– Презумпция неблагородства.

– Вво, Элькой твоей потянуло... не люблю. Но – да... Так-то, вроде, ничё и выпить, а коснись – ну падла на падле, с-суки, вот когда еще на стройке вкалывал... А он – не-ет, он... Вот он все выскакивает, вылезает... все он знает, всюду нос сует, везде ему дело... Вот я таких не люблю. Ну не люблю таких! Но он, сука, талант.

– Damn талант of a bitch...

– Давай!.. От, понимаешь, есть что-то такое – вот, или это есть, или нет. И всё. Вот в тебе нет, хоть ты всё прочти, да ты уже и... и во мне нет, а в нем есть. Вот есть, и всё. Деньгами не купишь и задом не высидишь... А он что, землю рыл, жилы рвал?.. Четыре года, как проклятый, не ел, не спал...

– Он шел все прямо и вперед. И все вперед глядел...

– ...без отпусков, без выходных, как и не жил...

– Не спал, не пил. Не пил, не спал, Не спал, не пил, не ел...

– Да! А он сидел по двадцать часов у проектора?

– Нет? Не сидел?..
– ...Сидел!.. Наверное... А может, нет... не в этом дело... Всё он слышал, всё видал, и трещит, и травит без конца, Эпиздиль, блин... Дико раздражает, дико... Дико... интересно! А с этими, которые нет, – нет. Вот, это – как? Ты про такое читала?

– Читала.
– Ну, и херня это всё! Давай!.. Где читала?
– Где... Не помню... Давай!
– Давай... Не ел, не пил...
– Не пил, не спал...
– Не спал, не жрал... не срал!

* * *

– Ну что, фантаст, принимай поздравления.
– Принимаю.
– Ты словно и не рад. Хорошо фасон держишь.
– А я и не сомневался, конкурентов-то не было. Реально толковой была только твоя этажерка, но у тебя ошибка.

– Нет там ошибок, десять раз выверял.
– Не то ты выверял. Знаешь, Ваня, в чем твоя ошибка? Ты представил им правильный проект. При традиционном подходе он вообще единственно правильный. Ты это аргументировал, рассказал историю, привел данные, расчеты, все верно и убедительно – и проект задробили. Почему?

– Потому что решают идиоты.
– Именно! Но они ведь и всегда у нас решают, так надо же это учитывать. Ты им рассказал, с каким успехом это было сделано в Америке в 1920-х, в Японии в 1960-х, потом в Германии, в Китае, – а они смотрели на тебя, и их маленькие глазки становились еще меньше. Потому что все это разумное и правильное гады американцы поняли и сделали сто лет назад, а потом гады японцы, гады немцы – и все прочие гады. И что ты предлагаешь им, этим хозяевам, этим совладельцам ООО «Россия», которых распирает их жир, их власть, их сознание собственной значительности? Ты посылаешь их в зад! Ты предлагаешь им встать в хвост длинной мировой очереди, в которой последний никогда не станет первым. И каждый из них подумал: это нам, что ли, в такую задницу лезть? Да ты чё, парень? Ты нам давай такой проект, где мы сразу – первые, а американцы с китайцами нас сзади подробно рассматривают и губы облизывают. Вот какой давай!

– Но сейчас – через месяц, через год, когда все закупорится и встанет, – что они делать будут?

– Что всегда. Делить страну на зоны и людей на сорта: кому где дозволено ездить, жить, дышать. Но и это – только когда уже рогом упрутся, не раньше. Их заплывшие жиром глазки далеко не видят. Ни в чем.

– Ну, распелся, Архитрав. Ладно, банкуи, есть повод. С тебя бутылка.
– Нет вопроса!

* * *

– Ну, Ваня, видишь, и Виктор сказал, что твой проект единственный реальный, а то, что выбрали его...

– Да ничего они не выбрали! Старый они взяли, плоский, без выбора, а Витькин – так, пыль миру в глаза пустить и руки погреть.

- Но они же финансирование обещают...
- Обещают. А пыль осядет – забудут, первый раз, что ли.
- Но пока все-таки можно что-то делать...

– Всегда можно что-то делать. И я свой не брошу. Вечерами, в выходные – как начинал, еще до всех конкурсов, так и продолжать буду. Пригодится! Ничего, Милаша, прорвемся. Будет и на нашей дороге финансирование... Только держаться надо, а то чего-то я как-то забывать стал, путаться... раньше не было. То запятая не там, то лишняя ноль откуда-то. Или вообще расчета нет, а я помню, что делал, даже строчка перед глазами стоит. И нету ее. Всё десять раз проверять приходится, медленно всё стало, еле тащится, а главное, себе доверять перестал. Вот это хуже всего, когда на себя положиться не можешь. И не знаешь, чего от себя самого ждать... И еще спам чего-то попер, как никогда не было. Хрен знает, что происходит.

* * *

Ну что эти «Эль бурж», «Бурж Дубай», башни эти шанхайские. Восемьсот метров, тыща двести, тыща шестьсот – кто больше? Это же не человеческое жилье, это гонор буржуйский... дубайский. И мы туда же, с фитилем своим. Ну, на тыщи кишка-то тонка, но тоже в калашный ряд. А как же – или мы кого хуже? Вот и у нас будет торчать на ровном месте. На исторически ровном месте. Зачем, дубай, зачем? Ну, японцев еще можно понять, им жить негде, запузыривают четырехкилометровую на миллион человек... И чего им эти четыре километра дались – еще Никитину после его Останкинской заказывали. Строить, правда, не спешат. А, ну да, Фудзияма же у них четыре км, им же выше надо, а то они лицо потеряют... перед лицом природы. Триллион долларов... у нас все жилье в стране столько не стоит. Ладно, чего, своим горбом заработали, без капли нефти, не чета дубаям; их дело, как тратить. Да и есть резон. А эти-то все чего? Понятно, когда земля в городах была дорогая, надо было вверх тянуть, но сейчас же – тут Витька прав – всё расплзается, всё уходит в сети, так чего тесниться, лезть в облака от земли? Оттуда же и не видно ничего. С дерева, с горки, с колокольни – хорошо, далеко видать, грудь словно шире становится, дышишь, смотришь кругом и улыбаешься, сам не знаешь чему. Человеческий масштаб, душе соразмерный. А с башен этих смотреть – как с самолета. Да еще если не туман, не смог и вообще хоть что-то видно.

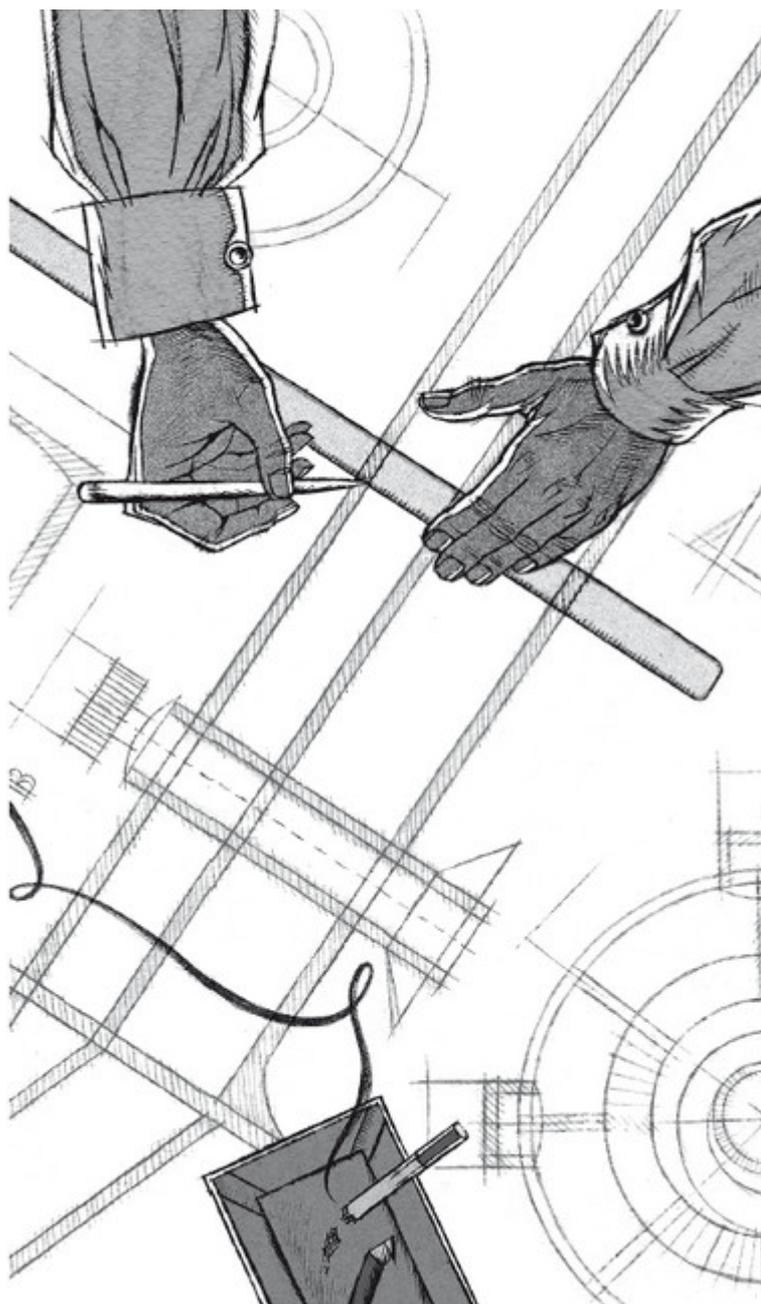
Так зачем? Ну как же, надо же нашим купчикам выкрикнуть свое «И – я! И – я!». Труба, правда, пониже, поскольку газ нефти пожиже, но тоже будет елда хоть куда. Да, когда нефть, газ или еще что ударяет в голову, последствия бывают тяжелые. Всё похерили: ансамбль, историю, душу города, регламент – его-то в первую голову. Хотя нам регламенты и херить нечего, у нас на всех регламентах отродясь хер стоит. Старинный, твердый на конце «херь»! Теперь вот и на душе. И какой полет духа: у всех башни, значит и нам надо. Обезьяны. Ничего оригинального – даже и мысли такой нет, одна мысль: подсмотреть за бугром и... Ну, отличитесь хоть чем-нибудь, ну вкопайте ее в землю на двести этажей, войдите в историю... А кстати, чем не идея: налево – офисы, направо – исторический музей, на каждые десять лет – этаж, со сменой костюмов, медиаэкспозиций в исторических интерьерах и закусок в буфетах. Туристы бы со всего мира валили погрузиться в глубь истории. Или вам символ нужен? Ну, заделайте гигантскую трубу под городом, под Невой, да с выходом в залив – да мало ли что можно придумать, если думать, а не мартышкам подражать. Нет, тянут свой фитиль, дубай. И на каком грунте? Один фундамент влетит... о мудрецы! А вот Никитин полкилометра на голой земле поставил – и не осела. Почва, правда, другая, но тоже пытались в землю загнать, на сорок метров до скалы. А он поставил так – и ничего, нет кручения, не перекинулась. Вот опять: что это у нас, куда ни сунься, на одного понимающего, как можно сделать, много-много тех, которые стараются загнать его под землю на много-

много метров, до скального грунта. И еще в саму скалу, для надежности... Или это везде так? Вообще-то, что ж, можно понять: а что, если... Страшно ж подумать. И маленьким – страшно. И они не думают. А большому – не страшно? Большому не до того, он силу чувствует, ему интересно... Но как знать, кто может, а кто не может. Вот Огюстика, шаркуна придворного, вовремя ухватили за фалды: быстренько подправил, да и то не всё. И та банда завистников, которая мешала ему работать, на самом деле спасла его красиво нарисованный, но плохо просчитанный Исаакий. А с другой стороны, Карлу Ивановичу такая же группа таких же сильных спецов реально мешала. И не предложи он повеситься на своих балках, так и не достроил бы Александринки. А балки его до сих пор стоят, их, вроде, и менять не стали. Вот и пойдешь, блин, отличи того, кто кричит «я могу», от того, кто может. Сейчас все кричат, не кричишь – тебя не заметят. Ну, и как отличать? А вкладываться-то надо прилично. Банки вот кредитные истории изучают. Но если, допустим, у меня ничего, кроме идеи, и мне вообще некуда приткнуться, – когда начнется кредитная история моей перелетной, перекаточной жизни? Нескоро.

А вот я бы действительно дал каждому по куску земли, со светом и дорогами, чтобы, без дураков, и хлеб привозили, и врач мог добраться. Это можно сделать, Явлинский поседел, доказывая: можно! Но кто же будет слушать? Экстремизм. Спасибо, что не посадили... И вот издал бы я такой закон, чтобы рожать только там, и первые семь лет никуда ребенка оттуда не увозить. Чтобы этот вот клочок земли, с опушкой леса или берегом речки, с горкой, или оврагом, или болотом – и с привязанным к этому клочку солнцем, пространством и словом – входил в детскую душу и оставался потом всю жизнь где-то в первом, корневом ее каталоге, и согревал, и поддерживал, и давал устойчивость по курсу жизни, даже если бы прокладывался он в далекой от этого клочка стороне. Как это там?

И вдруг такой повеяло с полей
Тоской любви, тоской свиданий кратких!
Я уплывал... все дальше... без оглядки
На мглистый берег юности своей.

Не будет такого закона. Ничего не будет... Да блин, делать надо, – а там посмотрим, что будет...

* * *

– Ваня, ты сегодня пораньше не сможешь? Я Элю позвала, неудобно...

– О нет! Это уж ты сама... Вот с Гунькой посидите, пусть пообщается с умным человеком, а я уж... Извини.

– Эля, ну техника развивается по своим законам, гуманитарная сфера – по своим...

– Милочка, контемпоральная волна техно-гуманитарной схизмы сингулярна, фатальна. И позиционирование плодов культуры в качестве интеллектуального сырьевого ресурса – прямое следствие аксиологической деградации ретардированного сознания. Это же имплицитно! Посмотри, ведь транспонировалась сама семантика культурного поля, о трансценденции быта и бытия уже нет и речи – все сводится к аранжированию трансформеров механического креатива, к дистрибуции актуализированного специфического ресурса, – какая шняга! Превышена критическая масса активного информационного контента, пошла

цепная реакция акселерации времени, человечество выпадает из него, отстает, оказывается вне своего времени, на его задворках, понимаешь?

– Мельмот-скиталец?

– Мельмот, да не тот, потому что скитаться ему недолго.

– Ну уж, не выйдем. Человек придумал, как ускорить время, он придумает, и как его догнать.

– Да? А что ж могикане не придумали? Гунны, хетты, киммерийцы?

– Ну, мы не могикане. Они не придумывали, а только пытались остановить время. Луддиты тоже ломали машины, а потом ничего, освоили.

– Твои луддиты точно так же вымерли, а освоили уже другие.

– А у нас в древне тожа муддиты. Токо что ня ломают, палят все, а вымирать ня торопятся.

– Вот, очень уместная констатация. А лояльные – в смысле, законопослушные – у вас есть?

– Не, у нас никаких нет. А которы есть, теи отсидемши.

– А вот скажите, молодой человек, эти ваши... хм, «муддиты», разумеется, все сожгут – и где потом будут работать? Зарабатывать где будут?

– А нигде.

– И что же в этом хорошего?

– А ничего.

– Но разве они уж настолько «муддиты», что этого не понимают?

– Понимают, чё ж ня понять. А токо все одно спалят.

– Но почему??

– А им принципино.

– И как она вам показалась, Даня? Ее, правда, иногда нелегко слушать, но она очень умна, защищается скоро.

– Да ничё. Окорки коротки, обсаливши больно. А так ничё.

* * *

– Ваня, ты видел? Опять! Это какой-то ужас! Пятьсот человек, с детьми... Слушай, ну как это можно? Ну дети-то причем? Правильная религия, неправильная религия, ну что же, из-за этого...

– Голодных много. Полмира. А телевизоры и сеть везде. И они видят эти дома, машины, рестораны, а им нечего жрать. Тут всегда найдется религия, партия, волна, которая подскажет: они забрали твое, убей их.

– Это какое-то безумие, озверение!..

– Да, одни с голодухи, другие с жиру... Частное небо закрыли – слышала? Только Росаэро. Ты собиралась в свой Эдинбург – учти, теперь будет предварительная проверка на любой билет. На поезда тоже. Так что надо заранее.

– Ну вот, и небо национализировали... Слушай, а как же эти аэромобили Виктора?

– Накрылись. Этим самым местом... указа. Начальство очень довольно, они ему всю дорогу – как бельмо. Уже приказ готов: на теме крест, всю группу разогнать.

– И что же, остается только старая дорога-дублер? А твой проект не могут реанимировать?

– У нас, Мила, все возможно, я всегда это говорил. Проект-победитель был забит в федеральную программу, Витька теперь отпал, но программа-то остается, значит, будет замена. Чуешь? Короче, шеф распорядился все поднять и подготовить к среде.

– А ты успеешь поднять?

– А я и не бросал. И мне еще человечка подкинули для всяких оформлений-представлений. Не хвост свинячий – архитектурный менеджер, технолог успеха, уйди с дороги! Ну, конечно, не с улицы: сынок второго зама, но, вроде, не дурак. Правда, все мы теперь будем у начальства как на ладони...

– Троянский менеджер? А отказаться ты не мог?

– Дороже обошлось бы. Да и при случае может оказаться полезен. Но главное, это ведь означает, что у нас не тупик, не отстой, а – перспектива, ду ю андерстенд? Такие вот дела, Миледька!

* * *

– Ну чего, пыль со своей этажерки сметаешь? Давай-давай, куй. Горячо!

– Да, бутылка за мной. А твою-то группу куда? По отдела – или как?

– Не знаю. Не докладывали.

– Так вам ничего и не предложили, во как... Слушай, мы ведь под это дело расширяться должны – давай кого-нибудь пристрою.

– Затем и пришел. Вот список. Этого ты знаешь, его надо бы. Он звезд не хватает, но пашет. И по жизни у него сейчас...

– Да, я слышал. Сделаем. А это кто?

– Этого я взял, когда мы расширялись. Молодой, но соображает. Поговори.

– Ладно, разберемся. Ты-то сам куда?

– Чапай думает. Чапай на распутье.

– Слушай... только без закидок, да?.. Короче, давай к нам, в деньгах практически не потеряешь. Бери всю архитектуру, лучше тебя я все равно не найду. Концепт ты знаешь, дальше руки у тебя развязаны. Будут идеи – обсудим.

– Да какие, Ваня, тут идеи? Нет тут пространства для идей.

– Ну вот, тебе бы только летать. Но на ближайшие годы погода нелетная, так что хочешь не хочешь, а все будут ползать.

– Угу. Кроме тех, кто делает эту погоду.

– Кто делает? Террористы?

– А ты и не врубился? Не в террористах дело, Ваня, они – только предлог еще что-нибудь закрыть. Это те, у кого есть возможности, заботятся о том, чтобы больше ни у кого таких возможностей не было. Чтобы только с их разрешения, чтобы только они решали, кому можно летать, строить, дышать, а кому нет. И за сколько. Это и есть забота о населении: они его защищают. А стадо жрет лапшу с ушей и согласно качает головами: «М-м-у-дро!». Общество равной невозможности в отдельно взятой стране... Уеду на хрен. С жирными котами и тупыми скотами ничего нельзя сделать. Не будет здесь ничего, понимаешь?

– Будет! Не летом, так ползком, но будет. Делать надо – и будет.

– Тихо-тихо ползи, улитка... Ну, Бог в помощь. Прощай.

* * *

– Знаешь, Ваня, не хотела тебе говорить, но... я просто не знаю... Я давно заметила, что котлеты, куски колбасы исчезают, но теперь уже и сырое мясо! Нет, он хороший мальчик, просто не получивший...

– Мила, он всю жизнь ел что Бог пошлет. Чем соседи покормили или у монахов «трапязнул», что в лесу нашел или на огородах украл. А с десяти лет уже сам зарабатывал, скотину пас. О его хлебе, учении, воспитании – никто никогда не заботился, понимаешь?

– Но почему же не спросить, мы ведь ему не чужие, разве нам жалко...

– Он не привык. И это не всем легко.

– А так что же?

– А так – привычно. Поймают – побьют, зато не просить ни у кого, ни у своих, ни у чужих. Ему в городе все чужие. Да, в общем-то, и везде, но тут особенно, он тут, как крыса загравленная, готов на любого кинуться и вцепиться насмерть. Ладно, я поговорю... Подожди, как – сырое? Он что, жарит, печет его?..

– Да в том-то и дело, Ваня! Счетчик же все записывает: со вчерашнего вечера ни печка, ни плита не включались. А мясо исчезло. Не все, нет, осталось достаточно, но... Ванечка, я боюсь!

– Так, понятно. Теперь слушай меня внимательно. Быстро готовь то, что осталось, поняла? А то ведь все исчезнет, а я приеду голодный – и что тогда от тебя останется?

– Ванька, твои шуточки... Знаешь, а свожу-ка я его в театр. В самом деле, мы его как-то забросили за делами. Ты не пойдешь?

– Театраля, мне б до койки... Короче, филология, я через час выезжаю, так что быстро – к плите. А то я тебе устрою театр. Одного голодного актера.

* * *

– Мила, привет, ты заявку на билеты уже отправила? Ну, перекинь мне, еще, может, и вместе поедем. Меня тут Второй вызвал, я думал сынок уже успел настучать, а он о командировке: надо же нам когда-то их опыт осваивать.

– Правда? Ах, вот было бы замечательно! А когда? куда?

– Предложено определиться.

– Так это же здорово! Слушай, они становятся приличными людьми! А надолго?

– Да, уже стали. На месяц. Командировочка-то на двоих: куда же без менеджера. Чертить и считать он не умеет, вот будет учиться, как делать успех без этого. Это ж теперь главное умение. Ну, мне без разницы. Да и язык он, вроде, знает. Может, пригодится вместо транслятора. Ладно, посмотрим. Как дела-то вообще?

– У Эли неприятности. Какие-то мерзкие сетевые шутники залезли в ее диссертацию и заменили все слова похабщиной... кроме предлогов.

– И кто-то заметил?

– Чему ты смеешься? У нее защита срывается! Совет – не упустив отметить своеобразие терминологии, там тоже шутники – попросил все же привести ее в соответствие. Везде улюлюкают, Москва хохочет, такого скандала давно не было. Ей на конференции посоветовали не ездить, пока все это не уляжется, а у нее доклад в плане – и отослан. Тут не до шуток! И ведь все же понимают, что она-то не виновата, – и все равно...

– А пусть разговаривает по-человечески. Ладно, вечером дорасскажешь.

* * *

– Вы знаете, Даня, я много раз смотрела «Дядю Ваню» и мне всегда казалось, что это любовь к Елене Андреевне открыла ему глаза и на труды профессора, и на него самого...

– Не-а.

– Да, по времени событий не получается, но мне и сейчас так кажется. А как вы это заметили, что не получается?

– Ня любит. Куда яму. Теленок.

– Ну-у, вы уж очень строги. А профессор Серебряков как вам?

– Червя. Березой надо.

– Кого березой? Профессора?

– Яво. У меня тожа черви в кишках были. Баба Марья почек бярезовых напарила, я и пил.

– И помогло?

– Ну. Им принципино.

– Как же это так имплицитно?

– Высрал.

– О боже...

– А чё, не так, что ль? Сами ж вылезли, значит, им принципино.

* * *

– Ваня, наконец-то! что ты не отвечаешь? я встаю, а тебя нет! куда ты улетел? Мы же сегодня собиались... где ты?.. У вас там что – пожар?

– Ну ты же видишь... Мила, извини, тут... Вы идите без меня.

– Подожди, но как же это... Как это случилось? Замыкание?

– Да нет, вырублено же все. Похоже, какая-то сволочь, уходя, окурочку сверху кинула, а к нам затянуло. Не закрыли, козлы...

– И что, всё...

– Да не знаю, не пускают... Видишь, что творится?

– Боже, а там никто?..

– Да не было никого, а то бы раньше заметили.

– Что же тебе теперь – всё с начала?..

– Не знаю, Мила, ничего не знаю... Но похоже на то... Ладно, не бери в голову. Женьке – не надо, скажи просто, что на работе ЧП, без деталей. Я потом позвоню. Извини... я позвоню.

* * *

– Ну что, Ваня? Неужели нигде нет копии? И не посылал никому?

– Да кому? В комиссию представлял, но конкурс закончился, комиссия разошлась, и всё, с концами.

– А на твоём мопсе?

– Нет, я ж выходил на институтский сервер, он быстрее, на нём все делал.

– Но где-то же должно было остаться! У нас ничего бесследно не исчезает.

– Кроме людей, денег и надежд. Это, Мила, в литературе твоей рукописи не горят, а в жизни...

– И что же теперь?

– Да ничего, хоть заново с нуля. Только ждать меня никто не будет. Ладно, поглядим... Футбольчик вот посмотрю, забыл уже, когда и смотрел последний раз. Ничего, Милка, пробьёмся, не впервой.

* * *

– Знаю и без нее дела твои. Вообще, с тобой говорить – только время терять, но все-таки спрошу: что ты уперся в эту дорогу, как баран? Что она тебе даст?

– Я ее построю.

– Даже если ты ее построишь, ездить по ней будут другие. Я уду по ней ездить. А ты, вместе с такими же дураками, будешь стоять под ней в пробках, но эти пробки станут

длиннее. Потому что машин и дураков у нас делают все больше. Ну, так пусть они ее и строят, а ты займись, наконец, делом. Ты уже не мальчик, твой сопливый энтузиазм тебе не по годам. У тебя семья, пока еще, о ней подумай. Подрастает дочь, ее надо выучить, замуж выдать, жильем обеспечить – предстоят большие расходы, ты об этом подумал? Я тебе ничего не дам...

– А я у вас ничего и не прошу.

– А где ты возьмешь? Тебе взять-то негде. Тебе и кредит под твою зарплату дадут только на пылесос. И только на старый, с пыльным мешком. Ты по жизни мужик, мужиком родился, мужиком подохнешь. Оттянул лямку, получил пайку, сожрал, утром потянешь снова. Ты быдло, на тебе надо пахать – ты для этого создан. И до тех пор, пока ты мужик, на тебе и будут ездить. А ты башку наклонил, мычишь и тянешь. Потому что у тебя в башке опилки. Делом займись, а не дорогой в небо, по которой тебе не ездить, потому что рылом не вышел, строитель. Понял?

– Понял. Но я ее все равно построю. А там, Бог даст, и с рылами разберемся.

– Ну смотри. Тебе жить.

* * *

– Ваня, я не вижу, ты где? Говорить можешь? Я что подумала... Ваня, ты не прав, что ждать не будут. Ведь пожар – обстоятельство форс-мажора, это везде и все время, это все понимают, а проект принят государственной комиссией. Вам безусловно должны помочь всё восстановить, должны выделить людей, средства, дать время...

– Угу.

– Ну, я не знаю, может быть, не такое большое, но для восстановления большого ведь и не нужно, правда?

– Не нужно.

– Ну вот. Я уверена, что и года тебе хватит, чтобы...

– Не нужно и года. Ничего не нужно.

– Ваня! Ты не должен так говорить, ты даже думать так не должен! Нельзя опускать руки, ведь ты же сам...

– Проект сохранился.

– ...ты сам всегда... То есть, как? Ваня! Ну, я же говорила! А что ты такой?.. Но где он, у кого?

– А неизвестно. Может, после комиссии остался, может, у ментов – они же тогда все изымали. Короче, мне дали понять, что если ГИПом станет менеджер, а я буду у него замом, то проект найдется. А если я не согласен, то проекта нет. Утрачен по моей вине, и второй раз мне его уже не доверят.

– Вот как... И что ты?..

– Пока ничего. Чапаев думать будет. Ладно, не бери в голову. Видишь, ты была права, работа не погибла, и то хлеб.

* * *

– Ну что, Тень, у тебя спросить? Ну, скажем, если бы остался я тогда на стройке и был бы сейчас прораб... Прораб божий! Что бы я сейчас делал?

– Молился бы.

– Да-а? Ну, и что бы я говорил вот в этот самый момент?

– «...ибо не знаете и знать не можете, как закладывали фундамент дома вашего и сколько стоять ему без того камня, который мы отвергли. И откуда узнаете вы, как клали

перекрытия дома вашего, а уж как их заделывали – вы видите! Но не увидите вы – и не дай вам Бог увидеть, – как замешивали раствор для дома вашего. Воистину, Бог милостив, ибо узрел я, в грязи моей пресмыкаясь, что без милости Божией не могло бы стоять то, что мы строили, – только молитвой и держится, а цемента давно уж нет...»

– Так я, значит, воровал бы? Вот как... Но и веровал, да? И Бога благодарил за такую милость его – или как?

– «Иногда мне хочется поднять руки вверх и воззвать, и крикнуть: «Эй ты, создавший меня по одному из своих образов и подобий, ты, в чьих руках мое прошлое и мое будущее, мое появление и мой уход, ты, склоняющийся сейчас надо мной и вглядывающийся в меня сквозь огромные очки с разными стеклами, ты слышишь меня? Ты – хам! Твои эксперименты надо мной унижают не меня – тебя. И вот я, ничтожная несчастная тварь, не справляющаяся с собой и обреченная погибнуть от своей мерзости раньше, чем от твоей благодати, я спрашиваю тебя: “Ну что, этого ты хотел? Ты доволен?”»

– Что-то я не врубился... Ну, ладно, давай я тебя спрошу по делу... Мне согласиться?

– Согласиться.

– Ты прям как эхо – что спрашиваешь, то и получаешь. Согласиться... И ишачить на менеджеров? Сколько? Всю жизнь?

– Не умствуй. Работай в полную меру сегодняшних возможностей, и это решится само.

– И жить по принципу «подставь другую скулу»? Или по какому?

– «Отойдите от меня, делатели успеха».

* * *

– Ваня, ну что? Вызывали? Ты согласился?

– Не-а.

– Но ты же собирался...

– Ага, собирался. Но, знаешь, пришел, посмотрел на них, на рожи их гладкие – и как-то запахло стало. Послал их всех. И отца, и сына...

– И что же теперь?

– Не знаю. Не думал еще. Ладно, не бери в го...

– ВСТАТЬ! К СТЕНЕ!

– Простите, я не...

– Ваня, что происходит?... Почему они в масках?!

– РУКИ НА СТЕНУ, УРОД! НОГИ ШИРЕ!

– Ваня!! Кто это?!

– ВЫРУБИТЬ СВЯЗЬ!

– Мила, я потом тебе... – больно же!

– Папа, Ваню похитили! Не знаю, я не знаю, кто, пятнистые, в масках, прямо из института, с автоматами... Надписи? Не видела, какие-то полоски, кажется, были, мелькало все, и сразу выключили – он кричал! Папа, что же это такое?... Нет, никуда еще... и не звонить? А как же... Ну, я не буду... а в мили... Как «это и была»? я не понимаю... – папа! Что же это? Я буду, буду ждать, хорошо... Женя? В музее... у них урок в Русском... я сейчас же ее за... Почему не надо? Ну хорошо, я не буду забирать, я только посмотрю... Нет-нет, я поеду... я тебе перезвоню.

* * *

«Сгустки городов расползутся, и в центре миллионного города наступит мертвая тишина... и, для такого города, дикостью будут схемы чертежной доски Корбюзье и других рачителей сквозных проездов утилитарных нужд скотского здоровья».

– Что это?

– Это из записок архитектора Мельникова... Константина Степановича...

– Он что, не русский?

– Почему? Русский. Гениальный архитектор. Трансформация внутреннего пространства... динамическая экспрессия, парадоксальные формы...

– Динамическая, значит...

«...и не остановится темп современных форм Архитектуры, начавшегося здесь у нас на взрывах прошлого...»

– Что-то уже успели здесь взорвать?

– Да нет, это он фигурально, про устаревшие архитектурные формы.

– Ну, ясное дело, устаревшие надо взрывать...

«...мне вспомнилась картина в Лувре “Римляне времен упадка” и мне почудились шаги наступающих варваров, идущих для того, чтобы выполнить страшное дело божьего суда».

– Это какой Рим собираетесь разрушать, фигуральный или какой?

– Это не он, это из французской газеты о его отрицании роскоши, о расплате...

«Кто знает, какими законами на свете нам лучше жить?»

– Такие, значит, вопросы вас интересуют.

– Ну, это же он в плане искусства.

«...дерзновенная сила Красоты...»

– Ну вот же, это он о красоте...

– О красоте? О красоте дослушаем.

«...сила Красоты прекращать трату миллионов на уродов».

– А это, извиняюсь, кто имеется в виду?

– Ну, это о некрасивых постройках, о гаражах...

– Встать! Руки на голову! Ты за кого нас держишь, сявка? Мы вычислили тебя, мы вышли на твой мопс с нескольких сетерактов. Ты думаешь, затер все, прикрыл этой херней, и тебя уже не достать? Вот твой мопс. Не дергайся, выход в сеть обрублен. Даю тебе двадцать четыре часа, и за это время ты, как в старом кино, вспомнишь все. А не вспомнишь, поговорим по-другому. Увести!

«...автострада, в будущем по ней курсируют аэропланы... Потом аэродвижение перейдет в землю, и в воздухе не будет ни одной машины... Не оступись, современник, на тысячу лет вспять... не забывай, что все, что ты строишь, строится для счастья людей... Прошлое еще будет продолжать будущее».

* * *

– Боже мой, Ванечка, я чуть с ума не сошла... Они били тебя?

– Да нет, нормально все. Ошибка, со всеми бывает. Но видишь же, разобрались. Женьке ничего не говорила?

– Нет-нет, сказала, срочная командировка... Обиделась: почему папа не позвонил? Какой ужас, Ваня!

– Да ну чего ты, нормально все... Меня только одно удивляет. Они говорят, через мой мопс нововреды провели несколько сетерактов. А я ведь только в поисковиках и на сервере, больше никуда и не лезу. Надо все-таки обновить антисеттер, вот что.

* * *

– Милка, привет, ты как сейчас, доступна? Ну ла-адно... Короче, всё нашли, суки! А кто ругается? «Суки» – это натуральный японский образ мыслей, учись, филология. Да, всё, всё до точки живо. А я и не спрашивал, где было, зачем эти лишние вопросы? Ну, конечно, смотрели на меня с ожиданием: мы, мол, вишь, всё тебе отдаем, хоть ты и уперся. Ну, я – что? Говорю: «очень хорошо», – скуксились: мало. А я про себя думаю: «Да куда б вы делись, суки? за погоревший федеральный проект башку бы оторвали вам, а не мне». Вот такой японский образ мыслей. Опять же, у менеджера командировка бы накрылась. А ему ж расти надо. Я тут от него узнал, наконец, на старости лет, что такое архитектура. Архитектура, мать, это «квинтэссенция менеджмента жизни». Ты чувствуешь? Ему подрасти малость, он еще твою Эльку научит родину любить. Ладно. Короче, не скучай, приду не рано, надо посмотреть, все ли там на месте. У вас там все нормально?

– Д-да...

– Ну что опять? Мясо?

– Н-нет... фарш... Фарш, Ваня!.. И кости.

– Какие кости? Чьи кости?

– Свиные... пока. Я взяла свинину – охлажденную, на кости, – и вот, свинина есть, а... Нет, ну я все понимаю... то есть я ничего не понимаю. Ну фарш, ну мясо... хотя и это... ну пусть, ну ладно, но – кости??

– Ладно, разберемся с костями. Больше ничего такого?

– Я... я попыталась как-то поговорить с ним – и вызвала всплеск такой безудержной, такой непонятной злобы...

– Ох, миссионерка... Мила, он вырос – Туська его зовет Маугли. ру, – он вырос не среди людей, а как бы частью природы. И по закону его дикой природы, в каждого, кто к нему приближается, он должен вцепиться. Не приближайся к нему! Ты умный, добрый, понимающий человек, ты хочешь ему помочь, – не надо! Я не буду тебе рассказывать о его детстве, о его мамаше, которую он не видал трезвой, о его жизни... Я знаю, ты все можешь представить себе, понять, угадать, – не нужно, не угадывай. Ты хочешь ему помочь? Ты желаешь ему добра? Так оставь его в покое! Ладно, Мила, не бери в голову, все образуется. До вечера.

* * *

- Так Виктора что, совсем уволили?
- А на него у начальства большой зуб вырос, когда Витькину фантастику стали напрямую финансировать, а они ничего от этого откусить не могли.
- Ну, он же не виноват.
- То есть как – получать деньги мимо них, не зависеть, не выпрашивать то, что тебе и так положено, – да он преступник. Такое не прощают.
- И что же теперь?
- Ничего. Уезжать намылился.
- Жалко. Ведь талантливый, ты сам говорил.

– Да... Слабак он и чистоплюй. А здесь пахать надо, землю рыть и грызть, рылом в грязи. Это не для таких. Аристократы духа... Ничего, Мила, справимся и без них. Пробьемся!

– Пока только перебиваемся...

– И перебьемся!

* * *

Покров на Нерли... Посмотри, посмотри еще на это скромное, простое, скудное на красоты создание, посмотри. Посмотри издали, под пологим вечерним лучом или сквозь висячий утренний туман. Посмотри, подойди ближе... и поплывет, задрожит, как в речном отражении, простой светлый облик, негордый, некичливый, не раздавливающий тебя неподъемной тяжестью или чудовищным величием, а только как-то берущий душу твою в ладони и поселяющий в ней тихое спокойствие и какую-то щемящую тоску по всем ушедшим и всем живущим... Подумать только, в какой тьме, в каком ужасе жили... может, потому и создали такую красоту, такую мечту вечную, из камня сложив боль и надежду человеческую... Смогли. И мы можем. Неправда! Через всё, через грязь, гнусь, скверну в собственных душах – можем! Шухов на семьдесят лет раньше всех вантовые сетки повесил. Никитинская башня была выше всех в мире, никто до него таких не считал, а он смог. Хотя учился не в Оксфорде, а в Томскфорде. Мельников ни на кого не оглядывался, журналов вообще не читал... «трезвых мало и еще меньше благородных». Мало, Константин Степанович, но есть же! Не всё убито, растоптано, растеряно, не всё. Посмотри на этот светлый облик, он словно лик... Неправда!

* * *

– Что с этим сделаешь, Мила? Ну, вырос он так... как сорняк придорожный. Сейчас ведь пол-России стоит у дорог, продают всё, что могут, проезжающим в джипах и смотрят им вслед. А он не хочет стоять у дороги... Он человек и все-таки не зверь. Тебя вот кости встревожили – не догадываешься, зачем ему? Да не грызет он их, собаку он подкармливает, пса бездомного, драного, шелудивого, который его укусил. Видел их, сладкая парочка.

– Он так любит собак?

– Может, и любит. Кого-то ж надо. Или чувствует родственную душу: ему, наверное, тоже хочется грызть, кусать, рвать...

– Кого? За что?

– Всех, за все. За жизнь его такую, затраханную, замордованную. Мне это понятно, я, может, такой же был бы, если б карандаш не подвернулся. За карандаш держась и выплыл. А ему не за что ухватиться, его одна злость держит. Ты думаешь, когда он из твоей «Жизни в искусстве», из первоиздания, страницы выдрал на подтирку, и тебя потом пришлось отпавивать...

– Я ему ничего не сказала!

– Ну, я ему все сказал. Но ты что думаешь, это он по наивности?

– Нет, Ваня, он не играл. «Драна, желта – для ча? в сяти всё есь»... Он правда не знал, зачем она.

– Но он знал, что она тебе дорога. Понимаешь?

– «Народ злой, изо всех сил злой».

– Чего это ты на народ?

– Это не я, это у Достоевского...

– Ну, изо всех сил, или может еще добавить, я не знаю, но какая жизнь, такие и люди...
А какие люди – такая и жизнь. Вот и разберись, кто виноват.

– Ваня... А он – нет, я не против, просто... он еще долго у нас... – он не говорил?

– До Успения, вроде. А может, до Усекновения.

– А это... когда?

– Ну, я помню, что ли? Посмотри. Ничего, переживем, не бери в голову. Я еще посижу тут. Давай. До вечера.

* * *

– Витька вчера звонил из Штатов.

– Да? Как он там?

– А вот напомни, у какого это поэта стишок:

Нью-Йорк, Чикаго, Висконсин,

Айова.

Как вам живется, господин?..

– Прекрати!

– Прислал вот беседу с боссом – типа начало большого пути. Хочешь послушать?

– Ну давай, любопытно.

«– You ought to give up your fucking russian...»

– О, пардон...

– А сразу включить транслятор ты не мог?

– Ну извини, забыл. Вот, семейный вариант:

«– Вам/тебе следует оставить ваши/твои...»

– Ну, выбери «ты». Судя по такому началу...

– Да, тут, скорей, на «ты».

«– Тебе следует оставить твои милые русские привычки. Ты прилетел сюда из твоей милой России с твоими милыми недоношенными идеями, которые у нас уже пополам в бетоне – пополам в земле. Так что милую прищеровку ты здесь не жди. И ничего здесь не жди. И тебя здесь не ждут и не дождутся. Но ты не полный инвалид на голову, и милое дело тебе найдется. Вот, позанимаешься местами индивидуального пользования. Знаешь, что такое? У вас в России есть? Ну и рисуй. Быстро и без милых ошибок. И еще: пока не вырос в большую самку собаки, громко не тьявкой, у нас не любят.

– А когда вырасту, полюбят?

– Нет. Но тогда тебе будет на это уже насправить большую нужду».

– Да, не очень весело... А прислал тебе, хотя с тобой больше всех ругался.

– Ругался! Он раз завелся и в драку полез.

– Боже мой, ты с ним дрался?

– Что я, больной? Вытянул руку и держал, пока он не устал трепыхаться.

– И всё?

– Ну как. Обиделся, что ему по тыкве не дали, мужика в нем не уважили.

– Долго дулся?

– Да нет... У меня в расчеты-то ошибочка все-таки затесалась – может, с недосыпу. Ну и на представлении...

– Он торжественно отмстил?

– Нет... Ну, то есть, да, но когда уже разошлись все. Подошел, ткнул молча и ушел.

Типа: «я тоже хилых не бью». Мелкий он больно, у таких всегда гонору...

– Мал, да удал. Кроме него ведь никто не заметил?

– Да... Тогда не заметили, а сейчас заметят. Что-то странное у меня: ошибки пошли, никогда не было. По несколько раз проверяю, потом смотрю – ё-моё! И какие-то нелепые, дикие: то в 10 раз, то плюс на минус, то вообще расчета нет, а я помню, как его делал, как проверял, и помню, что так уже было – во сне, что ли? Бред какой-то... Оно, конечно, со всеми бывает. Никитин, вон, ветры пропустил над Мамаевым курганом, «Родина-мать» чуть меч не выронила. Но ему-то было уже под шестьдесят, да и башня задолбала. Черт знает...

– Ваня, ты просто загнал себя. Конкурс, пожар, на нервах всё. Тебе надо отдохнуть.

– Не знаю я, что мне надо... А мне прислал, значит, больше некому. Всё бегают, всё ищут, где глубже, где лучше, а потом вот им... Айова. Везде.

– Знаешь, мне звонит иногда – даже не иногда, а чаще, чем хотелось бы... да и не хотелось бы... Ну, в общем, она старая, злая, несчастная, неблагодарная, у нее дурной глаз, я боюсь, когда она спрашивает о тебе и Женьке, но у нее в телефонной книжке остался только мой телефон... Ответь ему, Ваня. И – без насмешек, да?

– Угу.

* * *

– Ваня, мне сейчас звонила Эля, и... и я даже передать не могу всего, что от нее услышала!

– Верю.

– Ваня, как ты мог! Какое злое, какое скверное мальчишество. Ты можешь ее не любить...

– Спасибо, уже. Но я что-то не врубаюсь...

– И оставь этот жаргон, такой же отвратительный, как твои шутки...

– Какие шутки, Мила? Я, что ли, ее диссерт редактировал? Да видал я ее...

– Ваня, у них профессиональная служба защиты, они вычислили тебя!

– Да не то они...

– Перестань! Это нелепо и... и трусливо! Совсем, совсем на тебя не похоже. И эгоистично: ради мелкого нечистого удовольствия – в какое положение ты меня поставил? Я оказалась перед ней виновата, она оскорблена и действительно не стеснялась в выражениях, я даже не ожидала...

– Это я – эгоист, пакостник и трус? Ни хрена себе!

– И я просила тебя оставить, наконец... this damned, ugly, vulgar language!

– Язык? Что – язык?

– Знаешь что, не валяй...

* * *

– Ну, что, Тень, ты теперь мне скажешь? Вводные такие: они нашли в проекте серьезные ошибки. Дикие, несуразные, нелепые ошибки; объяснить не смог. От руководства проектом отстранен, назначена комиссия по полной проверке документации. И что еще там обнаружат, не представляю... Ничего не могу понять... Пока предложили сесть под менеджера рядовым исполнителем; в случае отказа мне светит увольнение по профнепригодности. Что скажешь? Так и будет?

– Нет.

– А что? Еще хуже? Посадят?

– Да... Шутка. А может, не шутка. Всё путем. Ты зажрался, как все вы тут. Ты на все плевал – рабо-отает он! Вот и получишь, что заработал. Всё, меня больше нет. Вирус. Конец твоей программе. Антисеттер он обновил!

– Подожди! как же... Вот и все. И Тени нет, не с кем и посоветоваться. Остался голый... Кость мне бросают – грызи! Интеллигенция... Хотя чего там советоваться, знаю всё. Кто скажет мне то, чего я не знаю?.. А вот мы сейчас в Милкиной базе – чего она там про Достоевского... Слово писателя – пусть поддержит. Зачем они еще нужны? Ключи: голый, интеллигенция, кость. Отбор? – ну, по релевантности. Время? – без ограничений. Поиск!

«Голый разврат эгоизма, не стыдящийся своей скверной наготы и боящийся только палки, но и той не боящийся ... Сохраняется и высшая интеллигенция, но страшно подумывать: всё седые, всё 40-е годы. А новые – в новых один цинизм, разделись догола ... безо всякой мысли, просто как дикие, как скоты. Собака грызет кость, другая ворчание. Вот эмблема: стащить кость и сгрызть ее одному. Дикие! Дикие! Орангутанг». Ф. М. Достоевский, 1876 год.

– Продолжить? – ну, продолжи.

«Личность не обеспечена... Общество правил нравственности не имеет... Хотя есть индивидуумы высокой чести, но так как они влияния не имеют, то их придется считать пока за частные случаи, не успевшие сплотить из себя гражданское общества».

– Хватит. Поддержал. Мне еще со своим орангутангом разбираться.

* * *

– А чего эта сука...

– Она моя жена, урод. И ты здесь у нее живешь.

– А ты где у нее живешь?

– Ты, знаешь, фильтруй...

– Да? А то чё?

– А то пойдешь искать себе другое жилье, понял?

– Я-то пойду. А вот ты-то поедешь. За тобой-от уж раз прияжжали, а ты и ня понял. Другой-то раз, как думаешь, выпустят? Не, милай, ня выпустят. Так и знай.

– Так это... – ты? Ты?? Это из-за тебя, сучонок, гнус...

* * *

А Витька ведь что-то говорил такое, спорили о компах в деревне. Ну-ка, это ведь еще до Тени было, могло сохраниться...

«– Ну посмотри, вот сейчас они истерически кинулись бороться с нововредами, и кто, оказывается, самые вредоносные террористы? Пацаны, подростки, школяры. Как так? Почему? А потому, что десять лет назад широким жестом кинули в сельские школы компьютеры, и сельские Филиппки прекрасно их поняли, и вышли в сеть, и освоились в ней быстрее и лучше учителей. Но жизнь-то там осталась та же – скотская, пьяная, нищая. А они-то заглянули в мир и увидели другую – сытую, яркую, роскошную. И каждый спросил себя: а почему же у меня такая? Чем я хуже? Ведь за МКАД и еще парой кольцевых, как за линиями противолимитной обороны, лежит огромная земля униженных и оскорбленных – безвыходная, безысходная terra invidiosa, земля зависти... Но вот им открыли эту однуединственную щелочку в большой, пестрый, богатый мир – сеть! И они устремились туда из деревень, где нет, не было и никогда не будет кинофестиваля класса “А”, газа и воды, где в каждую грозу вырубается электричество, где до ближайшей дороги – день по лесу, а до райцентра – только на тракторе. Эти компы, эти лучи света цивилизации пролились, вошли в их темное царство, как животворящий дождь в пересохшую землю, и, как черви после дождя, они полезли из земли на этот свет, и ожившими червями устремились в сеть.

Они хлынули в эту щелку – зачем? Чтобы смотреть. Чтобы учиться. Чтобы красть. И чтобы мстить. Мстить жирным, богатым, городским “сынкам”, мстить за убогую, убитую жизнь, которой они вынуждены жить, и за ту, яркую и красивую, которой они не менее достойны, но которая у них отнята. И вот они теперь везде просачиваются, везде гадят, пакостят, все валят, отовсюду тырят – и их не отловить, потому что отлавливать надо полстраны и потому что они, в массе, подготовлены лучше, чем те, кто пытается их поймать: “продвинутые”, обновленная версия поколения. Это плата натурой за цинизм и эгоизм “хозяев жизни”, за скорбное бесчувствие, за пренебрежение интересами людей, небратское, нехристианское. Со свечками они стоят. Один раз так уже про... спали страну. И ничему не научились.

– Ну, кого-то ловят, сажают...

– Ты же знаешь, молодых, осужденных за сепаратизм, в зонах не держат: полгода особого лагеря – и вербовка в спецотделы по борьбе с такими же. Там талантливые нужны, а их нет, усреднили тестами поколение, и теперь их негде взять. Нововредов-малолеток вообще не судят, сразу в спецшколы.

– Так что же, не надо было компьютеры в деревни?

– Ну как же, они же прогрессисты! Они только последствий своих действий не видят. Надо, надо учить, образовывать, воспитывать – кто спорит, но только тогда много чего еще надо. Тогда уже надо не лгать, не воровать и не покрывать своих воров, а действительно поднимать страну – или держать ее в полутьме. Лао-цзы предупреждал: когда народ много знает, им трудно управлять...»

* * *

– Ваня, ты его... «сдал»?

– Не успел. Но собирался.

– Ваня!

– Что «Ваня»? Ты что, не видела, как он вползал в нашу жизнь, как червь, как пролезал все глубже и – гадил, гадил везде, всем, как вирус, как атипичный СПИД, разрушая, уничтожая клетки, связи. Ты потеряла подругу, у меня по работе неприятности, еще неизвестно, чем кончатся. Я тебе не говорил, но этот ублюдок еще шантажировать меня пытался, угрожал мне, щенком. Сразу надо было сдать.

– Да, это скверное, это безобразное мальчишество, хулиганство, но... как же можно было... Ведь его же будут судить по этой во всех смыслах чудовищной статье о «нововредах». Как ты мог!

– Нет, Мила, суда не будет. И говорю тебе, я не сделал этого, хотя да, хотел и, может быть, сделал бы – обязательно бы сделал!.. Но не успел. Я не сдавал его.

– Знаешь, я всегда тебе верила и очень хотела бы поверить сейчас, но я часто хожу в театр и различаю наигрыш... Ваня, ты забыл удивиться. Ты знал.

– Предполагал. Можно было ожидать.

– Но кто-то же... Ваня!!

– А скажи, Мила, ты, случаем, отцу больше не звонила?

– Причем здесь... ну, я звонила, но совсем не для того...

– А для чего, если не секрет.

– Ну, просто о здоровье спросить, он о Женьке всегда...

– И ты между прочим сказала ему, что Женька, добрая девочка, проявляет участие к бедному родственнику из деревни.

– Ну, да, сказала, а что в этом такого, это правда... что ты так смотришь?.. Неправда!

– Что неправда? Я ведь ничего не сказал. И потом, это все-таки, может быть, из-за меня. Я же следователю говорил тогда, что он приехал, – это все равно бы узнали, – что живет

у нас; может быть, и этого уже было достаточно. Не будем, Мила, обвинять, подозревать друг друга. У нас же никогда такого не было. И мы этого не сделали, просто... просто мы оба этого хотели. Постараемся жить, как прежде, до него. Он мне тут последнее прости прислал! Смотри, какое: «Дядя, милый дядя, я вернусь, милая, и ты увидишь небо в алмазах. И отдохнешь». Видишь, твои культурные усилия не пропали даром.

– Он... он вернется?

– Это вряд ли. Оттуда не возвращаются.

* * *

«Привет, Витька.

Чего-то тебя не поймать – вот, вмылю пока. У меня все нормально. Из института ушел, строю свою этажерку в натуре. Правда, урезанную: второй ярус похерили, оставили один, козлы. Экономы. Я пытался доказывать, что двухуровневая ничего не решит, но мне тут малость подгадили – то есть, даже не малость, а очень прилично... но это долго рассказывать, – так что на мои расчеты теперь никто внимания не обращает и доводов не слушают. Ну и черт с ними. Упрутся в очередной раз рогом – дойдет. Так что строю пока то, что можно построить здесь и сейчас, а там видно будет. Зато в деньгах мало-мало выиграл; дело тоже не последнее, дочку в Англии учить – сам понимаешь. Жизнь, конечно, несколько другая, но ничего, попривык, молодость вспомнил, да и меньше жирных морд вижу, для души польза. Как твои дела? Я в сети видел, шевелятся у вас там с авиолетами-то. Вот перейти бы тебе в такую контору, – нет возможностей? Или уже другие идеи?

Ну, не исчезай.

ИЖ»

* * *

«Ты злой, Гуня, какой ты... Нет, неправда, ты не злой, ты ожесточенный, как зверь затравленный, готовый кинуться на любого, и ты кидаешься на тех, кто о тебе заботится, кто тебя... жалеет. Ты ведь совсем не злой, Гунечка, ты благодарный, ты добро помнишь, животных любишь, потому что люди к тебе были жестоки, и ты им всем хочешь отомстить, и мстишь совсем, совсем не тем... И они на тебя охотятся... Ты, конечно, думаешь на моих, на отца – нет, Гуня, это не он тебя сдал. Я знаю тебя, ты мне не поверишь, и злобу затаишь, и мстить будешь, но это не он. Почему ты такой озлобленный, Гунечка? Ты довел моих, отец курит и не спит, мама плачет, они ссориться начали! Этого никогда, никогда не было, у нас дома всегда было так тепло, и всегда можно было придти и рассказать, и от тебя не отмахнутся и... и не предадут. Ну, мсти мне, храни на меня злобу, узник замка If. Не могла я больше смотреть, как ты с кривой усмешечкой доводишь их, портишь им работу, настроение, жизнь. За что, Гуня? За что? Ведь они тебе ничего, кроме добра... – сколько же в тебе злобы, Гуня, – всю жизнь копил, всю жизнь брошенный, обиженный, никому не нужный... А я тебя не брошу, Гуня. Я тебя предала им, но я тебя им не отдам. Я тоже пойду к ним, сама. Пойду-пойду, не смейся, и никто меня не удержит. Не в рядовые пойду, я буду подготовленная, им такие нужны, которые умеют и думать, и драться... ну, и не страшненькие, они страшненькие сами. Но я тебя все равно у них найду. И вытащу, вот увидишь... Меня дед все подальше старается отправить. Все соблазняет-покупает Франциями и Америками... А я поеду, мне надо. Только не то, что он думает. Он думает, я нормальная шестнадцатилетняя идиотка, он вообще всех считает дураками – и правильно! Пусть покупает, не купит. Не такая уж я дурочка. Вот, в конкурсе поучаствовала, с Божьей и маминой помощью неплохо прошла, в Англии поучусь. Я пишу на твой секретный ящик. Я знаю, ты все равно сумеешь

до него добраться и когда-нибудь прочтешь. Ты думаешь, ты один такой гениальный, что ко всем вломиться можешь? А вот и я к тебе в ящик залезла, и посмотрела эти твои дела – да! Я не все там поняла, но я поняла, что если я тебя сейчас не остановлю, то потом тебя уже ничто и никто – и ты погибнешь, ты станешь таким же, одним из них – ну, ненавижу меня, проклинай, мсти мне. Как хочешь... Я только надеюсь и... Бога молю, чтобы тебя не долго там продержали и скорей оттуда забрали – я знаю, они и не скрывают, что суда не будет, он как бы откладывается, и всех таких забирают в ОСБОНЫ и ОБСТы. Я хорошо буду знать сеть, Гуня, поеду учить ее в международный центр, какие у нас всё создают и всё никак не создадут. Я хорошо ее выучу и я найду тебя у них. Нет, Гунечка, я не гениальная, я твои пароли не взламывала и защиты не обходила, я просто надела банданчик – ты еще тогда так презрительно скривился, не помнишь? – села в стороночке и записала все, что ты делал. А потом, даже и не думая понимать, просто повторила. Не сразу, но, видишь, получилось, я упорная. И я вошла к тебе. И тоже не все поняла, но поняла главное: надо спешить, а то будет поздно, ты пропадешь... Гунечка, миленький, прости меня!.. Я знаю, знаю... не простишь. Я тоже оказалась из этого мира, который у тебя всю жизнь всё отнимал и вот теперь отнял последнее. И я Брут. Не простишь... Маугли, миленький, но нельзя же всю жизнь жить волком, быть волком, быть волком... Я овца? коза? Ну зарежь меня, съешь меня – но нельзя, Гунечка!.. Все, не могу больше писать, не буду больше... Я СПАСУ ТЕБЯ, ГУНЯ!»

Денис Угрюмов Солнце на ПСС (Рассказ)

Солнце не ошибается. Никогда. Проверено неоднократно. Если она решила, что пора на работу, то сомневаться не приходится. Вот и сегодня, вместо того чтобы преспокойно спать, свернувшись пушистым клубком в ногах Бегемота, она проснулась и пружинисто вскочила, как будто услышала скребущуюся за вагонкой мышь. Но охотиться Солнце вовсе не собиралась. Вместо этого она подошла к подушке и, бесцеремонно оттянув когтистой лапой край одеяла, стала тереться своей рыжей мордой о щеку Бегемота и громко мурлыкать, утыкаясь холодным носом прямо ему в ухо. Кто хочешь проснетесь. Бегемот, естественно, тоже проснулся, но глаз не открывал и делал вид, что спит. Только не это, подумал он, только не это, я сегодня в отгуле, иди ты к черту со своими пророчествами! Но себе не совершь. Бегемот знал, что Солнце не ошибается и что вставать все равно придется, отгул – не отгул. Вот пьянь, подумал он, какого лешего надо было вчера оставаться ночевать на ПСС – коньяк, коньяк... Ведь мог же, сунув Солнце за пазуху, спуститься на ночь в долину – я же в отгуле, в конце концов! И спал бы себе, как сурок, до обеда...

Стоило открыть глаза, как кошка тут же соскочила с кровати и запрыгнула на рюкзак со снарягой, не разобранный после вчерашних спасработ и валявшийся посередине комнатушки Бегемота, загромождая и без того небольшое пространство. Все точно. Перспектива спасти еще одну жизнь стала неотвратимой. Интересно, в который раз подумал Бегемот, она их предчувствует или, наоборот, провоцирует? До выхода на спасработы оставалось приблизительно минут 40. Бегемот перевернулся на другой бок и ударил кулаком в стену. Никаких реакций из соседней комнаты не последовало, и он ударил сильнее, так, что с потолка посыпалась старая побелка. За стеной застонали пружины матраца и сонный голос поинтересовался: «Солнце?» «Да, – ответил Бегемот, – поднимайся, успеем позавтракать». Послышались стенания, очень похожие на мат, и через несколько минут скрип пружин. Паспарту был разгильдяем во всем, кроме работы, – вой сирены из диспетчерской и пророчества Солнца поднимали его из кровати в любом состоянии, сколько бы алкоголя ни плескалось в его голове с предыдущего вечера... Услышав, что Паспарту, в свою очередь, двинул кулаком по стене Хохла, Бегемот вылез из-под старого одеяла, посмотрел сперва на часы, а потом на термометр за окном. Без четверти десять. На улице – плюс три. До сегодняшнего утра температура не поднималась выше минус десяти. Самое время для хорошей лавины. Так, подумал Бегемот, натягивая штаны, может быть, Солнце реагирует на перемену температуры?.. Нет, тогда непонятно, как же она предсказывает падения и травмы альпинистов? Фантастика... но Солнце не ошибается. Никогда.

Вот уже два года, с тех пор как у Бегемота завелась эта рыжая бестия, неожиданных спасработ в их отряде почти не случалось. Нет, были, конечно, случаи, когда надо было подорваться среди ночи по вою сирены и мчаться, как ипподромная лошадь, несколько часов в гору, для того чтобы обнаружить бездыханное тело, порхнувшее с высоты этак метров 300. Затем приходилось тащить его на базу. Именно этим, кстати, они вчера весь день и занимались. Они – это Эльбрусская Поисково-Спасательная Служба: Хохол, Паспарту, Шуруп, еще двое новеньких – кажется, Ден и Поджарый – и, конечно, Бегемот. Он был старшим группы и уштался настолько, что по возвращении в домик спасателей ног под собой не чуял. Пол-стакана командорского коньяка повергли его в глубокий нокаут. Последнее, что воспринял погружающийся в алкогольные пары мозг Бегемота, была фраза Командора о заслуженном отгуле. Как только до своей комнатушки добрался – непостижимо...

У спасателей черный хлеб. На выходе по тревоге никто не знает – они еще спасательная группа или уже похоронная команда. Жмуриков, между прочим, тащить хоть и не легче,

но проще – торопиться не надо. Поэтому шести человек на одного «клиента» вполне достаточно, а вот на «подранка» носильщиков надо как минимум восемнадцать, по шесть человек в три смены. А лучше – двадцать пять, быстрее донесешь – больше шансов, что жив останется. Да только где ж его взять, этот четвертак? – геройство нынче не в чести... Вертолет, говорите? Ну, ну...

С появлением Солнца все стало по-другому. Спустя примерно три месяца с того дня, как он за пазухой притащил на базу рыжего котенка, Бегемот заметил, что, если Солнце ни с того ни с сего вдруг запрыгнет на чей-нибудь рюкзак со снарягой и ни за что не захочет с него слезать – шипит, царапается, орет дурным голосом, – то не позднее, чем через сорок, сорок пять минут раздадутся тревожные вопли сирены, и их бравая команда ринется кому-то на помощь... Рассказал Командору – тот покрутил пальцем у виска и посоветовал чаще закусывать. Но Командор не зря свой хлеб ест. Уже через два месяца, собрав своих орлов на кухне, он сообщил им, что обнаружил в поведении Бегемотовой кошки странную закономерность – Солнце действительно достоверно предугадывает спасработы, и, что самое удивительное, эти спасработы всегда сохраняют чью-то жизнь, – за все время пристальных наблюдений кошка не предрекла ни одного трупа. А посему, заявил Командор, если кто-то намерен проигнорировать характерное поведение Солнца, пусть сначала подыщет себе хорошего стоматолога и напишет заявку об увольнении. Командор же со своей стороны добьется введения в бюджет базы отдельной статьи расходов на содержание кошки. И не дай боже, если кто хоть пальцем тронет...

Прошло два года. Солнце уже три раза приносила котят, и Бегемот, заискивающе улыбаясь, раздавал их всем своим знакомым. Она уже успела подцепить какую-то кошачью заразу, и Командор лично возил ее за 150 км к лучшему ветеринару и не выходил из лечебницы двое суток, пока кризис не миновал. Уже все, кто раньше относился к Солнцу враждебно или равнодушно, прониклись к ней искренним уважением. Ничего удивительного – предсказания кошки были точнее любого барометра.

Вообще, все, что связано с Солнцем, не лишено известной мистики. Например, из всех ее котят, которых было, дай бог памяти, шесть, потом четыре, потом пять, не было ни одного рыжего. Но, возможно, это случайность. Кроме того, никто в домике спасслужбы никогда не находил характерных признаков кошачьего присутствия – ни шерсти, ни кошачьего запаха, ни засохших экскрементов, ни порванных обоев. Несмотря на то, что со временем к Солнцу все обитатели ПСС стали относиться крайне дружелюбно – Командор, так тот просто души в ней не чаял, – не было никаких сомнений, что Солнце – это кошка Бегемота. И больше ничья. А Бегемот, соответственно, – человек Солнца. Такая привязанность доставляла Бегемоту много хлопот, но он переносил их stoически – что поделаешь, женщина... И, наконец, Солнце была, по утверждениям Хохла, единственной кошкой в мире, которая моргала сразу двумя глазами. А уж Хохол-то на своем веку много кошек повидал...

Сама история появления Солнца на их базе тоже, мягко скажем, далека от банальности. Пока Бегемот расчищал на заваленном разным горноспасательным хламом столе место для электрического чайника, он почему-то очень остро вспомнил этот тяжелый день. Наверное, потому, что погода за окном была такая же, как сегодня. Это произошло два сезона назад, приблизительно в такое же время. Снега в тот год было много, даже чересчур много. Лавинщики работали почти каждую неделю, но всех проблем их стрельба не решала. Конфликт интересов. С одной стороны, обезопасить все склоны невозможно. С другой стороны, закрывать канатки надолго тоже нельзя – весь район живет исключительно туризмом. Комаров – начальник службы лавинной безопасности – орал до хрипоты, объяснял, доказывал, приводил веские аргументы, что, мол, канатку необходимо остановить как минимум дня на три. Нельзя, нельзя поднимать людей в горы – трассы на Чегете отродясь не было – одно название, ратрака там никто и в глаза не видел – бесшабашный народ обязательно поедет

по бокам, по южным и северным склонам. И лавина свое возьмет. Но подъемники работали почти каждый день. «Дуракам законы нэ писаны, – уверенно заявлял главный канатчик. – Ты табычки выставил – кататса запрыщэно, лавыноопасно? Всо! Осталое ых дэло! Сматр-эть на горы и па трассэ ездыть всегда можно! Нам дэтей кармить надо». В принципе, его можно понять.

Бегемот открыл ножом банку консервов и посмотрел на Солнце. Кошка все так же сидела на клапане рюкзака, громко мурлыкала, перебирая передними лапами по плотной ткани, томно жмурила зеленые глаза и как будто улыбалась. Чайник закипел.

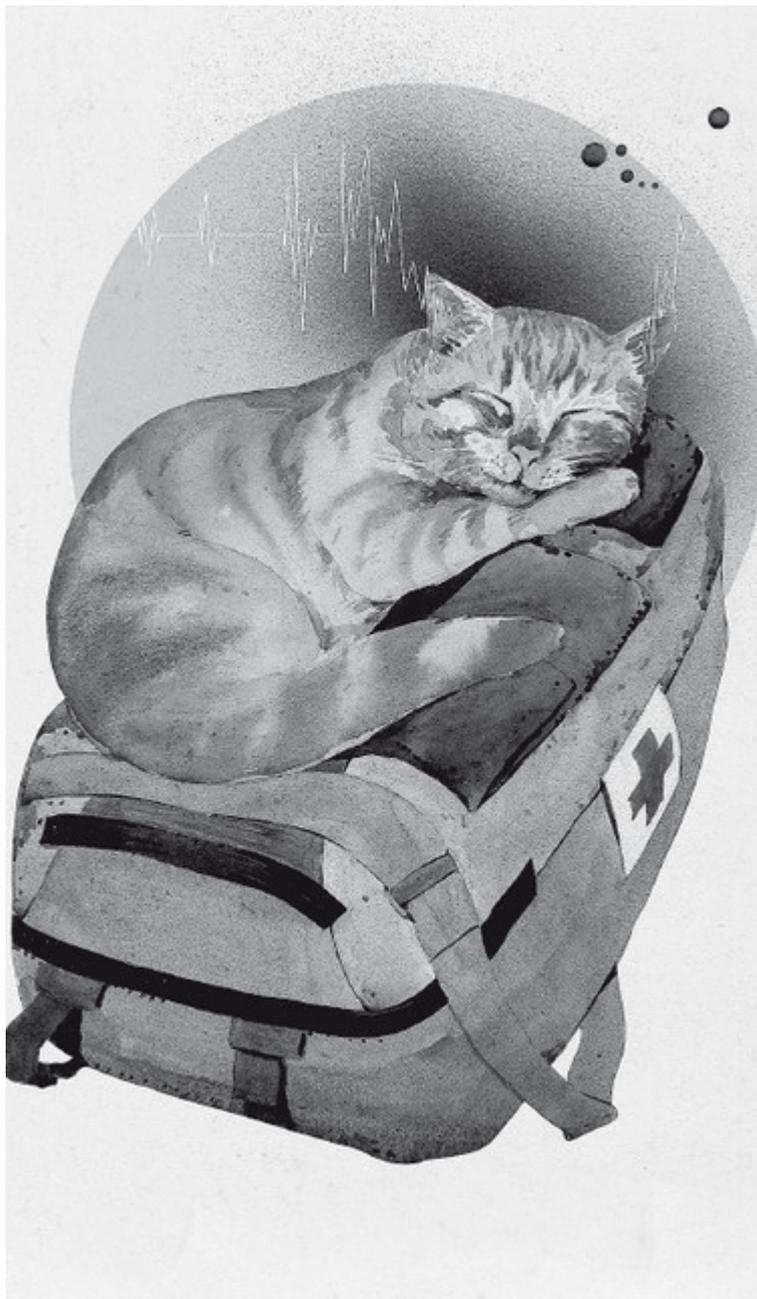
Тогда, два года назад, Бегемот ошивался в Терсколе, у друзей, приехавших на пару недель из Москвы. Катался, пил пиво, рассказывал байки из жизни спасателей, пару раз вместе с лавинщиками стрелял по склонам из пушки. Командор был не в восторге, но возражать не стал. В это время года основная работа связана именно с горнолыжниками, так что если Бегемот будет поближе к катальным местам, это даже хорошо. От базы спасателей до подъемника примерно километров 12, а от Терскола – не более трех. «Бормоталу возьми», – проворчал Командор на просьбу Бегемота об отлучке, но это – так, для очистки совести. Командор знал, что без джентльменского набора из рации, аптечки и лавинного комплекта Бегемот все равно с ПСС не уйдет. Школа. Бегемот скорее мог забыть ключи от дома, чем выйти зимой на склон без складной лопаты, лавинного щупа и бипера – радиоэлектронного прибора для поиска засыпанных снегом людей.

Тем утром Бегемот проснулся со странным ощущением раздражения и тоски. Высунув голову из спальника, он увидел в окно фантастическое кавказское голубое небо и сверкающую вершину Чегета за лесом. Вчера снегопада вроде бы не было и выстрелов зениток лавинщиков тоже не слышно. Значит, канатка работает, и можно будет зажечь пару раз на зависть московским чайникам. Настроение улучшилось. Бегемот вылез из спальника, заглянул в соседнюю комнату и с торжествующим криком «Подъем, хорьки!!!» начал развивать бурную деятельность по выходу на катание. Раньше придешь – меньше в очереди проторчишь.

Тропинка от Терскола до подъемников на Чегетской поляне проходила по берегу Баксана, углублялась в перелесок из янтарных строевых сосен, удерживающих на своих раскидистых лапах пушистые снежные шапки, и подбиралась к склону горы в устье крутого кулуара, под названием Доллар. Ничего странного, просто форма кулуара издали напоминала растянутую букву S. Пока добирались до Доллара, Бегемот снова забеспокоился: температура явно поднялась, было около нуля и практически полный штиль. Вероятность схода лавин значительная, поэтому он однозначно заявил приятелям, что никаких катаний по югам и северам сегодня не будет. Трасса и только трасса, бугры – значит бугры.

Очередь у двухкресельного подъемника была довольно приличная, но случилось и похуже. Пристроившись за какой-то компанией, щеголявшей дорогушим снаряжением, Бегемот дожидался очереди на посадку и прислушивался к разгоравшемуся в компании спору. Народ явно собирался на целинный пухляк, и дискуссия разгорелась на предмет того, по южным или по северным склонам Чегета лучше предпринять первый спуск. Бегемот, конечно, мог подняться и без очереди – удостоверение спасателя давало кое-какие преимущества, – но уезжать не хотелось. Уже пять минут он пожирал глазами зеленоглазую девушку в оранжевой куртке, перед которой увивались, всячески пытаясь показать себя асами фрирайда, парни в фирменных шмотках. Пышные каштановые волосы и удивительная, загадочная улыбка незнакомки были более чем привлекательны. Бегемот не привык ждать милостей от природы, когда речь идет о противоположном поле. Поэтому он набрал в легкие побольше воздуха, чтобы, обращая преимущественно к стройной красавице, произнести что-нибудь очень веское в отношении полной невозможности сегодняшнего внетрассового катания. Но вдруг, словно разгадав его намерения, она повернулась к нему с обескураживающей фразой:

«А вот волноваться за нас не надо, мы все на пике прогресса», – и, приподняв полу куртки, продемонстрировала на дьявольски узкой талии современный лавинный бипер.

Бегемот никогда за словом в карман не лез, но почему-то при взгляде на пикантно расположенный приборчик он почувствовал неприятный комок в груди, как будто зашевелилась в средостении черная, холодная пиявка. Утренняя тоска внезапно вернулась и возражать расхотелось... «Увидимся на склоне, красавчик!» – задорно произнесла зеленоглазая незнакомка и, загадочно улыбнувшись, повернулась к своим. «Какой я тебе красавчик?!!» – раздраженно подумал Бегемот. Размахивая удостоверением спасателя, он протолкался к турникету и, минуя очередь, уехал наверх.

Старый подъемник движется довольно медленно. Покачиваясь в кресле и закрываясь доской от легкого южного ветра, Бегемот смотрел на величественно блиставшие в ультрамариновом небе груди Эльбруса, на оккупировавший небольшое плато белоснежный купол обсерватории, на прячущийся в густых соснах поселок внизу и постепенно успокаивался. Эта фантастическая по своей красоте и масштабу панорама всегда завораживала Бегемота

и наполняла его мятущуюся душу особым покоем и теплотой. Как человек действия, он никогда не был особенно склонен к созерцательности, но горные пейзажи действовали на него магически... Строгий, жесткий ландшафт. Как-то раз подъемник сломался, что, кстати, бывало не так уж редко, и Бегемот провисел в кресле на ледяном ветру больше двух часов. С тех пор он всегда носил в рюкзаке длинную веревку с узлами через каждые полметра на случай подобной ситуации. Не сможешь спуститься – замерзнешь. Бегемот любил этот гордый, суровый край с его непритязательным бытом, со своеобразным местным колоритом и традициями, с кучей явных и скрытых опасностей и несмотря на то, что у него была приличная двушка в Москве, жить в этом медвежьем углу ему нравилось...

Поднявшись на верхнюю станцию канатки, Бегемот понял, что кататься никакого желания нет, и под благовидным предлогом направился в кафе. Было солнечно и тепло. Отстояв очередь, он взял себе стакан глинтвейна и вышел на воздух. Снег искрился, солнце припекало, глинтвейн распространял по телу теплые, расслабляющие волны. Бегемот сидел на рюкзаке, смотрел на ледяную корону Дангузаруна и о чем-то мечтал.

Из приятного оцепенения его вырвал настойчивый писк рации. Достав «бормоталу», Бегемот услышал холодный четкий голос Командора: «Сергея, ты на Чегете? Аврал! По югам сошла приличная доска – по отрыву, говорят, метров двести. На поляне носится какой-то чайник, орет, что накрыло не то четверых, не то троих. Давай разберись там, как и что... Мы выезжаем, до связи». Притихшая в груди холодная пивка в один миг выросла до размеров анаконды.

Бегемот ехал вниз внимательно, осторожно и по возможности быстро. Подрезать новую лавину в его планы никак не входило, но нужно спешить. Из оставшихся в живых под снегом – тех, кого лавина не сломала, а засыпала, в первые пятнадцать минут, погибают пятьдесят процентов. Задыхаются. А потом каждые пятнадцать минут – еще по пятьдесят процентов от выживших. Экспонента, фактор времени – определяющий, а когда был сход непонятно – пять минут назад, десять, тридцать? Копать надо энергично, но вот только где же копать-то? Когда Бегемот доехал до лавинного выноса, его даже слегка замутило от увиденного. Какие там двести метров?! Линия отрыва уходила и вправо и влево и концов не видно. Вниз, правда, проехала немного, метров двести пятьдесят, триста, но там контруклон, влажный снег спрессован до бетонной плотности – ноги не проваливаются... Еще подъезжая, Бегемот успел вызвать по рации Командора и сообщить о том, где он находится и куда подходить подмоге. Теперь же он бросил доску, переключил бипер в режим поиска и забегал по плотному снегу широким серпантинном, пытаясь запеленговать сигналы от биперов засыпанных людей. Если, конечно, у них были биперы. «Мы на пике прогресса, мы на пике прогресса!!!» – на бегу мысленно повторял Бегемот. Есть, засек!!! Не раздумывая, скинул рюкзак над местом, где бипер определил примерно метр до пострадавшего – один не раскопаешь – выдернул лопату и лавинный щуп и побежал дальше. В двадцати метрах Сергей нашел еще одного, этот лежал глубже, бипер показывал около двух метров. Воткнул в снег лавинный щуп и бегом на поиски следующего. С прибором происходила какая-то чертовщина – сигналы то приближались, то удалялись. Бегемот решил, что на небольшом расстоянии друг от друга, по-видимому, находятся два человека, сосредоточился и запеленговал ближайшего. Слава богу, неглубоко, тоже около метра. Воткнув лопату в снег, Сергей прочесал все в радиусе тридцати метров, но загадочного второго сигнала не обнаружил. Сверху, из-за перегиба, показались оранжевые куртки спасателей. Бегемот отдышался и начал копать.

Не верьте сказкам, будто из-под лавины можно выбраться самому. Попробуйте как-нибудь на досуге пойти с приятелями в лес, захватив с собой пару лопат. Выберите сугроб побольше и отруйте траншею глубиной сантиметров семьдесят. Потом, удобно расположившись на дне и прикрыв лицо руками, попросите друзей вас закопать. Полностью. И засечь время – так, чтобы раскапывать вас они начали не раньше, чем через две минуты после

зарывания. Не для слабонервных эксперимент. Над вами всего лишь чуть больше полуметра снега, но его не ощутимая раньше свинцовая тяжесть, парализует все ваши движения. Попробуйте для интереса немного пошевелиться и уже через несколько секунд вы обреченно поймете, что это совершенно бесполезно. Даже невысказано. Снег высасывает ваши силы, как вампир, и в его мягких, холодных, неумолимых объятиях вашей душой начинает завладеть липкий страх. Темно. Холодно. Абсолютная тишина. Непонятно, где верх, где низ, становится трудно дышать. Кричите, кричите изо всех сил, материтесь, зовите на помощь, требуйте откопать вас немедленно. И когда вас, наконец, откопают и отряхнут, вы будете уверены, что пробыли под снегом не менее получаса. Как минимум. Но друзья покажут вам часы – вы провели в ледяном заточении чуть больше трех минут. И все это время из-под снега не было слышно ни звука.

Если пострадавший лежит достаточно глубоко, то начинать копать можно смело. Потом, по мере приближения к телу, понадобится лавинный щуп – с его помощью можно точно определить, где именно и как именно лежит человек, чтобы не зацепить лопатой его руку или лицо. Ни живых, ни мертвых шрамы от шанцевого инструмента не украшают. Бегемот копал над потерпевшим, до которого было около метра, – следовательно, минут десять энергичной и безопасной работы. Потом подойдут спасы, и лавинный щуп у него будет, а сейчас нужно спешить.

В такие минуты человек старится на годы. Реально. Стрессы не проходят бесследно. Копаешь быстро, как только можешь. Уже сброшена куртка, уже от спины и головы идет белый пар, перчатки к черту – руки не примерзают к лопате. Во рту пересохло, бешено колотится сердце, не думаешь ни о чем, лопата, лопата, щуп, лопата, еще лопата... Вышвыривая из ямы одну за одной порции снега, Бегемот приближался к роковой грани: жив, мертв? жив, мертв? Еще лопата, еще, еще – жив, мертв? жив, мертв?..

Мертв. Из-под снега внезапно показалось плечо, шея и часть головы. Воздушного пузыря вокруг лица не было – человек умер сразу. Лавина сломала его, пока в толще снега неудержимо влекла вниз по склону. Бегемот механически проверил пульс на сонной – мертв. Сергей кое-как вылез из ямы и навзничь повалился на снег. Он нашел одного из компании, рядом с которой стоял в очереди на подъемник. Над головой равнодушно сияло до боли в глазах голубое кавказское небо.

Из тяжелого оцепенения Бегемота вырвал голос Командора, вызывавшего по радиации Хохла, который должен был подойти снизу, от поляны, со второй партией спасателей. «Хохол, как слышишь? – орал Командор, пытаясь перекричать ветер. – Отправишь народ наверх, сам останешься внизу, разыщешь этого обормота. Какого-какого? – который тревогу поднял! Да. Возьмешь его за ноздри и выяснишь, сколько народу с ним было! Сколько народу было, говорю!!! Все, жду, до связи...».

«Увидимся на склоне, красавчик!» – почему-то вспомнилось Бегемоту. Он сел, отряхнул начинавшую замерзать спину и надел куртку. В вырытой им яме уже копошились двое спасов с лопатами, осторожно извлекая труп на поверхность. На помеченных Бегемотом местах, где ему удалось запеленговать еще двоих, работа шла размеренно и спокойно, и Сергей понял, что живых на этот раз нет. Трое, подумал Бегемот, трое... Покатались ребята. И вспомнил, что, когда искал третьего, бипер вроде бы засекал еще один слабый сигнал, разобравшись с которым Сергей не успел. Он встал, разыскал не выключенный впопыхах прибор и направился туда, где, как предполагал, мог оказаться еще один человек. Бегемот приступил к поиску скрупулезно и тщательно, согласно всем предписаниям, однако прибор молчал. Странно. Чем шире становилась обследованная Сергеем территория, тем явственней он вспоминал, что второй сигнал был, действительно был. А теперь нет. Может, все-таки показалось? Сосредоточившись на поисках, Бегемот не заметил, как к нему подошел Хохол. «Завязывай! – сказал он. – Скоро темнеть начнет, нет здесь больше никого». «Откуда зна-

ешь?» – с надеждой поинтересовался Сергей. «Да этот чайник на поляне рассказал. Полчаса стучал зубами, нес, едренть, всякую околесицу, потом очухался. В общем, было их четверо, все с Питера. У подъемника познакомились с какой-то рыжей девицей, то ли Ниной, то ли Диной, – у Бегемота екнуло сердце, – ну и зазвали ее с собой на целину кататься», – продолжал Хохол. – Даже бипер ей всучили – у них один подменный был, – если, едренть, от нас отстанешь, внизу, в кафе, отыщемся. Да только эта подруга могла им сто очков форы дать по фрирайду. Какое-то время ехали вместе, потом она себя показала – зажарила круто вправо, по югам, метров на сто сразу оторвалась, едренть, за одну дугу. Они давай за ней, догонять, да где уж. Примерно здесь сообразили, что без вариантов, стали круто вытормаживать, ну и сорвали пласт. Добегались, едренть, за девочками. Пошли, если ее тоже накрыло, родственники всхлипятся – узнаем». Бегемот вздохнул. Очень хотелось верить, что все позади, что жутких сюрпризов больше не будет, что зеленоглазая незнакомка сидит, ничего не подозревая, где-нибудь в кафе с кружкой чая, победно улыбается и представляет себе обескураженные физиономии своих новых знакомых.

Тем не менее, еще один сюрприз был. Упаковав трупы в пластиковые мешки и привязав их к волокушам, основная группа тронулась вниз. Подобрал разбросанные по снегу инструменты и снаряжение, Бегемот двинулся следом. Он здорово вымотался, отстал от своих и на границе леса, у толстеного ствола сожженного молнией дерева присел отдохнуть. Ветер стих, пылал оранжевый закат, звенела морозная тишина. И вдруг необъятную сумеречную тишину нарушил абсолютно неестественный, даже невозможный в этом месте и в это время звук – мяуканье. Бегемот в изумлении огляделся и не поверил своим глазам: откуда-то сверху, от кустов, неуверенно перебирая маленькими пушистыми лапками, к нему приближался крошечный рыжий котенок. «Здравствуйте, – подумал Сергей, – только паранойи мне не хватало», – и на всякий случай сморгнул. Котенок не исчез. Он уже сидел у самых ног, глядел на Бегемота широко открытыми зелеными глазами и тоненько мяукал. «Вот подонки», – в сердцах пробормотал Бегемот и, сняв перчатку, сунул котенка за пазуху. Мяуканье тотчас же прекратилось, и из-под куртки донеслось тихое, довольное мурлыканье. Сергей поднялся и прежде, чем пойти дальше, задумчиво посмотрел на уходящее в Сванетию солнце. Имя котенку придумалось само собой.

Чай остыл. Бегемот сделал последний глоток и обнаружил, что опять забыл размешать сахар. Он встал и, почесав Солнце за ухом, пересадил ее с рюкзака на кровать. Кошка тут же свернулась в уютный клубок в изголовье, и сразу стало понятно, что именно здесь она и намерена дожидаться его возвращения. Бегемот поднял рюкзак на одно плечо и вышел из комнаты, не закрыв дверь.

Снизу, из диспетчерской, донеслись тревожные звуки sireны.

Виктор Колюжняк

В раю был дождь, ворона и пулемет... (Рассказ)

В раю был дождь, ворона и пулемет. А еще Петр.

Дождь лил не переставая, то усиливаясь, то становясь еле заметным. Петр тихо ругался и периодически стряхивал воду с брезента, укрывавшего пулемет. Грязь под ногами противно чавкала. Ботинки давно промокли, а других не было.

Пулемет, несмотря на дождь, работал исправно. Верный, пристрелянный друг. Без него было бы совсем худо. Петр старался не думать об этом.

Ворона приносила пули. Летала над мертвыми, высматривая блестящие комочки свинца, и складывала к ногам Петра. Тот переплавлял их, не забывая орошать святой водой и карябать крестик, хотя точно знал, что это не поможет.

Ничего не помогало.

Мертвые стояли у ворот рая и ждали неизвестно чего. Просто стояли. Молча и не двигаясь. Петр спрашивал, что им нужно, – они не отвечали. Он кричал, бранился, отправлял их домой – без толку. Повесил табличку «Бога нет», но мертвые не ушли. Потом он начал стрелять. Просто так, от безысходности.

Пули опрокидывали мертвых, и они оставались лежать. Задние ряды вставали ровно на то место, где пали их товарищи. Все вновь замирало.

Петр ругался, пулемет стрелял, дождь лил, ворона приносила пули. Ничего не менялось.

А потом он просто устал.

Постоял в очередной раз возле двери, не смея войти. Постучал несколько раз, прислушиваясь к малейшему отголоску – ничего, кроме шума дождя. Робея от собственной наглости, отворил дверь в чертоги Господа и никого не увидел.

Грязные потеки на белоснежных стенах, поблекшая позолота, вспучившиеся пузырями картины, паутина в углах. И никакого Бога. Никого.

Петр обошел комнату и встал напротив креста, свисающего на цепях перед окном. В то время когда здесь еще было кому распускать слухи, говорили, что это тот самый.

Привратник встал на колени и преклонил голову, откинув капюшон плаща. Прошло несколько томительных минут, вполне достаточных, чтобы зов достиг Господа, где бы тот ни оказался.

Шумел дождь.

Петр, осторожно ступая, прошел к дверям. Обернулся, разглядывая свои мокрые следы, и почувствовал лишь пустоту. Он аккуратно притворил за собой дверь и вышел. Крылья выбились из-под плаща и теперь мокли под дождем. Петр расправил их, но тут же спрятал назад.

Он прошел к воротам и долго смотрел одному из мертвых в глаза. У него не было губ – это казалось странным. Лицо есть, а вместо губ – провал с желтыми зубами.

Капля упала на лицо мертвеца и покатилась, словно слеза. «Может, это и есть знак?» – спросил сам себя Петр, но ответа он не знал.

Хотелось чего-то такого, чтобы все сразу стало понятным. Нужно было какое-то руководство к действию. Призыв.

«Слеза мертвеца – это знак?» – еще раз спросил Петр.

Вторая капля упала совсем рядом с первой и тоже покатилась вниз.

Петр посадил ворону на плечо, подхватил пулемет и вернулся к воротам. Снял табличку, которую он написал для мертвых, и внес необходимые исправления.

Когда он вышел из рая – мертвые расступились, давая ему дорогу. Не оборачивались, не смотрели в спину, а просто сделали шаг в сторону. Половина в одну, половина в другую – вот и дорога.

На воротах осталась висеть табличка «Никого нет».

Маленькая тучка отделилась от своих и зависла над Петром.

В раю по-прежнему были дождь, ворона и пулемет. Только теперь Петр сам стал раем.

Он шел, а они не кончались. Мертвые не кончались и не повторялись, во всем своем разнообразии. Одетые, в лохмотьях, голые. Выглядевшие живыми, недосчитавшиеся конечностей, но упорно стоявшие, словно ничего не происходило. Тех, у кого не было одной ноги, поддерживали соседи. Те, у кого двух, стояли на коленках или прямо на обрубках, застыв в невозможной для живых позе. Изредка встречались те, кто нес в руках чужие головы.

Вскоре мертвые начали разговаривать. Обмениваться друг с другом ничего не значащими фразами.

– Привет! – кричал один, размахивая рукой.

– Салют-салют! – отвечал другой, почему-то стоя спиной.

– Как живешь?

– Машину купил?

– Жена у тебя красавица.

– Молодец, неплохо поднялся.

– Похудел-то как.

– Ну, ты заходи, не забывай.

Они стояли на одном месте. Двигались только руки и губы. Голоса были необычайно живыми. Их было приятно слушать, с ними хотелось разговаривать, – но мертвые не замечали Петра. И друг друга тоже. Общий хор голосов складывался в подобие пустого трепя, но он был искусственен и оттого мертв.

Не всегда умирают телом, иногда смерть забирает дух, насмешливо наблюдая за долгой агонией.

Петр простоял минут пятнадцать. Потом развернул брезент и достал пулемет. Плащ упал на землю, крылья освободились, Петр взмыл в небо.

Он стрелял, пока патроны не кончились, и еще минут пять после. Уже одними проклятьями, которые вырывались из нагретого ствола, вспыхивая снопом искр, и тоже разлили без промаха.

Ворона каркнула, когда он опустился, и вернулась на плечо. Петр сел на плащ и долго наблюдал, как над раскаленным пулеметом поднимается облачко пара.

Рядом стояли другие мертвые. Сделав несколько шагов, втаптывая павших, они вновь принялись за свою болтовню.

– Вот ты учудил, конечно.

– Сам знаешь, как оно бывает.

– Да ладно, можно подумать ты не изменял.

– Офигенски все прошло, скажу я вам.

– Жуй-жуй, пока дают.

– Ну и ржачный ты тип.

– Займи денег, а?

Петр слышал только дождь и был очень благодарен ему за это.

Пулемет он оставил, набросив сверху брезент. Выплавлять пули больше было негде. Мертвые перестали говорить и молчали под аккомпанемент дождя. Странная, немая музыка, от которой по телу бежали мурашки, а перья на крыльях топорщились, пытаясь сбросить плащ.

Теперь ворона приносила ему глаза.

Небывало-красные, как на фотографиях. Испещренные кровяными прожилками, будто зрачок лопнул и теперь вытекает.

Задумчиво-синие, окаймленные белым. Кусочек неба, окруженный облаками. Такие глаза смотрели куда-то мимо, не видя Петра, мертвецов и вообще ничего.

Переполненные ненавистью черные. Он ощущал злобу, которая таилась в них. Тихий шум проклятий врывается в голову. Неуютные глаза.

Песочно-желтые. Пропахшие ненавистью, потом и раскаленной славой. Петр не мог понять, достигли ли они того, чего желают, или не успели.

Затягивающе-зеленые. Погружающие внутрь себя, как в болотно-колдовской водоворот. Секреты тайных зелий мелькали внутри глаз.

Петр внимательно всматривался в каждый принесенный вороной шарик, но не видел ни тени жизни. Лишь посмертие и затаенная тоска по несбывшемуся и потерянному.

Ему захотелось найти зеркало и посмотреть в свои глаза. Когда-то они были белыми, словно у слепца, который видит иначе, чем другие, и оттого замечает больше.

В какой-то момент он шел и жонглировал глазами. В другой – осознал себя разговаривающим с ними. Когда рука потянулась к лицу, чтобы вырвать око и вставить на его место другое, Петр ударил по ней.

Стоял и смотрел, как капли падают на две простертые длани. На одной был мир, который можно узреть чужими глазами. На другой – вода.

Петр умылся и выкинул подарки вороны, втоптав их в грязь. Он не получал от этого наслаждения, просто ему казалось, что так надо, потому что выбор должен быть окончательный.

По этой же причине он свернул шею вороне, когда она вернулась с очередным глазом, сверкающим серо-стальным отблеском.

Теперь с ним был только дождь.

«Почему ушел Господь? – спрашивал себя Петр. – Когда он ушел? Куда делись остальные?»

Вопросы висли в воздухе, сгущаясь туманной изморозью. Вскоре Петру стало трудно дышать из-за того, что все вокруг было забито вопросами. А они лезли и лезли неудержимо, осыпаясь песчинками убегающего времени.

«Почему мертвые пришли к воротам рая, но не пытаются войти? Почему их так много? Когда кончится дождь?»

Свежего дуновения ответов не предвиделось, а дождь и не думал прекращаться.

Из-за тумана Петр пропустил момент, когда мертвые превратились в скелеты. Истлевшие лохмотья, поскрипывания, щелчки костей налетели на него разом, стоило туману осесть.

«Зачем вы здесь?» – в тысячный раз спрашивал Петр и слышал в ответ лишь стук зубов. От холода или от ветра – неведомо.

А ветер усиливался. Налетал, норовя разогнать тучу, повисшую над Петром. Завывал трубным гласом Судного дня. Раскачивал скелеты, подобно диковинным деревьям. Ветер был теплым.

Уставшему от промозглого холода Петру он казался спасением, несмотря на то что дождь теперь бил в лицо. Крылья вынырнули из-под плаща и затрепетали, согреваемые ветром.

Петр видел, что идет в самое сердце урагана.

В воздухе крутились несколько скелетов и просто мертвяков. Они пролетали мимо Петра, вытянувшиеся в рост големы неведомого создателя.

«Вряд ли их создал Господь», – подумал Петр, преодолевая пыльную завесу, отделявшую его от сердца урагана.

Она стояла, чуть покусывая клыками губы. Полуобнаженная, дышащая теплом. Хвост покоился на плече, словно заползшая змея.

Петр еще больше расправил крылья и никак не мог оторвать взгляда от живых оранжево-огненных глаз.

И только дождь знал: слезы это были или капли.

В аду был пес, арбалет и ветер. А еще Лилит.

Ветер дул беспрестанно, поднимая тучи пепла в воздух, отчего постоянно слезились глаза. Лилит ненавидела себя за то, что проливает слезы. Когда-то давно она поклялась, что этого больше не случится.

Арбалет стрелял сильно, несмотря на ветер, и болты летели точно в цель.

Пес бегал за ними, принося обратно. Без какой-либо команды срывался с места, исчезал в пепельном вихре и возвращался с добычей, кладя на колени Лилит.

А стрелять с каждым разом хотелось все меньше и меньше.

Мертвые не возвращались, замерев метрах в ста от ада. Повернувшись спиной, они стояли и не двигались, несмотря на угрозы Лилит, уговоры вернуться, обещания искупления. Просто стояли, изредка проходя несколько метров вперед.

Она стреляла безо всякой надежды, что они одумаются. Стреляла просто потому, что не могла смотреть, как рушится порядок. Стреляла, как тогда, когда они вдруг разом начали выбираться из ада, невзирая на запоры и стены.

Лилит разожгла все костры в опустевшем аду, приманивая мертвых на свет, но ничего не произошло. Она кричала: «Вернитесь! Сатана ушел!» – но они не слушали.

Крохотные продвижения вперед и рассыпающиеся от болтов скелеты – вот и все изменения.

А потом ей надоело.

Лилит взяла арбалет, подозвала пса и вышла за ворота ада. Ветер окутал ее своим теплом и остался рядом.

Стена была невысокой. Примерно в человеческий рост.

Ветер обжигал кирпичи, а дождь наполнял раствор водой. Петр и Лилит продвигались метр за метром, обнося мертвых стеной.

Потом, когда она будет закончена, ветер разбросает всех внутри, поменяв смертельный строй на живородящий хаос, а дождь омоет мертвых от скверны. Два привратника повесят табличку «Чистилище» и будут ждать, когда вернутся Господь или Сатана.

Ждать, втайне надеясь, что этого никогда не случится...

Максим Мейстер

Конструктор не для всех (Рассказ)

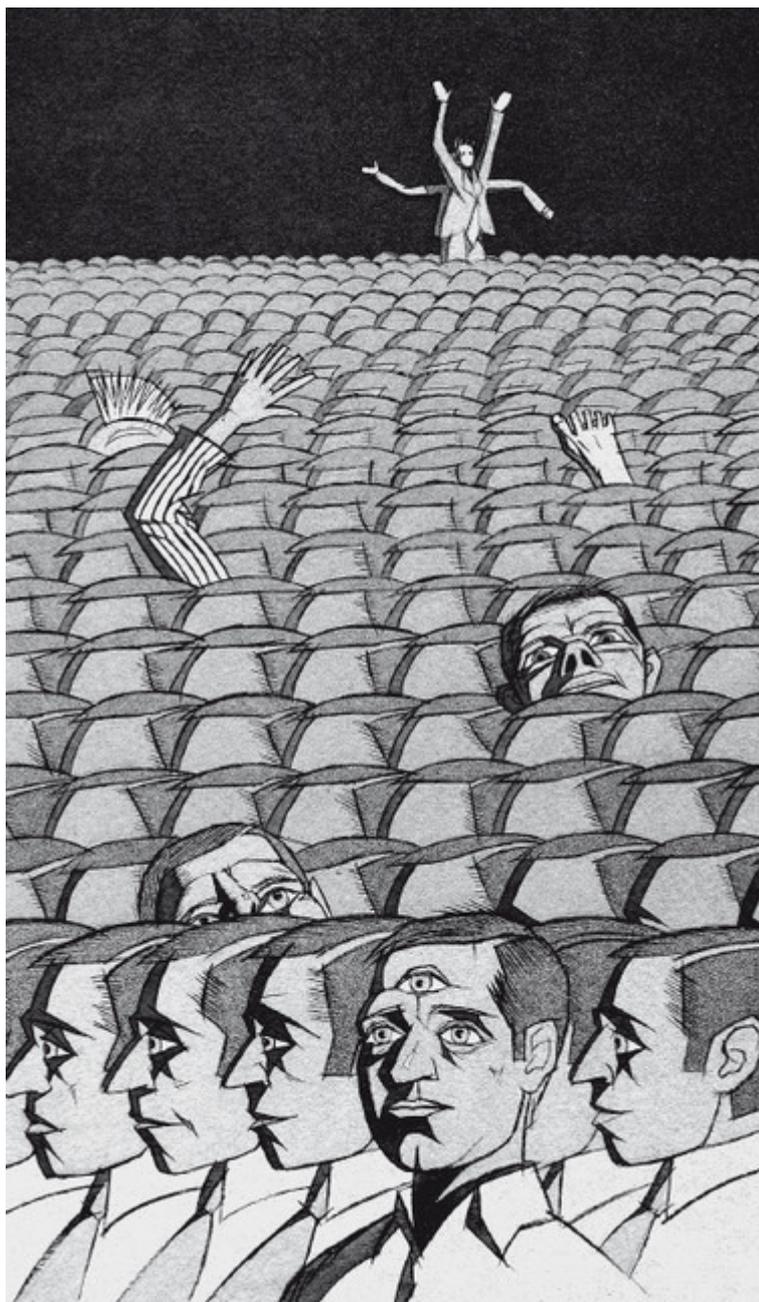
Фрэнк начал приходить к зданию «Безупречного комплекта» с первого дня начала родов. Он прекрасно понимал, что это глупо, и что детей за один день не рожают, но все равно каждый день на протяжении целой недели приходил с большим букетом зеленых филисий, которые потом потихоньку расползались по приемной в поисках субстрата.

Девушка-информатор быстро привыкла к молодому романтичному папаше и уже на третий день кокетливо ему улыбалась, вытаскивая из принтера лист с процентами.

– Уже скоро! – сказала она в конце недели. – Ваша жена очень быстро рожает. Уже девяносто процентов стандартного комплекта.

– Да? – забеспокоился Фрэнк. – У нее точно все нормально? Ведь это наши первые роды...

– Да, обычно за неделю первородящие весь комплект не выдают, – согласилась девушка. – Бывают задержки с второстепенными органами, и врачи рекомендуют в первый раз рожать хотя бы две-три недели, чтобы потом не было проблем и в последний момент сборки родители не хватились нужных деталей. Но у вашей жены все на редкость гладко проходит...

Фрэнк с облегчением вздохнул.

– Хорошо...

– Думаю, завтра-послезавтра ваши филисии пригодятся! – улыбнулась девушка. – Они, наконец, смогут свить гнездо, а не хулиганить в приемной.

– Они доставляют вам много хлопот? – забеспокоился Фрэнк.

– Нет-нет, просто ведь это дорого! Каждый день по букету, к тому же зная, что по-настоящему они не пригодятся...

– Я ее очень люблю, – обиженно ответил Фрэнк. – И нашего ребенка тоже! Мне не жалко филисий!

– Да, конечно! – спохватилась девушка. – Надеюсь, он у вас будет не такой, как все!

– Обязательно, – серьезно кивнул Фрэнк на стандартное пожелание. – Я позабочусь об этом...

Через два дня роды закончились.

Фрэнк приехал на машине забрать любимую жену и новорожденного.

– Ну как? – привычно спросил он в приемной.

– Сто процентов! – радостно откликнулась девушка-информатор.

– А вдруг чего-то не хватает? – Фрэнк начали одолевать типичные для молодого отца страхи: вдруг комплект не полон? вдруг что-то подменили или припрятали? И самый главный страх всех родителей: а вдруг в комплекте не окажется Активатора?

Насчет подмены или укрытия частей набора Фрэнк, конечно же, беспокоился напрасно. Этим давно никто не занимался, тем более в таком престижном роддоме, как дом «Безупречного Комплекта». А вот с Активатором было сложнее...

– Не беспокойтесь, у нас лучшие доктора в районе! – заверила Фрэнка девушка-информатор. – У вашей жены замечательные первые роды. Никаких задержек даже с второстепенными органами...

– А как она сама?

– Ну что вы меня спрашиваете, когда можете сами к ней подняться?! Четвертый этаж. Она уже час ждет...

– И вы молчали?! – возмущенно выкрикнул Фрэнк, взлетая по винтовой лестнице.

Келли сидела в глубоком кресле и потягивала питательный бульон. На четвертом этаже роддома располагался большой, наполненный зеленью зал с прозрачной крышей. Маленькие фонтаны, голоса живых птиц...

– Да у тебя тут рай! – сказал Фрэнк жене.

– Зато про палату этого не скажешь! – буркнула Келли, но потом все-таки улыбнулась и встала с кресла, чтобы ответить на объятья мужа.

– У меня все хорошо, – сказала она, предупреждая вопросы. – Все оказалось проще, чем я думала. Только очень скучно. Целую неделю лежать, пить разные бульоны и ничего не делать, прерываясь только на то, чтобы рожать. Бульоны, я тебе скажу, на редкость противные... Нет, были и вкусные, но в основном – гадость! Но самое главное – такая скукота, ты не представляешь! Нет, я больше рожать не буду, даже и не уговаривай!

– Ничего, ничего, – успокаивающе говорил Фрэнк, поглаживая Келли по спине. Он знал, что все женщины так говорят после родов, а через годик-другой снова пьют бульон и скучают в роддоме. – Говорят, ты очень быстро справились. Первый раз, бывает, и по месяцу рожают, и по два...

– С ума сойти! – удивилась Келли. – Когда мы поедем домой?

– Я взял машину, так что прямо сейчас.

– Давай быстрее, а то мне уже на эти стены смотреть невмоготу! – пробурчала Келли. – Забирай, что там получилось, и поехали!

Они вышли, и Келли сразу села в машину.

Фрэнк с волнением ждал главного акушера, стоя у задней двери. Автомобиль-сапожок специально был предназначен для молодых родителей. Спереди три сиденья: два для мужа и жены, а третье для шофера, если ни тот, ни другая не умели водить. Сзади машины располагалось специально оборудованное пространство, предназначенное для новорожденного.

Наконец появился акушер с двумя помощниками. Они несли большой, празднично украшенный контейнер, на котором витиеватым шрифтом было выгравировано и позолочено два имени. Фрэнк и Келли решили, что если родится мальчик, то они назовут его Кевин, а если девочка, то Мартой. На контейнере так и было написано: «Кевин или Марта».

Роддом «Безупречный комплект» был одним из самых дорогих в городе, поэтому на упаковку здесь не скупилась. Контейнер был огромным, и Фрэнк знал, что внутри все тщательно упаковано и подписано.

– Осторожнее, осторожнее! – волновался Фрэнк, хотя санитары и так выверяли каждое движение, размещая контейнер внутри машины.

Подписав все необходимые бумаги и сказав все необходимые вежливые слова, Фрэнк запрыгнул в кабину на место шофера. Он взял машину без водителя, потому что даже представить себе не мог, что позволит везти своего ребенка кому-то постороннему!

– Почему так долго? – поморщилась Келли. – Мне не терпится домой!

– Уже едем! – сказал Фрэнк, поворачивая ключ зажигания. – Только я поеду медленно. Все-таки не дрова везем, а сына!

– Дочку... – сказала Келли.

– Тебе же было все равно? – удивился Фрэнк.

– И сейчас все равно, – пожалала плечами Келли. – Просто мне кажется, что я рожала дочку... Да и имя «Марта» мне нравится больше!

– Да ну тебя! – отмахнулся Фрэнк. Он внимательно следил за дорогой, стараясь не попасть колесом в выемку или на какой-нибудь неожиданный крупный камень. Хотя откуда им взяться на гладкой, словно вылизанной, дороге?

Дома Фрэнк первым делом бросил букет фиалий в ящик с питательным субстратом, и цветы-лианы тут же принялись за дело. Через пару дней половину комнаты займет живая лаборатория с естественным ароматом-антисептиком. Фитонциды фиалий мгновенно убивали все известные микроорганизмы. И внутри образовавшейся беседки можно будет безбоязненно работать с ребенком, не боясь занести какую-нибудь заразу.

Келли, едва успев скинуть туфли, упала на диван и ухватилась за пульт от телевизора.

– Ну, наконец-то! – выдохнула она и с блаженством зарылась в подушки.

– Неужели в роддоме не належалась? – удивился Фрэнк, наблюдая, как фиалии выпускают корни и прямо на глазах начинают расти.

– Ничего ты не понимаешь! – откликнулась Келли. – Когда лежишь, зная, что больше ничего делать не можешь, – это одно. А когда лежишь, зная, что тебе много чего надо делать, а ты на это все плюешь и все равно валяешься – совсем другое!

Фрэнк не ответил. Он рассматривал брошюру, которая прилагалась к контейнеру с его ребенком. Слишком краткая и формальная, несмотря на то, что отпечатана на дорогой бумаге. Список рекомендуемой литературы, реклама инструментов для сборки и краткие параметры самого ребенка.

Фрэнк вздохнул, еще раз взглянул на растущую живую лабораторию, а потом подошел к столу, где неразобранной грудой лежало все необходимое для успешной сборки ребенка. Здесь были и стандартные книги, рекомендованные в типовой брошюре: «Энциклопедия сборки», «Как собрать настоящего мужчину», «Специфика женской сборки», и альтернативные инструкции и рекомендации: «Особенный ребенок», «Скажем «нет» стандартной сборке!», «Нужен ли на самом деле Активатор?», «Активатор – правда и вымысел», и еще несколько десятков книг разной толщины и значимости. Здесь были даже запрещенные труды объявленных вне закона теоретиков сборки: «Сверхчеловек», «Урод или гений» и прочие скандальные, революционные и просто сумасшедшие теории и методики. Фрэнк считал, что такие книги нужны. Не для того чтобы им следовать, а чтобы получить максимально широкую картину.

Фрэнк очень серьезно относился к предстоящей сборке своего первого ребенка...

Келли валялась на диване среди подушек и щелкала пультом, несколько не интересуясь возней мужа.

Фрэнк до вечера разбирал все, что купил до рождения ребенка, а потом, не в силах выдержать медленного роста зеленой лаборатории, решил прогуляться.

– Дорогая, ты со мной?

– Куда?

– Прогуляться, обсудить, как нам лучше собрать нашего сы... ребенка!

– Да ну! – отмахнулась Келли. – Чего тут обсуждать? Собирай по типовой инструкции и не мучайся!

– Нет, я хочу, чтобы мой ребенок был особенным, а если собирать по усредненной типовой схеме, то ничего особенного не получится. Ведь она не учитывает индивидуальных особенностей компонентов, не учитывает... Да ничего она не учитывает! Неужели ты хочешь ребенка, как у всех?

– А что? Чем плохо иметь ребенка, как у всех? – насупилась Келли.

– Как ты не понимаешь! – стал горячиться Фрэнк. – Ведь... Ведь... – он хотел привести множество серьезных аргументов, которые вычитал в книгах, но сообразил, что Келли они ничего не скажут. – Представь, что будут говорить наши родственники, твои знакомые и подружки: «Ну вот, Фрэнк и Келли собрали какую-то серость. Таких уже миллион ходит вокруг, и они еще одного такого же собрали!» Представляешь?

– Хм! – Келли задумалась. Такой аргумент ей был понятен. – Пожалуй, лучше и в самом деле собрать что-то особенное, как ты говоришь... Только ты уж, пожалуйста, сам...

– А ты разве не будешь помогать? – опешил Фрэнк. Он слышал, что жены редко принимают участие в сборке детей, но верил, что уж его-то любимая Келли не подведет.

– Вот еще! – возмутилась Келли. – Я целую неделю валялась в этом дурацком роддоме, пила эти дурацкие питательные бульоны... Думаешь, легко это, каждые десять минут чего-нибудь рожать?! Ага, вот сам попробуешь, тогда скажешь, охота тебе будет потом все это еще и собирать! Ну уж нет! Я рожала, а собирать – тебе. Да и не умею я. Только мешать буду...

Фрэнк тяжело вздохнул и вышел из квартиры. Он очень надеялся, что они будут собирать ребенка вместе. Фрэнк слышал, что бывают пары, которые бок о бок, рука об руку собирают своего ребенка. Фрэнк даже читал о таких парах, но в реальной жизни не встречал. Обычно жены рожали компоненты будущего человека, а мужчины, обложившись инструкциями и необходимыми инструментами, годы проводили в зеленой лаборатории, собирая ребенка.

Фрэнк вышел из дома и медленно побрел по улице. Он внимательно вглядывался в каждого прохожего. Теперь Фрэнк замечал даже мелочи, на которые раньше ни за что ни обратил бы внимания. В основном люди были одинаковы, собраны по типовой инструкции. Иногда встречались нестандартные решения, но редко, да и выглядели они зачастую спорно, а то и откровенно уродливо. Вот мужчина, отец которого почему-то решил разместить нос сына на уровне глаз, а вот бедолага, отец которого, видно с перепоя, перепутал правую и левую руки... Еще недавно за такие ошибки не штрафовали. Закон корректной сборки ужесточался с каждым годом. Сначала запретили преднамеренные уродства и «шутки», когда лишенные всякого родительского чувства люди вытворяли разные непотребства, собирая нечто ужасное или социально нежизнеспособное. Ведь не было жестких правил сборки, нарушив которые ребенка было бы уже не оживить. Достаточно было собрать компоненты в произвольном порядке, а потом запустить Активатор, и тело, каким бы непригодным для жизни оно ни было, оживало. До сих пор еще встречались эти несчастные, вынужденные отживать свой срок, не понимая, зачем они появились на свет. Наказание для

«родителей-юмористов» в последние годы стало особо суровым, так что уже давно никто не рожал просто для того, чтобы собрать «какую-нибудь зверушку». Но проблем все равно хватало. Многие родители были просто не способны сами собирать детей. Для них организовали государственные учреждения, куда можно было сдать рожденный комплект и получить ребенка, прошедшего стандартную сборку. Этот вариант был достаточно безопасным, и большинство родителей им довольствовались. Именно поэтому вокруг ходило так много одинаковых, как две капли воды похожих людей.

Фрэнк медленно двигался по широкой переполненной пешеходами улице. Ему вдруг показалась, что его окружают роботы, сошедшие с конвейера одного завода.

«Нет, я никогда не отдам своего Кевина на сборку специалистам общественных организаций! – подумал Фрэнк. – Даже если мой Кевин окажется Мартой, и даже если у меня уйдет на самостоятельную сборку несколько лет!»

Друг Фрэнка собирал своего ребенка уже пятый год... Время сборки не ограничивалось. В зеленой лаборатории можно было проводить каждый день, а можно было заглядывать туда раз в неделю. Можно было собрать ребенка за месяц, кое-как закрепив компоненты и запустив Активатор, а можно было год за годом совершенствовать свои навыки сборки, идеально подгоняя каждый орган и компонент ребенка. Молодые родители часто торопились собрать первенца и только потом, наученные горьким опытом, старались исправиться на следующих детях. Но Фрэнк не собирался торопиться и в первый раз. Ему было достаточно опыта многочисленных знакомых.

Фрэнк вдруг остановился.

– Я соберу самого лучшего сына на свете! – громко сказал он. На него оглянулись. В основном равнодушно, словно на звук упавшей и разбившейся посреди тротуара бутылки. – И он будет совсем не такой, как все!

Фрэнк развернулся и уверенно зашагал домой, чтобы снова читать лучшие книги, изучать лучшие инструменты и готовиться создать Человека.

«Мой сын будет особенным внутри, а не снаружи. Ведь говорят, что хорошая сборка не видна снаружи. Настоящий человек рождается внутри. А компоненты тела – это всего лишь части конструктора. Смысл сборки в том, чтобы внутри тела родилось нечто, отличное от совокупности органов и компонентов. Это и называется настоящим рождением. И для того, чтобы родить, недостаточно месяц проваляться в роддоме и пить питательный бульон! Недостаточно сдать комплект органов в общественное учреждение и получить стандартно собранного ребенка. Недостаточно даже самому как следует выучить инструкции и, тупо следуя им, создать очередного зомби... Чтобы человек ожил, надо вложить в свою сборку любовь!»

Фрэнк повторял слова из умной книги по философии сборки. В ожидании первенца он перечитал не один десяток подобных книг, в которых объяснялось, что сборка – это нечто большее, чем просто соединение компонентов, полученных в роддоме. Фрэнк верил в теорию третьего рождения, суть которой сводилась всего к одной мысли: по-настоящему человек рождается не в роддоме и даже не в зеленой лаборатории, а потом, внутри собранного тела. Никто толком не объяснял, что это за внутреннее рождение, но теория подразумевала очень тщательную сборку. Считалось, что совершенная подгонка компонентов позволит будущему члену общества родиться внутри и стать Человеком с большой буквы. Философию третьего рождения пытались запретить наравне с теориями лишних и недостающих компонентов. Приверженцы первой утверждали, что собрать совершенного человека можно, избавившись от каких-то явно лишних компонентов стандартного набора, который выдавали женщины в роддомах. Защитники теории на убедительных книжных примерах показывали, что некоторые компоненты не нужны и даже вредны. Но когда последователи философии

лишних компонентов пытались реализовать свою теорию на практике... Несчастливые дети! Для них существовали целые лагеря-изоляторы...

Со сторонниками философии недостающих компонентов дела обстояли не лучше. Они утверждали, что совершенства можно достичь, добавив в стандартный комплект некие искусственные компоненты. Результатом, как и в случае первой теории, было появление большого числа уродов. Именно поэтому обе философии легко было запретить как не соответствующие закону корректной сборки. Но с теорией третьего рождения было сложнее. Под закон она не подпадала, так как внешне собранные люди ничем не отличались от обычных членов общества. Да и внутренне – зачастую тоже. Ведь разница между обычной сборкой и сборкой по теории третьего рождения заключалась в любви. А никто толком не знал, что это значит – собирать с любовью. И в книжках этот момент освещался размыто и до невозможности неконкретно.

Фрэнк почти бегом возвращался домой.

– Я буду собирать своего сына с любовью! – сказал он, когда подходил к подъезду. – И он обязательно родится в третий раз! Он обязательно будет живым!

* * *

Половину большой комнаты в квартире Фрэнка и Келли заняла зеленая лаборатория. Фрэнк торжественно внес внутрь контейнер с ребенком и необходимые для сборки инструменты. Книги он брать с собой не стал. Основы сборки Фрэнк выучил наизусть, а фундаментальные понятия теории третьего рождения не подразумевали соблюдения жестких правил. «Главное, собирать с любовью», – повторял про себя Фрэнк, не слишком понимая, что это значит.

В свежевывращенной лаборатории Фрэнк впервые открыл контейнер. Даже Келли оторвалась от телевизора и решила посмотреть, что у нее родилось.

Фрэнк открыл большую крышку и с трепетом в сердце заглянул в контейнер. Глаза разбежались. Чего там только не было!

– Да-а-а... – протянул Фрэнк. – И как я все это собирать буду?!

Подумав, что ее опять попытаются вовлечь в сборку, Келли поспешила выбраться из лаборатории.

– Эй, ты куда?! – крикнул ей вслед Фрэнк.

– Ну, мы же договорились! – откликнулась Келли, снова нажимая на кнопку телевизионного пульта. – Я рожаю, а ты собираешь! Кроме того, я просто не хочу тебе мешать!

Келли говорила громко, словно с человеком в другой комнате, хотя в этом не было необходимости – стены зеленой лаборатории хорошо пропускали звук.

– Сделай телевизор потише! – тоже громко сказал Фрэнк. – Как я буду собирать ребенка при таком шуме?!

– Ну вот, ты, может, несколько лет будешь его собирать, так что мне теперь, телевизор не включать? – сварливо ответила Келли, но громкость убавила.

Фрэнк смотрел на содержимое контейнера и совершенно не представлял, с чего начать. Роддом был дорогим, так что все компоненты были тщательно упакованы и подписаны, но глаза от этого разбежались совсем не меньше.

– Нет, ну я совершенно не представляю, с чего начать! – расстроено сказал Фрэнк.

– Главное начать, – прокомментировала возглас мужа Келли, а потом процитировала общеизвестную мудрость: – Самый сложный компонент сборки – первый!

– Понятно, что главное начать, – пробурчал Фрэнк. – Только вот с чего? И почему женщины не рожают сразу собранного ребенка?!

– Интересно, как ты себе это представляешь? – засмеялась Келли. Она даже убавила громкость телевизора до минимума. – Как можно родить человека целиком? Ведь он зачастую в собранном состоянии больше родителей! И наш ребенок, когда ты его соберешь, наверняка будет больше меня. Особенно, если это сын... Как можно родить собранного ребенка?

– Как? Например, ты бы родила маленького человечка. И чтобы у него все было уже собрано, но в уменьшенном виде, а потом питательным бульоном кормили бы не тебя, а этого маленького ребенка... И он бы вырос в большого, как мы...

– Ну, ты фантазер! – удивилась Келли. – Чего только мужчины не придумают, лишь бы сборкой не заниматься!

– А вот и неправда! – рассмеялся Фрэнк.

– Правда, правда! Все мужчины одинаковы! Лентяи! – Келли опять потянулась к пульту.

– Вот увидишь, какой замечательный сын у нас получится... – сказал Фрэнк. Ему не терпелось приступить к работе, и он закрыл глаза, чтобы наугад вытащить из контейнера произвольный компонент и начать сборку...

* * *

Фрэнку нравилось, как пружинила опавшая листва филисий. За два года на полу зеленой лаборатории образовался толстый ковер...

Фрэнк работал каждый день. Непрерывно. Забросив другие дела. Два года ежедневной, непрерывной сборки! Мало кто из родителей был способен на это. Обычно сборка растягивалась на годы именно из-за того, что папа заглядывал в лабораторию раз в неделю, по выходным. Но Фрэнк собирал Кевина – ребенок все-таки оказался сыном – с одержимостью религиозного фанатика.

И вот, спустя два года, на рабочем столе в зеленой лаборатории лежал собранный ребенок.

Кевин и до этого несколько раз был в почти собранном состоянии, когда Фрэнк был уверен, что все готово и пора открывать коробочку с Активатором. Но в последний момент обнаруживалось, что в контейнере оставались какие-то неиспользованные детали, и Фрэнк начинал работу снова. Он знал, что при сборке очень часто остаются лишние компоненты, и что ничего страшного, если они не будут задействованы. Об этом писалась даже в типовой государственной инструкции по сборке. Но философия третьего рождения подразумевала идеальную сборку с любовью. И если понятие «любовь» Фрэнку было не совсем ясно, то идеальная сборка для Фрэнка однозначно подразумевала полное использование всего комплекта. Фрэнк изначально задумал, что будет собирать до тех пор, пока не найдет места каждому компоненту.

А с любовью все оказалось проще, чем он предполагал. Да, Фрэнку было непонятно, что это такое, и в книгах это толком тоже не объяснялось. Но он всегда чувствовал, как идет сборка в данный момент, с любовью или просто формально, как конструктор. И когда любовь пропадала, Фрэнк прекращал сборку и пытался понять, что не так, пока непонятное чувство не возвращалось...

Теперь перед Фрэнком лежало идеально собранное тело сына. Оно было красивым, стройным, примерно на полголовы выше отца и на целую голову выше Келли. К концу сборки жена стала чаще заглядывать в лабораторию. А когда Кевин был практически готов, то и вовсе повадилась заходить каждый день, здорово мешая Фрэнку дурацкими советами.

– Ты же не собирала его, так что не можешь знать, как правильно! – возмущался Фрэнк.

– Но я же вижу, что вот эту родинку надо разместить вот здесь!

– Нет, нет и нет! – кричал Фрэнк и выгонял упирающуюся Келли из зеленой лаборатории.

– Я же все-таки мать и тоже имею право на сборку! – для порядка кричала Келли. Она с нетерпением ждала, когда ее сын откроет глаза и все вокруг наконец узнают, что Келли и Фрэнк наконец собрали своего первого ребенка.

Фрэнк стоял рядом с телом сына и вертел в руках маленькую черную коробочку с таинственным Активатором. До сих пор никто толком не знал, что это такое. Официальная наука утверждала, что никакого Активатора не существует, и что открытие пустой черной коробочки – просто дань древней традиции. А само рождение коробочки в комплекте – просто атавизм. Ведь раньше люди не понимали, что жизнь – это всего лишь совокупность органов. Им был необходим невидимый Активатор, который наделял тело жизнью. Сейчас же ученые выяснили, что в коробочке ничего нет, и тело оживало само собой, когда заканчивалась сборка. Ребенок действительно оживал, даже если не открывать коробочку с Активатором, но Фрэнк верил, что причина здесь в невидимости Активатора, который мог сам по себе пройти сквозь стенки черной коробочки и войти в собранное тело. Кроме того, ученые никак не объясняли, почему даже не до конца собранное тело оживает, если открыть коробочку с Активатором...

Одним словом, никто толком не знал, что такое Активатор. Он был чудом. Необъяснимым, но все-таки неоспоримо существующим для всех, кроме упертых ученых, которые никак не могли смириться с невозможностью увидеть Активатор и разложить его на составные части. Желательно скальпелем, и чтобы подопытный при этом кричал...

В сотый раз Фрэнк покрутил Активатор в руках и положил его в контейнер. Вышел из лаборатории.

– Келли, сегодня вечером я хочу... – сказал он жене. Не было необходимости договаривать.

– Наконец-то! – обрадовалась Келли.

Они провели остаток дня как на иголках. Келли периодически, раз в десять минут, поглядывала на часы и занудно спрашивала:

– Ну, скоро уже?

– Да подожди ты! – злился Фрэнк. – Ты мешаешь мне сосредоточиться!

– Да чего тут сосредоточиваться? – не понимала Келли. – Открываешь коробочку, да и все! И мы ведем сына в свет. Я уже всем сообщила! Завтра родственники начнут собираться...

– Мне нужно сосредоточиться, осознать...

– Чего?!

– Ты не поймешь! – отмахивался Фрэнк. – Ты не собирала его каждый день, ты не понимаешь, сколько любви я вложил! Я так волнуюсь!

– Думаешь, я не волнуюсь?! – обижалась Келли. – Это ведь и мой сын! Я его родила!

«Ты родила не сына, а комплект!» – хотел было огрызнуться Фрэнк, но сдержался. Ведь и он сам «родил», собрал еще совсем не ребенка, а лишь тело.

«Компоненты по отдельности, компоненты собранные... Такая уж ли большая разница? – подумал он. – Именно поэтому я так боюсь. Я дам жизнь. Но кому? чему? Очередному живому телу, очередной ходячей совокупности органов, которых так много бродит по улицам? Или все-таки у меня родится Человек?»

Такие сомнения разрывали Фрэнка изнутри уже довольно давно. Именно из-за них Фрэнк оттягивал активацию. Но препирательства с женой мешали сосредоточиться и что-то понять.

– Ладно, пойдем! – не выдержал Фрэнк домогательств жены и решительно встал с кресла.

– Ура! – Келли вскочила и радостно полезла за мужем в зеленую лабораторию.

Они встали рядом с телом сына. Фрэнк торжественно взял коробочку с Активатором и со словами: «Кевин, проснись!» открыл крышку. Фрэнк знал, что он ничего не увидит внутри коробочки, но, как и все, надеялся вопреки этому знанию что-то заметить, ощутить...

Кевин на столе зашевелился. Сел, улыбнулся и сказал:

– Папа, мама, как дела?

– Привет, сыночек! – обрадовалась Келли. – Давай, вставай, у нас куча дел. Мы пойдем сейчас в разные важные места... Мне надо показать тебя! Ведь ты мой первый ребенок! А у нас столько родственников, столько знакомых... Все хотят посмотреть на ребенка Келли и Фрэнка. Я сообщила даже бабушке. И она уже летит из далекой...

Кевин, казалось, не слушал. Он смотрел на отца.

– Рад тебя видеть, сынок... – только и смог выдавить Фрэнк.

– Спасибо, папа, – сказал Кевин.

– Ну, все отцы собирают своих детей... – сказал Фрэнк.

– Нет, не за сборку, – улыбнулся Кевин. – Я благодарю не за сборку, а за то, что я чувствую внутри...

– А что ты чувствуешь?! – Фрэнк замер.

– Я чувствую, что внутри меня компоненты несобранного ребенка...

– Так за что же ты благодаришь? – расстроился Фрэнк.

– За то, что я чувствую это и знаю, что мне делать...

– Что?

– Собрать себя. Так же, как ты собрал меня снаружи, я сам должен собрать себя внутри. Я посвящу этому всю свою жизнь...

– Сборке самого себя?

– Да... – Кевин встал и пошел к выходу из зеленой лаборатории. Ошарашенные родители последовали за ним.

– Я ухожу, – сказал Кевин. – Мне придется многому научиться, многое понять...

– Но как ты соберешь себя? – спросил Фрэнк. – Ведь для такой сборки даже нет типовых инструкций...

– Главное видеть, что ты – это не тело, а конструктор внутри, каждой детальке которого надо найти свое место. Все остальное бессмысленно!

– А как же встречи?! А как же ресторан?! – вдруг очнулась Келли. – Я заказала десять лучших столиков, чтобы отметить активацию моего первенца! Я пригласила всех родственников и друзей!..

– Все остальное – бессмысленно... – повторил Кевин. – Папа, я отправляюсь собирать самого себя...

Фрэнк проглотил комок в горле и с трудом произнес:

– Да, иди... Все-таки у меня получилось! Ты обязательно родишься по-настоящему! У тебя будет третье рождение...

– Спасибо, папа... – Кевин оделся и направился к выходу.

– Как жаль, что я не чувствую в себе внутренних компонентов, которые надо собирать... – сказал Фрэнк. – Я знаю, что они есть, но не вижу, с чего начать! Мне бы увидеть хотя бы один! Ведь главное – это начать, а самый главный компонент сборки – первый...

Кевин остановился у самой двери. Келли тихонько плакала, а Фрэнк торжественно смотрел на сына.

– Я пойду? – спросил Кевин.

Фрэнк крепко обнял сына и тихо сказал:

– Иди! Только обязательно собирай себя... с любовью!

Кевин улыбнулся, поклонился родителям и вышел. И в тот же миг Фрэнк увидел внутри сердца первый элемент самого себя, маленькую часть того внутреннего ребенка, которого должен собрать каждый Человек!

Крис Игольчатый Интерферент Тарас (Рассказ)

Предисловие

Герои данного рассказа действуют в мире, не идентичном тому, который создан С. Лемом в его повести «Футурологический конгресс», но весьма похожем. Поскольку в рассказе используются понятия и термины, созданные мэтром, я сочла необходимым привести несколько ссылок, чтобы облегчить читателям процесс чтения и понимания моего произведения.

«...если программы, передаваемые с разных спутников, долго интерферируют между собой, может возникнуть помесь нескольких персонажей ревизионного представления, то есть интерферент. При своих внушительных габаритах он способен натворить черт знает что – как-никак, время его существования после выключения аппарата доходит до трех минут. Энергия, потребляемая ревизионным фантомом, говорят, того же рода, что энергия шаровых молний».

«Десимулянт – объект, притворяющийся, будто он есть, хотя на самом деле его нет».

«Наиболее тяжкие преступления – это майнднэпинг (похищение разума), ограбления банков особо ценной спермы, убийство, предусмотренное восьмой поправкой к Конституции (убийство наяву, в убеждении, что оно иллюзорное, а жертва – псивизионный или ревизионный фантом), а также тьма разновидностей психимического порабощения».

«В окно заглядывает большая птица с печальным взглядом, очень странная – на колесах. Компьютер говорит, педеролла».

«Он (проект реформ – К. И.) предусматривал эктогенезис, деташизм и всеобщую гомикрию. От человека оставался один только мозг в изящной упаковке из дюропласта, что-то вроде глобуса, снабженного клеммами, вилками и розетками. Обмен веществ предполагалось перевести на ядерный уровень, а принятие пищи, физиологически совершенно излишнее, свелось бы к чистой иллюзии, соответствующим образом программируемой. Головоглобус можно будет подключать к любым конечностям, аппаратам, машинам, транспортным средствам и т. д. На первом этапе ненужные органы оставляются дома; скажем, собираясь в театр, вы снимаете и вешаете в шкаф подсистемы копуляции и дефекации. В следующей десятилетке намечалось путем гомикрии устранить всеобщую давку – печальное следствие перенаселения. Кабельные и беспроводные каналы межмозговой связи сделали бы излишними поездки и командировки на конференции и совещания и вообще какое-либо передвижение, ибо все без исключения граждане имели бы связь с датчиками по всей ойкумене, вплоть до самых отдаленных планет. Промышленность завалит рынок манипуляторами, педикуляторами, гастропуляторами, а также головороллерами (чем-то вроде рельсов домашней железной дороги)».

Вообще, я всем рекомендую ознакомиться с упомянутым произведением С. Лема – получите массу удовольствия, а также станут ясны некоторые аллюзии, присутствующие в «Интерференте Тарасе».

Ну, а теперь перейдем к моему творению.

I

*Мечта, если дать ей волю, всегда одолевает реальность.
С. Лем. «Футурологический конгресс»*

Психотерапевт социального центра «Сохраним семью» Григорий Иванов сладко, с хрустом в суставах, потянулся. Врач подумал, что неплохо бы сменить левую коленную чашечку – благо черные тучи на финансовом горизонте Иванова потихоньку начали рассеиваться, – и открыл файл клиентки, которая записалась сегодня на 14.30. Основные моменты и психоузлы по этому случаю он помнил, но никогда не считал лишним освежить такие вещи в памяти. Главный конкурент Иванова – кибернизированный психотерапевт восьмого поколения «Егидес» – уж точно не преминул бы с порога поинтересоваться у пациентки, как поживает ее любимая собака или дочь. Григорий же не намеревался уступить роботу хотя бы одного пациента из кровью и потом отвоёванной клиентуры.

Белогурова Татьяна Дмитриевна, учительница русского языка и литературы. Муж Даниил, двое детей – Ростислав, 8 лет, и Велемир, 4 года. Наблюдалась после неудачной попытки суицида – муж спустил в казино все деньги, которые копили на модный нынче частичный эктогенезис, и хотя казино было виртуальным, счет в банке закрыли по-настоящему. Кухня, окно, решетка, горящий мусорный бак во дворе... тоска, безысходность... Даниил вынул жену из петли, на следующий день отыгрался, и мечта о частичном эктогенезисе – или, как его все называли, подключении – была воплощена. Но аппетит, как известно, приходит во время еды. Татьяне захотелось завести синтетического любовника, и муж, уstraшенный попыткой суицида, на это согласился. Григорий скользнул взглядом по раскодированной аудиозаписи с прошлого сеанса.

«Хотелось... немного любви» увидел психотерапевт и поморщился, но продолжил чтение: *«В юности у меня было два друга, два бурных романа. Один, Тарас, это кличка такая, мой одноклассник, настоящий мачо. Потом Тарас связался с криминальным миром, торговал наркотиками и даже имел какие-то связи с сепаратистами, как говорят. А вторая моя любовь Костик, он был бесконечный романтик с гитарой в руках. Ах, какие стихи он мне писал. Какие у Костики были нежные руки... Костя меня бросил – ему, творческой натуре, было необходимо разнообразие. От Тараса я ушла сама, понимала, что если попаду на заметку в милиции, прощай мечты об университете».*

Далее шла копия заказа на десимулянта, разрешение некоего К. М. Воронцова (вокально-инструментальный ансамбль «Черный Ворон», солист) использовать его ментограммы в коммерческих целях, с соблюдением анонимности. В мозгу Иванова загрохотали барабаны, на фоне которых визжала флейта, и раздался утробный рев: «Тебе нужна бомба, бомба, если ты не желаешь воскресать», мелькнул силуэт в черной коже. «Какая, к чертям, анонимность», с легкой завистью подумал Григорий. Воронцов явно зарабатывал на своих ментальных копиях не меньше, чем на своих песнях. А скорее всего, даже больше. Одна звуковая дорожка, купленная у официальных дилеров, стоила не дороже двух евро, а десимулянт на основе копии конкретного человека обходился... Иванов вздохнул и вернулся к файлу. Несколько секунд он с отвращением разглядывал жирный штампель МВД на заключении банка «Иллюзивгейст». Психотерапевту вспомнилась сбитая недавно крыса-переросток – кишки повисли на кенгурятнике, он потом замучился отдиравать. Григорий досадливо тряхнул головой – кому-кому, а вот сепаратистам он никогда не сочувствовал. Корявый росчерк поперек штампеля гласил: *«Разрешить по смертное использование психоматериала № 1-5673/32».* Чиновник, завизировавший документ, явно не утруждал себя посещением уроков русского и литературы.

Иванов побарабанил пальцами по крышке стола, пытаясь отогнать вдруг нахлынувшее чувство беспомощности. Очевидно, безысходность отошла у клиентки на второй план; возникли проблемы в отношениях с десимулянтом, иначе зачем бы она записалась на прием? И что прикажете делать? Решение конфликтов в парах требует проведения совместных сеансов. Конечно, десимулянт явится, куда он денется... Но как с ним работать? И кто заплатит за сеансы? МВД? Григорий вошел в поисково-справочную систему «Фрейд», доступ к кото-

рой имелся у каждого уважающего себя психотерапевта. В системе содержались все труды по психиатрии, начиная от основоположников движения и заканчивая новейшими разработками. На них и была вся надежда.

Увы, она не оправдалась.

«Справочник по психологии синтур», единственный документ, в котором поисковик нашел совпадения, скромно сообщал: *«Память о смерти обычно стирается перед воскрешением. Психика ничем не должна отличаться от психики реального объекта, с учетом индивидуальных особенностей, присущих объекту до физической гибели»*. Иванов ввел в строку поиска «совмещенные копии», и на экране раскрылась глава **«Шизофрения»**, подраздел **«Как следствие органических поражений»**.

Раздалась мелодичная трель.

– Войдите! – крикнул психотерапевт и нажал пиктограмму «Закреть все окна».

Он приветливо кивнул Татьяне и махнул рукой в сторону шкафа. Белогурова принялась расстегивать крючочки на своем светло-зеленом плаще.

– Как ваши бандиты? – спросил Иванов.

Татьяна вздрогнула и выронила плащ. Ткань осела на пол с тихим шелестом. «Так и есть, – подумал психотерапевт мрачно. – У ее десимулянта острый приступ шизофрении».

– Как? – спросила Белогурова. – Вы тоже уже знаете?

– Собственно, я имел в виду Ростислава и Велемира, – сказал Иванов доброжелательно. – А вы о ком подумали? Да вы присаживайтесь.

Татьяна нервно поправила темные очки. Их она снимать не собиралась. Клиентка опустилась в мягкое кресло. Психотерапевт достал из ящика стола свои очки и ловко нацепил их на нос. Эктогенезис во время сеанса оплачивался за счет пациента. Несколько секунд Иванов привыкал к новому виду клиентки. Если в реальности Белогурова была невзрачной худенькой блондинкой, то в эктогенезисе каждый был волен выбирать тот образ, который ему более по душе. В прошлый раз Татьяна явилась ему жгучей брюнеткой в черно-красном испанском наряде, а сегодня...

– Тарас, – прошептала статуя Свободы. Чернота сочилась из ее пустых глаз и стекала по зеленоватому лицу. В руке вместо факела она сжимала огромный напряженный фаллос, переплетенный венами. – Тарас вернулся.

Иванов с трудом отвел взгляд от фаллоса. Раньше он не замечал в клиентке такой хватки к деталям.

– Хотите об этом поговорить?

II

Небесный тихоход плыл по нежно-розовым и серым облакам, словно по сказочной молочной реке с кисельными берегами. «А ведь эти чудные облака, похожие на выпавшие из прически модницы непослушные пряди, – подумала Таня, – кажутся тем, кто сейчас внизу, свинцовой подушкой, душащей город».

Но сегодня она была наверху. Десятилетие Таниного выпуска совпало со столетним юбилеем гимназии. А поскольку из ее стен вышли два президента, три премьер-министра, один химик – лауреат Нобелевской премии, всемирно известный писатель и так, по мелочи, пара воротил тяжелой промышленности, то спонсоры для праздника нашлись.

Таня, не щурясь, улыбнулась солнцу, восседавшему на самом верху перистой горы подобно древнему королю в ослепительно сияющей короне. Затем допила коктейль и поставила на поднос. Иринка, ее одноклассница, с которой Таня столкнулась на открытии праздника, приканчивала уже второй бокал.

– Никого из наших больше не встретила? – спросила Таня.

– Нет, – сказала Иринка с сожалением. – Ты ведь сама видела, какая тут сутолока.

– Похоже, они пригласили всех живых выпускников, – заметила Таня.

– Мы созванивались, договорились встретиться на выступлении «Черного Ворона», – сказала Иринка. – Они будут зажигать в зале на третьей палубе, начало в восемь.

Таня глянула на часы.

– Так уже скоро начнут, – сказала она. – Может, пойдем? Пока доберемся, это же не корабль, а настоящий Ноев ковчег...

Иринка кивнула, и бывшие одноклассницы направились на поиски зала, где должен был состояться концерт. Иринка где-то успела раздобыть план-схему воздушного дворца, но чтение карт никогда не было сильной стороной ни одной из подруг. Проплутав в узких коридорах и выскочив даже на нижнюю палубу, где было жутко грязно и из-за рева двигателя закладывало уши, выбрались наконец на верный путь. Проведя Таню по длинному пустынному коридору, Иринка с уверенным видом толкнула одну из дверей, за которой слышалось негромкое бречание гитары.

Таня вошла и в растерянности остановилась. Они попали туда, куда хотели, но совсем с другой стороны. Подруги оказались на небольшой сцене. Плотный черный занавес отгораживал ее от зала. Инструменты уже были расставлены, и, судя по змеящимся под ногами кабелям, подключены к колонкам. На стуле в дальнем конце спиной к вошедшим сидел темно-волосый мужчина в черных кожаных штанах и темно-синем балахоне. Почти всю спину занимало изображение черной птицы. Художник явно приложил все усилия, чтобы изобразить ворона, но поскольку этих птиц он в жизни не видел, получилось нечто среднее между педероллой и чрыйксой. Впрочем, никто из тех, кому предстояло любоваться рисунком, воронов тоже никогда не встречал.

– Где бы мне такую песню найти, от безумия чтобы душу спасти, что терзает бесплодное знание, – аккомпанируя себе на гитаре, тихонько пропел мужчина в балахоне.

– Костик! – радостно крикнула Иринка.

Мужчина обернулся. Но это был не Костик. Таня в смятении подумала, что не успела придать себе образ, который приберегала для этого случая. Она хотела, чтобы Тарас увидел восемнадцатилетнюю девчонку, ту, что дрожащим от волнения голосом читала стихи на прощальном вечере. Специально для этого Таня нашла в архиве модель платья, в котором была на выпускном, и загрузила программное обеспечение под него. Но все оказалось напрасно – менять облик на глазах у объекта было рискованно, могли пойти непредсказуемые сбои.

Сейчас Тарас видел перед собой женщину, хоть и в модном платье, но совсем другую.

Однако он ее узнал – у него чуть дрогнул уголок губ.

– Здорово, девчонки! – сказал Тарас. – Сколько лет, сколько зим!

Он поднялся, прислонил гитару к стулу и подошел к подругам.

– Никого из наших не встречали тут? – спросил он, обнимая Иринку.

– Да, мы прозванивались, – ответила она. – Ромик, Макс и Леня подтянутся к началу концерта, я же тебе говорила. Мы и Васю звали, но его разве выманишь из его аквариума... Но ты-то, ты! Ты лучше Костика наяриваешь! Я сначала даже подумала, что это он! Где ты так насобачился?

– Да, я недавно научился, – сказал Тарас. – Три года назад меня одна пчелка в руку укусила, пришлось разрабатывать пальцы, в моей профессии без этого нельзя.

Он выпустил Иринку, повернулся к Тане, притиснул ее к себе. Она собиралась поцеловать Тараса в щеку, но побоялась уколоться о щетину и очень осторожно коснулась губами угла его рта.

– Кстати, о твоей профессии, – сказала Таня. – Ты завязал с этим делом?

– О да, – ответил Тарас, отпуская ее. – Встал на путь исправления окончательно и бесповоротно.

– А жаль, – вздохнула Иринка. – У тебя всегда самый лучший товар был, не какой-нибудь анальгин разбодяженный...

Тарас вздохнул.

– Чего не сделаешь ради старых друзей, – сказал он. – Да и, как говорится, горбатого могила исправит...

Глаза Тани сузились от сдерживаемого гнева, а у Иринки, наоборот, радостно заблестели. Тарас наклонился к ней и прошептал что-то в ухо.

– Это как старой подруге, по ценам производителя, – сказал он, выпрямляясь.

– И как ты не прогорел еще при такой-то конкуренции со стороны государства? – холодно спросила Таня.

– Сам не понимаю, – улыбнулся Тарас.

Иринка проворно извлекла из сумочки блеснувшую золотой полосой кредитку. Таня с крайне неприятным чувством смотрела, как кредитка переключалась в руки Тараса. К Иринке перешел небольшой сверток с переливающейся голограммой, которую Таня узнала – в такую обертку часто паковали новогодние подарки для детей.

– Дальше сама справишься, – сказал Тарас Иринке и обратился к Тане: – А вы что предпочитаете в это время суток, мадам?

– Я ничего не возьму, – твердо ответила Таня.

– Тоже правильно, – сказал Тарас.

– Я вас оставлю на минутку, – сказала Иринка и направилась к двери.

Тарас послал ей воздушный поцелуй.

– Ты хотела послушать концерт? – спросил Тарас. – Спустимся в зал, сядем куда лучше?

– Я этих песен давно наслушалась, – сказала она, глядя ему в глаза.

– Тогда давай потанцуем? – спокойно предложил Тарас. – На верхней палубе уже отплясывают всю.

Таня пожала плечами.

– А почему бы и нет?

Когда они добрались до танцевального зала, оркестр заиграл вальс. Вскипела яркая волна элегантных и вызывающих туалетов дам, разреженных строгими костюмами их партнеров. Каменные атланты у стен зала, подпиравшие потолок, устало смотрели на веселящихся людей. Тарас протянул Тане руку, и они присоединились к неспешно кружащимся парам.

– Какие у тебя нежные руки, – проговорила Таня.

– А я вообще нежный парень, – ответил Тарас. – Или ты забыла?

Таня всхлипнула – тихонько, но он заметил.

– Ты чего?

Таня справилась с собой, улыбнулась.

– Именно это мне сейчас хотелось услышать.

Она подняла голову, чтобы заглянуть ему в глаза.

– Я все помню.

– Я тоже, – ответил Тарас.

Его интонация Тане не понравилась. Она нахмурилась, но уточнить, что именно он помнит, Таня не успела. Музыка изломанной волной сошла на нет. Вальсирующие пары остановились, превратившись из изящного урагана в бесформенную толпу.

– Самое время выпить что-нибудь, пока они аппаратуру починят, – сказал Тарас. – Ты как считаешь?

Таня кивнула. Они стали пробираться сквозь толпу.

– Извините, господа, – услышала Таня усиленный динамиками голос. Оглянувшись, она заметила около помоста с музыкантами седого мужчину в форме. Таня успела сосчитать петлицы – это был полковник внутренних войск. «Кто-то из выпускников хочет заказать песню оркестру, что ли?», недоумевая, подумала Таня. Рядом с полковником стояли двое крепких ребят с автоматами, между ними находилась какая-то девушка. Ее лицо Таня не смогла рассмотреть из-за монументальной прически женщины, мимо которой они в этот момент пробирались. Зато лицо бессменного директора гимназии, Автандила Илларионовича, Таня рассмотрела хорошо. Директор нервно вытирал свою лысину платком с гербом гимназии.

– Подожди, Тарас, – сказала Таня. – Похоже, что-то случилось.

Но Тарас не услышал ее и продолжал двигаться сквозь толпу с целеустремленностью атомного ледокола.

– Я очень сожалею, что приходится нарушить ваше веселье, – произнес полковник.

Судя по голосу, он действительно сожалел. В этот момент Таня разглядела лицо девушки, которую охраняли автоматчики, и ахнула.

– На вечеринке зарегистрирован случай наркотического опьянения, – Иринка блаженно улыбнулась. Вряд ли она понимала, где находится. – Придется произвести личное освидетельствование и досмотр. Это не займет много времени, и сразу же после этого мы покинем вас.

По толпе пронесся недовольный гул.

– Какой скандал, – сказал пожилой господин с усиками, которому Таня чуть не наступила на ногу.

– Вы не посмеете! – истерически выкрикнула его спутница.

Лицо стоявшего у колонны парнишки, наоборот, спокойствием могло соперничать с лицом высившегося над ним атланта.

– Так ли это необходимо? – заметил недавний гимназист и отхлебнул из бокала.

Тарас и Таня обогнули колонну и оказались перед прозрачными дверями. Но за ними была не стойка бара, а ограждение борта и нестерпимо синее небо. С другой стороны ограждения, принайтованные подобно шлюпкам на старинных земных кораблях, чуть покачивались в воздухе аэрокары гостей. Двери разъехались, пропуская Таню и Тараса. Однако дорогу им тут же преградила серебристая фигура робота-стюарда.

– Извините, господа, – миролюбиво прогудел он. – Но зал запрещено покидать до конца освидетельствования.

Тарас дернул Таню за руку, крутанул так, что она оказалась перед ним, крепко прижал к себе. Что-то твердое и холодное уперлось ей в висок.

– Думается мне, у меня есть пропуск, – не менее миролюбиво сказал Тарас.

Робот заколебался – в его мозгу боролись две программы. Тарас не стал ждать, как система разрешит этот маленький частный парадокс. Сверкнула беззвучная вспышка, и почерневший стюард осел на палубу. Дверца аэрокара начала открываться.

Тарас спринтерским броском преодолел расстояние до борта, таща Таню за собой. Он грубо втолкнул ее в аэрокар, Таня упала на пассажирское сиденье. На включившейся бортовой панели замигали ласковые огоньки.

– Пристегнись! – крикнул он, запрыгивая.

Сквозь прозрачный купол кабины Таня видела синеющую от мундиров палубу. Засверкали вспышки, звездчатые и красивые, как бенгальские огни.

– Они не посмеют, у тебя же заложник, – пробормотала Таня

Аэрокар ощутимо трянуло. Купол кабины на миг стал непрозрачно-черным.

– Тебя, милая, они уже списали, – похлопал ее по колену Тарас.

Он потянул руль на себя. Таня ойкнула и защелкнула пряжку в тот момент, когда летающий дворец провалился вниз. Но она успела увидеть несколько серебристых рыбок – аэрокаров, вылетевших из недр корабля, как икра вылетает из рыбы.

– Это за нами? – пробормотала она.

– Это *с нами*, – поправил ее Тарас.

Увидев Танино лицо, он рассмеялся.

– Ты думаешь, я могу обслужить такое количество народа один?

Купол стал матово-белым. Таня сообразила, что это не очередной защитный эффект, а облако, и ужаснулась тому, что Тарас ведет аэрокар практически вслепую. Заработал динамик. Говоривший использовал родной Танин язык, но она ничего поняла, поскольку ни одного слова из литературной речи он не употребил.

– Очень хорошо, – ответил Тарас. – Кассу сдашь...

Дальше Таня не разобрала. Аэрокар вынырнул из облака прямо на россыпь черно-синих жуков. Прежде чем она поняла, что это стремительно приближающиеся аэрокары милиции, небо опрокинулось. В ушах у Тани зашумело.

– Что ты делаешь, Тарас? – закричала она.

– Мертвую петлю.

Разноцветные полосы облаков крутанулись, как стеклышки в каледойскопе. Летучий дворец набросился на аэрокар, стремительно увеличиваясь в размерах. Тарас покосился на Таню, вдруг перегнулся с кресла и взасос поцеловал ее.

Еж милицейского аэрокара заслонил собой весь обзор. Таня завизжала. Тарас выругался и нажал гашетку. Перед ним вспух черно-красный шар, а в следующий миг аэрокар Тараса влетел в пламя. По кабине ударил шлем, из которого на Таню глянули безумные глаза. Таня завопила, дернулась прочь из кресла и ударилась виском о какой-то рычаг, торчавший из потолка кабины. Мир в ее глазах пошел рябью и начал блекнуть.

– Только не сейчас... – простонала Таня.

– Кибермедик – зеленая кнопка, – не отрываясь от панели управления, буркнул Тарас.

Таня растерянно провела взглядом по скопищу мигающих кнопок – изображение вернулось, но стало черно-белым. Мелькнули пики черно-стального леса небоскребов. Тарас пикировал на город, уходя к югу. Таня глянула на радар, ничего не поняла и обернулась. Задняя часть кабины тоже была прозрачной, и через нее были прекрасно видны три милицейских аэрокара, висевшие у беглецов на хвосте. Когда она снова посмотрела вперед, то увидела вывеску «С нами – сегодня и навсегда!». Эмблему компании Таня разобрать не успела – Тарас развернул аэрокар и боком вошел в узкий коридор улицы между небоскребами. Яростный отблеск умирающего в стеклянных фасадах заката резанул по глазам. Таня зажмурилась. Когда она открыла глаза, Тарас щелкнул тумблером, и аэрокар окутала серая дымка.

– Опа, опа, Америка, Европа, – бормотал Тарас, стуча по клавишам. – Азия, Китай, Таня, вылетай!

Он отстегнулся, резким движением открыл дверцу и выпрыгнул в серую мглу. Таня с трудом справилась с пряжкой и последовала за Тарасом. Дверь тут же закрылась, и аэрокар стартовал, набирая высоту. Через секунду от него ничего не осталось, кроме тихого гудения. Таня с ужасом смотрела, как ее руки и платье покрывает густой оранжевый налет. Уж лучше бы цветочный фильтр и не включался.

– Тарас! – завопила она и сделала шаг вперед.

Кто-то схватил ее за лодыжку, и Таня вскрикнула. Тут она разобрала в оранжевом мареве фигуру, по пояс торчавшую из земли.

– Люк, – сказала фигура голосом Тараса. – Спустишься сразу за мной.

Откуда-то сверху раздался все нарастающий визг моторов. Таня заколебалась.

– Но... – начала она.

– Да ты знаешь, что они с тобой сделают? Тебя ведь уже списали, я же тебе сказал, – без угрозы, а скорее с жалостью сказал Тарас. – Впрочем, как хочешь. Люк только не забудь задвинуть.

Визг приближался, превратившись в низкое басовитое гудение. Фигура Тараса исчезла. Таня присела на корточки, нащупала край люка, первую скобу и начала спускаться. Когда над поверхностью оставалась только ее голова, вой мотора стал оглушающим. В нескольких сантиметрах от ее лица, разорвав оранжевый туман, промчался черно-синий борт. Таня втянула голову в плечи и чуть не сорвалась. Но удержалась и, ломая ногти, задвинула крышку люка. Лазить в туфлях на шпильках по склизким скобам оказалось так же неудобно, как есть борщ в противогазе. Таня достигла дна колодца и по колено провалилась в чавкнущую жижу. В нос ей ударил жуткий запах. Таня увидела Тараса. В одной руке он держал тепло подмигнувший ей фонарик. В другой руке тускло блестел вороненый ствол.

– Пошли, – скомандовал Тарас.

Метров через пятьдесят Таня забыла о вони. Уровень жидкости поднялся почти до бедер, а двигались они против течения. Фонарик выхватывал из темноты белесые провода, облепленные мохнатой мочалой, черные провалы уходящих в сторону коридоров и коричневые потеки слизи на стенах. На очередной развилке из бокового коридора раздалось угрожающее ворчание. Таня попятилась. Тарас вскинул руку. На миг вся облезлая внутренность туннеля высветилась в бледной вспышке. Из коридора донесся предсмертный вой, что-то разорвалось с таким оглушительным звуком, что стало больно ушам. На Таню с Тарасом выплеснулась волна горячих ошметков. Когда Таня стерла их с лица, дрожащий круг от фонарика уже был метрах в трех впереди. Она, чуть не плача, бросилась догонять Тараса. Когда в очередном провале что-то зашевелилось, Таня остановилась и зажала уши руками.

Из туннеля выступил чешуйчатый силуэт с костяным гребнем на голове.

– Убери факел, – проскрипело существо. Ящер неодобрительно покосился на Таню, сверкнув темным, без белка, глазом. Тарас направил луч под ноги. Таня убрала руки от ушей. Ящер выдал длинный набор шелкающих и свистящих звуков. Тарас ответил ему тем же. Таня же тем временем осматривала свое парадное платье. Теперь в нем можно было только мыть подвал в гараже.

– Дело дрянь, – подвел итог беседе Тарас. – Спасибо, что предупредил.

Ящер развернулся, продемонстрировав могучий хвост, и исчез в темноте.

Тарас обошел Таню и зашлепал в том направлении, откуда они явились.

– Что случилось? – спросила Таня, следуя за ним.

Тарас свернул в тот самый коридор, из которого еще пахло паленым мясом.

– Придется выходить через Старый Парк, – бросил он через плечо.

Таня вздрогнула и остановилась.

– Но ведь сейчас уже ночь, – упавшим голосом сказала она.

– Не бойсь, – хмыкнул Тарас. – Лемуры черный тоже потребляют.

Он стал насвистывать ту самую песенку про безумное знание, которую Таня уже слышала сегодня. Когда Таня поняла, что еще два-три шага – и она рухнет в вонючую жижу обессиленная и здесь и умрет, а Тарас так и пойдет дальше, насвистывая грустный мотивчик, отчетливо потянуло свежестью. Таня приободрилась и пошла быстрее. Тарас тоже прибавил шаг. Проход начал заметно мелеть, и вскоре ее каблучки зацокали по бетону. Впереди посветлело, и Тарас выключил фонарик. Стал слышен шум деревьев под ветром. Они выбрались наружу через пролом неправильной формы. Поверхность под ногами оказалась слишком твердой для земли и была расчерчена на черно-белые квадраты, хорошо заметные даже в темноте. Таня поняла, что проход вывел их в огромный каскад, который назывался «Шахматка». Ей вспомнилось веселое журчание воды, зеленые фигуры крокодилов с алыми пастями, из которых изливались шипящие струи.

Из-за туч показалась луна. Таня увидела черные дыры отбитой плитки, кривое дерево, выросшее прямо посередине следующей ступени каскада, и печальную безголовую фигуру крокодила. Дальше, где каскад кончался огромной чашей, в которой когда-то плавали золотые рыбки, приветливо мерцали огоньки, но подходить к ним почему-то не хотелось. Над мрачными силуэтами деревьев высился скелет обзорного колеса, серебряной рамкой охватывающий луну.

Они двинулись вниз по широким ступеням каскада. Дойдя до дерева, Таня взмолилась:
– Тарас, давай передохнем...

Он остановился. Таня хотела прислониться к шершавому стволу.

– Осторожнее, – раздался в темноте глухой голос Тараса. – Некоторые деревья здесь совсем не брезгают человечинкой.

Таня села на ступеньку, подальше от жуткого дерева.

– А там, когда робот сказал тебе, – сказала она. – Если... ты смог бы?

– Если б да кабы, то во рту росли грибы, милая, – пожал плечами Тарас. – Может, пойдём? Нам немного осталось.

Он подал ей руку, и Таня со вздохом поднялась. Парочка добралась до последней ступени, но спускаться в теплое мерцание чаши Тарас не стал. Вместо этого они перелезли через высокий, но уже раскрошившийся бортик каскада, пробрались через лес и вышли к узкой железной дороге. Путь по шпалам вывел их к тому, что Таня сначала приняла за обзорное колесо. Но это оказались американские горки – Таня никогда не любила их и поэтому напрочь забыла об их существовании. Стальные петли дороги, поросшие колыхающимся под ветром вьюнком, казались телом огромного удава, раскинувшегося среди одичавшего парка. Тане вспомнилась одна из баек, которые рассказывали про Старый Парк, и женщину пробрала дрожь, несмотря на теплую летнюю ночь. Паровозик и два полуразвалившихся вагончика стояли на платформе, сразу за которой начинался головокружительный спуск.

– Переждем здесь, – сказал Тарас и открыл дверь кабины. – Прошу.

Таня замешкалась на платформе. Передние колеса паровоза зависли над обрывом. Остальные шесть колес соединяли в одно целое с рельсами кружевные наросты ржавчины. Тарас уже устроился на сиденье. Таня нагнулась, вошла в кабину и села спиной по ходу движения, чтобы не смотреть на жуткую яму. Обгрызенные края пластикового сиденья немедленно впились Тане в бедра. Она завозилась, устраиваясь, машинально провела рукой в поисках страховочного ремня. Тарас тихо засмеялся.

– Когда все кончится, я вызову тебе такси, – сказал он.

– Никто не возьмет заказ из Старого Парка, – возразила Таня.

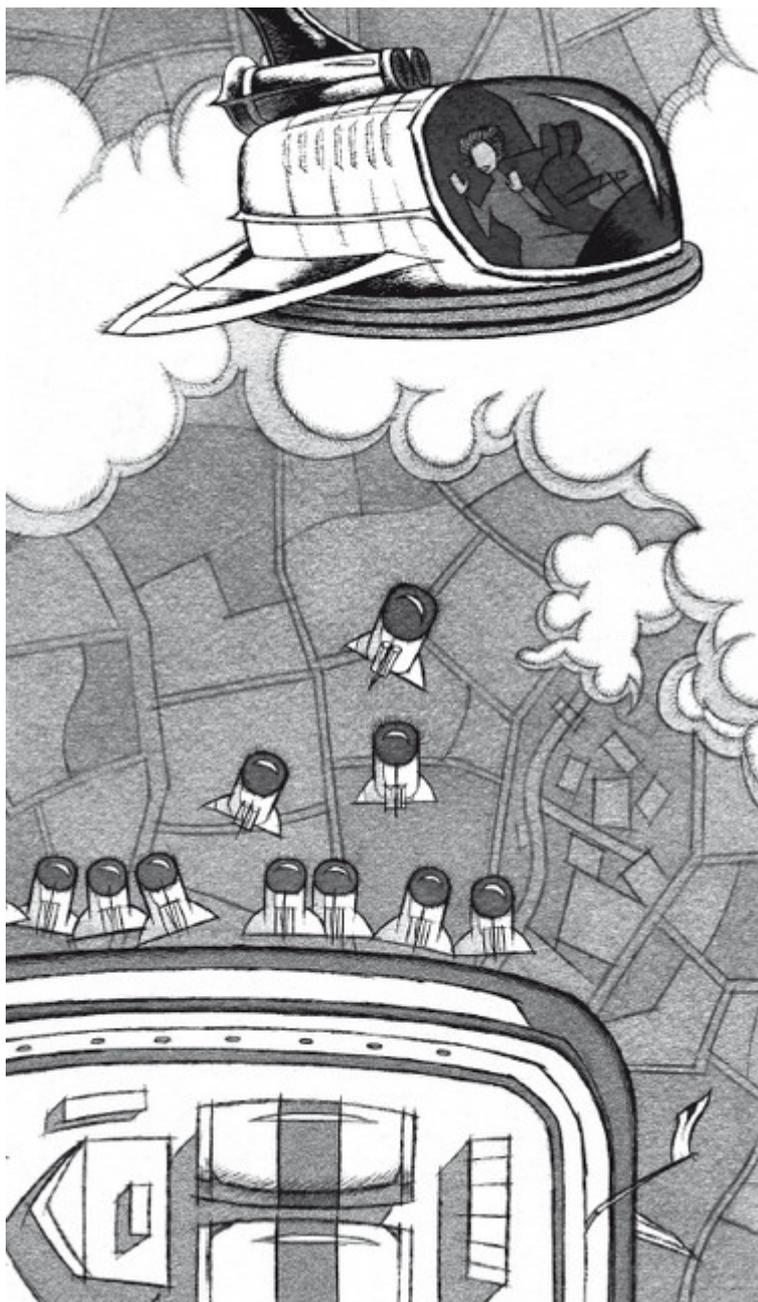
– Из Старого Парка нет, а со Взорванной Набережной одна фирмочка берет клиентов. Я тебя провожу. Вокруг Парка есть кольцевая железная дорога, и эти горки связаны с ней.

– А как ты узнаешь, что...

– Узнаю.

Листва ближайших деревьев заколыхалась. Тане показалось, что она видит гибкие тени с огромными, чуть светящимися глазами, выступившие из зарослей, и стиснула кулаки так, что пальцы впились в ладони. В висках застучало, в ушибленном правом с такой силой, что боль дробными шариками раскатилась по всей голове.

– Лемуры видят нас, но сюда они не придут, – угадав ее мысли, сказал Тарас. – Для этого у них слишком много неприятных воспоминаний с железом связано.

Таню передернуло. «Да уж», – подумала она.

– Я тебя сюда поэтому и привел.

Таня, морщась от канонады в голове, глядела на город. Старый Парк разбили на большом холме, чтобы можно было любоваться видами, которые в год его основания были, бесспорно, прекрасными. А потом стальной лес окружил лес живой, но поглотить его не смог. Огромные рекламные плакаты на фасадах переливались всеми красками, и из-за этого Тане казалось, что они находятся в пузыре на дне ведьминского котла, а вокруг бушует варево. Несколько желтых искорок, приближающихся к Парку, тонули в разноцветном безумии. Таня заметила милицейские аэрокары только тогда, когда они зависли почти у них над головами. Желтые стрелы прожекторов ударили в лес. Таня сжалась на сиденье.

– Идиоты, – усмехнулся Тарас.

Над лесом бесшумно взметнулась огромная тень, закрывая луну. Раздался душераздирающий хруст, ближайший к парочке огонек мигнул и исчез, вниз посыпались обломки.

Аэрокары стайкой светляков метнулись обратно к городу. Тень качнулась из стороны в сторону и пружиной скрутилась вниз.

Таня облизала вдруг пересохшие губы и посмотрела вперед, на снова заблестевший в лунном свете хребет американской горки. И вдруг она отчетливо увидела ярко раскрашенные вагончики, шарики в виде сердечек и зайцев, услышала детский визг и хохот...

– Куда все это делось, Тарас? – спросила Таня. – Ведь было лето, все было такое яркое, красивое, настоящее... И мама... А потом все замелькало, закрутилось, сжалось, стерлось – и ничего не осталось, кроме серых драных тряпок... Что происходит с нашим городом? Что происходит с миром вообще? И что мы здесь делаем? Мы ведь тоже уже...

Таня осеклась.

– Этот город уже давно умер и сейчас разлагается, – ответил Тарас. – Но вы не хотите разлагаться одни, вы и нас хотите своим трупным ядом заразить. А мир, он хочет выжить. Он сопротивляется.

– Я не хочу об этом слушать, – оборвала его Таня. – Перед тобой были открыты все дороги, а ты связался с этими подонками, сепаратистами... Ты ведь даже в университет не пошел, да? А наш химик тебя боготворил, помнишь?

– Прошлого нет, Таня, – сказал Тарас. – А чтобы гексоген алюминиевой стружкой бодяжить, университетские корочки не нужны. И чтобы винт варить – тоже. Я ненавижу тех, кто хочет сладко разлагаться, но тем, кто хочет жить, я помогаю. Я помогаю и тем, кто хочет умереть. Понимаешь, немногие видят, что по сути это одно и то же. Я – вижу, потому что я – настоящий. И ты – настоящая, хотя и отказываешься видеть то, о чем я говорю...

В глазах у Тани почернело.

– Больно, – застонала она, прижимая руку к виску. – Как больно!

Скрипнули подгнившие доски – Тарас сел перед ней на корточки. Таня ощутила руку, мягко отстраняющую ее собственную, – он осматривал рану.

– Ничего страшного, до свадьбы заживет, – сказал Тарас. – Но очки тебе лучше снять. Ты же в них ничего не видишь.

Таня упрямо наклонила голову.

– А с другой стороны, правильно, – заметил он. – Разъем выходит прямо в мозг, пусть туда хоть штекер присунут будет, а то еще попадет дрянь какая-нибудь...

Он стал массировать ей висок осторожными, круговыми движениями, чтобы не задеть штекер. Боль постепенно уходила, как уходит с берега прилив, смывая построенные ребятей песчаные замки. Горячие губы коснулись ее груди через разорванное платье. Таня коротко вздохнула. Тарас взял ее за подмышки и поднял.

– Не надо, – пробормотала Таня. – Я вся грязная...

– Как будто я чистый...

Края сиденья впились ей в колени. Тарас положил пистолет в карман брюк, и оружие тяжело похлопывало по Таниному бедру через ткань. Ей казалось, что паровозик чуть подастся вперед вместе с ними при каждом толчке, и сердце Тани замирало.

А потом она забыла и о неудобном сиденье, и о пистолете, и о том, что паровоз стоит на самом краю спуска.

Зрение вернулось к Тане, когда Тарас опустил ее на нее, дрожа. Серебряно-черная колея все так же лежала перед ними. Он поцеловал Таню и очень медленно вышел. В этот момент раздался отвратительный скрежет. Паровоз наклонился, завис над спуском. Таня вскрикнула и вцепилась в сиденье, еще надеясь, что состав удержат приваренные временем к колеям вагончики.

Но напрасно.

С душераздирающим скрипом паровоз нырнул вниз. В зарослях завопили потревоженные педероллы-мутанты, приняв звук за боевую песнь неведомого противника. Тарас

ухватился за стальной край, прижал Таню к сиденью своим телом, чтобы ее не выбросило из паровозика. Грохоча колесами, паровозик промчал любовников через яму и на разгоне достиг половины следующей петли, а затем скатился обратно. Сделав по дуге несколько качков туда-обратно со все затихающей амплитудой, паровозик остановился в самой глубокой части спуска.

В лесу хрустели стволы и так скрежетали гусеницы, словно там разворачивался танковый взвод. Но это всего лишь улепетывали насмерть перепуганные педероллы.

III

Вася заглянул в кладовку. На полочке между полуразобранном сервоприводом и стопкой карточек памяти светилось белым монитором системы видеонаблюдения. Лучший программист банка «Иллюзивгейст» ждал сегодня только одного гостя.

Ждал с самого начала комендантского часа и уже начал немного нервничать. Но Вася еще держал себя в руках настолько, чтобы не броситься открывать при первом же сигнале звонка, а все-таки убедиться, что пожаловал именно тот, кто ему нужен.

– Здорово, Коннор, – сказал Тарас, когда дверь открылась.

– Милости просим в нашу конуру! Какие люди без охраны! – воскликнул Вася.

– Не шути так, – ответил Тарас, входя.

Хозяин заблокировал дверь и осведомился:

– Что так поздно?

– Облава. Еле ушел.

Впрочем, это и так уже было ясно. От Тараса шла волна такого запаха, будто перед Васей стоял трехдневный покойник. Костюм гостя до пояса был заляпан дерьмом, выше пояса его усеивали густые пятна то ли крови, то ржавчины, а из коротко стриженных волос торчала какая-то труха.

Вася нахмурился.

– Ты за собой никого не притащил?

– За кого ты меня принимаешь? – холодно спросил Тарас.

– Не заводись, ладно...

– У тебя вода есть? – Коннор кивнул. – Можно, я помоюсь?

– Можно. Потом по пивку дерябнем... Но зачем тебе мыться? Ты ведь можешь...

– Могу, но не хочу, – отрезал Тарас.

Вася посторонился, махнул рукой в сторону ванной. Тарас на ходу содрал с себя одежду, вытащил из карманов ключи, какие-то мелочи, пистолет – по характерной форме рукоятки Вася узнал лазерную «гидру» – и метнул грязный ком в утилизатор. Тот радостно заурчал.

– Какое-нибудь бельишко на смену собери мне, будь другом, – не оборачиваясь, сказал Тарас.

Вася смотрел, как он идет, обнаженный. «Гидра» в опущенной руке Тараса чуть качалась в такт шагам. У самой двери гость неожиданно обернулся и так подмигнул Коннору, что у Васи ослабели колени. Тарас затем скрылся за дверью, зашумела пущенная вода. Программист направился в комнату, искать среди своей одежды такую, которая подошла бы Тарасу. Вопрос с верхней частью костюма решился легко – когда Васе, как и всем сотрудникам банка, выдавали фирменные футболки с логотипом компании, кастелянша очень сильно ошиблась с размером. С брюками возникла загвоздка, но в итоге Коннор нашел совершенно безразмерные шаровары, оставшиеся с какого-то карнавала. У двери ванной Вася несколько секунд мялся в нерешительности. Тарас, не подозревая о душевных терзаниях Коннора, во

все горло распевал в душе. Слов было не разобрать, но мелодия звучала очень меланхолично. Вася послушал и решил, что заходить все-таки не стоит.

– Одежда тут, на полочке! – крикнул он через дверь.

– Спасибо! – ответил Тарас.

Когда гость, вытирая голову полотенцем, появился в кухне, хозяин уже извлек из холодильника запотевшие бутылки и бутерброды с салатом. Вася глянул на Тараса и хмыкнул. Раньше Коннор как-то не обращал внимания, что логотип банка «Иллюзивгейст» – неблагондежных жовто-блакитных цветов. Одолженные шаровары дополняли облик карикатурного сепаратиста.

– Ты че лыбишься? – хмуро спросил Тарас.

– Бандера в городе, – гримасничая, ответил Коннор. – Поток и разграбление!

– У меня другая фамилия, – сдержанно сказал гость, но было видно, что он польщен.

Хозяин открыл пиво и протянул бутылку Тарасу.

– Что стоишь, как неродной? Присаживайся.

Коннор подождал, пока гость устроится за столом, и опустил на стул напротив. Тарас ловко расправился с бутербродами и основательно приложился к бутылке. Вася тоже из вежливости отхлебнул. Внимание гостя привлек огромный шкаф из толстого оргстекла, заполненный прозрачной жидкостью и разноцветными кристаллами разнообразных форм.

– Это что за аквариум? – осведомился Тарас.

– Кристаллохранилище.

– И в этом рассаднике для бледных спирохет я провел три года? – с отвращением спросил гость.

– Тебе бы стихи писать, – коротко хохотнул Вася.

– У меня от них уже башка болит, – сказал Тарас мрачно. – А один прицепился – так сразу с музыкой...

– Твоя ментограмма хранилась не здесь, – сказал Вася. – Это китайская дешевка, при прочтении дает много сбоев. А насчет стихов и музыки – единственный способ избавиться от них – это как раз записать.

– Я нот не знаю, – возразил Тарас.

– Кнопку видишь? Да не здесь, отодвинь тарелку.

Тарас нашел круглую черную кнопку и нажал ее. На столе перед ним матово засветился прямоугольник сантиметров пятнадцать в диагонали.

– Световое перо в ящике, – сказал Вася. – А насчет нот – мне почему-то кажется, что ты их знаешь...

Тарас нашарил в ящике перо и позабыл про пиво. Программисту пива тоже не хотелось. Хотелось совсем другого, и гость заметил это. Свободной рукой он извлек из кармана шаровар крохотный сверток. В свертке тихо звякнуло.

– Продолжим культурную программу, – сказал Тарас.

Коннор протянул руку.

– Не так быстро, – буркнул гость.

Вася положил руку на стол. Пальцы у него дрожали.

– Тарас, я отдам... отработаю... – жалким голосом пробормотал программист. – Ты же меня знаешь...

– Знаю, – кивнул Тарас.

Он оторвался от своей писанины и в упор посмотрел на Васю. Коннор в который раз подумал, что больше ни у кого не видел таких темно-карих, почти черных глаз, в которых почти невозможно было различить зрачок. Из-за этого постоянно казалось, что Тарас только что наширяться под завязку. Но впечатление было ложным – сам торговец счастьем никогда не употреблял того, что с охотой продавал другим.

– Ответь мне на один вопрос, и я спишу тебе прошлый долг, – сказал гость. – А эту дозу получишь на бонус.

На лице Васи, бледном, угристом лице человека, который редко выходит на солнце, выступил пот.

– Я не могу разглашать секреты, которые стали мне известны в ходе профессиональной деятельности, – нетвердо сказал программист.

Тарас от души рассмеялся.

– Ну-ну, – сказал он, положил перо и отхлебнул пива. – Вопросик будет не об этом. Вы здесь очень хорошо живете.

Вася хмыкнул и хотел возразить, но Тарас пресек его поползновения в корне.

– Ты знаешь, что такое удобства во дворе? – осведомился гость. – А готовить на при-мусе похлебку из собачатины и радоваться столь сытному обеду умеешь? Ты называешь свою хату конурой – а ты видел детей, живущих в собачьих будках около сожженных феде-ралами домов и по примеру воспитавшей их суки отрывающих куски тухлого мяса с трупов повешенных родителей?

Коннор сморщился.

– Тарас, перестань, меня сейчас вырвет... ну что ты завелся...

– Я не завелся, – спокойно ответил Тарас. – Я провожу маркетинговое исследование.

– Да, ваши станицы пылают уже четыре года, – сказал программист. – Но я ни одной дровины в этот костер не подбросил, ты же знаешь.

– А из тебя тоже неплохой поэт получился бы, – едко сказал гость.

Вася отмахнулся.

– Я и в армию не пошел, чтобы не участвовать в плясках вокруг этого огня, – закончил он.

– Да? А я думал, потому, что ты пидорас, – невинно заметил Тарас.

Коннор перехватил бутылку за горлышко и замахнулся. Программист увидел, как сте-клянное доньшко коснулось головы гостя. В этот миг центр груди Васи вспыхнул нестер-пимой болью, а самого программиста снесло со стула. Коннор с маху приложился спиной о шкаф. Самочувствия Васе это отнюдь не улучшило. Бутылка, которую Коннор все еще сжи-мал в руке, встретилась с боком кристаллохранилища и разлетелась стеклянным дождем. Когда программист обдало горькой пеной, он уже понял, что произошло. Тарас врезал Кон-нору под дых, когда тот раскрылся. Вася сполз на пол, свернулся в позе эмбриона и сосре-доточился на том, чтобы протолкнуть в горящую огнем грудь хоть несколько глоточков воз-духа. Программист услышал приближающееся похрюкивание киберуборщика. Рецепторы робота уловили звон стекла и тяжелый удар об пол, и теперь киберуборщик спешил выпол-нить свою миссию.

– Извини, – услышал Коннор, но сначала даже не понял, что это произнес Тарас, – таких мягких, почти нежных интонаций Вася в его голосе никогда раньше не слышал. – Ты мне так помог... Я просто хотел узнать, что ты за это хочешь. Мы могли бы...

От изумления Вася даже перестал ощущать боль. Тарас не мог не то что сказать, а даже подумать ничего подобного. Коннор открыл глаза. Гость смотрел на распростертого на полу программиста, явно ожидая ответа. И тут Вася понял, *кто* с ним разговаривает. Коннор непроизвольно облизнулся, но вместо горечи пива ощутил солоноватое тепло крови. Несколько осколков закончили свой полет на Васиных щеках, и теперь кровь стекала по лицу. Черный стальной паучок уже водил хоботом по полу вокруг хозяина, убирая осколки и разлившееся пиво.

– Извини, Ко... Тарас, – сказал Коннор. Робот, покончив с влажной уборкой, деловито провел мохнатыми лапками по щекам хозяина. – Но ты не в моем вкусе. Мне от тебя ничего не нужно, кроме черного.

Тарас облокотился на стол и закрыл лицо руками. Киберуборщик продезинфицировал порезы, и три точки – на левой скуле, щеке и на подбородке Васи – отозвались жжением. Робот залепил порезы пластырем. На передней консоли уборщика замигали зеленые огоньки. Коннор погладил стального паучка.

– Молодец, – сказал Вася. – Возьми с полки пирожок.

Робот обиженно хрюкнул – пирожков он не ел, да и не было их на полочке, – и укатил обратно в комнату. Программист поднялся и проковылял к столу. Голова кружилась, в глазах плавали черные точки.

– А я и не знал, что Костик гей, – сказал Коннор и отхлебнул из бутылки.

– Бисексуал.

– Ну да. Тарас, да ладно тебе... Я же все понимаю.

– Мне вот интересно, что будет со мной, когда я наткнусь на кого-нибудь... менее понимающего, – глухо сказал гость.

«Да ничего особенного», – весело подумал Вася, но деликатно промолчал.

– Что вообще со мной будет? – спросил Тарас. – Я окончательно стану им?

– Никто вплотную не занимался этим вопросом, – ответил программист. – А пик отключений сдвоенных синтур приходится на вторую неделю их существования, я специально посмотрел. Но мы же не спрашиваем клиентов, почему они требуют отключения. Может, за две недели им такая модификация ебарей надоедает. А может, две личности в одном мозгу за это время рвут общее ментальное пространство на клочки. Пойми, дружище, это ведь шизофрения в чистом виде. Разница только в том, что обе твои личности в равной степени реальны. И ты помнишь, что говорит и делает *другой*. И он тоже помнит твои действия. И иногда перехватывает управление на себя. Вам нужно как-то договориться, если вы – вы оба – хотите выжить. Другого пути нет.

Тарас молчал. Коннор покосился на лежащий между его руками сверток и произнес:

– Ты закончил свое маркетинговое исследование?

Гость молча придвинул пакет к Васе и отвернулся. Когда он снова посмотрел на Коннора, программист почти прикончил свою бутылку пива. Нетронутый сверток лежал на столе.

– Я хотел узнать, – устало сказал Тарас, – чего вам не хватает?

Он кивнул в сторону кристаллохранилища.

– Почему каждый из вас хочет примерить на себя личину Аристотеля, Гитлера, Воронцова, трехчленного марсианина?

– Не каждый, – возразил Коннор.

– Да, не каждый, – кивнул Тарас. – Так почему же ты выбираешь старый добрый черный? Ведь ты мог поиграть с этими масками на халяву. И от них ломок не бывает.

– Бывает, еще как, – угрюмо сказал программист. – Когда все тело воеет – это одно, а когда крышу сносит и перестаешь понимать, Вася ты или Навуходносор... Я не хочу хавать это дерьмо, не хочу прокручивать в подкорке косо слепленные тизеры. Пусть это будет бред – но это мой бред, а не криво хакнутая программа с «Белл Системз».

– Тизеры? – переспросил Тарас.

– А, ты ведь и не знаешь, – сообразил Коннор. – За то время, что ты провел вне игры, появилась новая идея – полной деташизации, или гомикрии. И теперь почти любой сеанс эктогенезиса – это тизер. «Стань Наполеоном всего за 200 тысяч евро», «Почувствуй себя Калигулой – только в этом месяце за 99 999 евро» и тому подобное – в конце каждого сеанса. Людей тошнит от этой жизни. Каждому худосочному подростку хочется установить новый порядок, стать властелином мира, подорвать проклятую систему и замочить при этом пару-тройку оборзевших гомиков.

Вася открыл себе новую бутылку пива, основательно присосался к ней и мрачно продолжал:

– А потеть в спортзале, качать мышцу, получить струю газа в нос от ментов и вкалывать на лунных рудниках, пока кровь из задницы не пойдет, никто не хочет. А так – все наверняка. Двести штук – и ты Калигула, пожизненно, с гарантией, причем с полной уверенностью в своей аутентичности. Так, приснится иногда смутный кошмар про заблеванную подворотню, нож, со звоном упавший на асфальт... Император проснется, разомнет затекшую до боли руку и забудет странный сон, от которого тряслись поджилки.

– Двести тысяч – это не такая уж крупная сумма, – заметил Тарас. – Но мне моя жизнь нравится. Всегда нравилась.

– Верю, – усмехнулся Вася.

Гость вопросительно приподнял бровь.

– В архивах «Иллюзивгейста» хранятся тысячи ментограмм, – сказал Коннор. – Тысячи душ, погруженных в электронный сон. И только ты один смог проснуться и спросить у программиста, у кого он теперь берет черный.

Тарас пожал плечами.

– Мне правда было интересно. Не буду больше вам мешать, – добавил он и встал из-за стола.

– Кому это нам? – переспросил Вася.

– Тебе и черному, – ответил гость. – Где мне лечь?

– Располагайся в комнате, – сказал Вася. – Я тут останусь.

– Спокойной ночи желать не буду, – усмехнулся Тарас и двинулся из кухни.

Когда он уже был в коридоре, Коннор окликнул гостя.

– А про что песня-то, Леша?

– Да про любовь, – морщась, ответил тот.

– Может, ты мне споешь? Этот аквариум можно настроить как эквалайзер. До концертного синтезатора этой поделке наших косоглазых друзей далеко, конечно, так ведь и я не Бетховен какой-нибудь, чтобы на качество исполнения через губу цыкать...

Тарас до крови прикусил губу. Он подумал о робостюарде на летучем дворце, который пытался преградить путь к аэрокару. Робот не сломался бы от короткого зависания системы, вызванного столкновением программ.

Но этим коротким моментом воспользовались другие, чтобы сломать его.

Тарас вздохнул и вернулся в кухню.

IV

Кто-то из домашних, уходя утром, открыл окно в кухне, поскольку день обещал быть жарким. Таня провела пальцами по чугунным завитушкам решетки и улыбнулась. Сегодня даже вульгарные петли и листочки казались ей прекрасными.

С минуты на минуту должен был придти Тарас.

Прощаясь с ней около такси, Тарас пообещал позвонить денька через три. Таня же думала, что звонок раздастся завтра, но почему-то у нее это не получилось. Сначала она хотела пожаловаться куратору проекта, но потом передумала. Пусть все идет, как идет.

Так даже интереснее.

Да и висок у Тани еще очень сильно болел.

Тарас позвонил на третий день, сообщил, что у него куча дел и они могут встретиться только в пятницу. Он разговаривал с ней так нежно, что Таня даже не рассердилась на неожиданное своеволие и согласилась. Да и пятница оказалась единственным свободным днем – экзамен у девятиклассников перенесли на субботу.

Таня отошла от окна, села за стол и взяла в руки очки. «И почему их так называли», – рассеянно подумала она. Аппарат больше походил на старинное пенсне. Сходство с очками ему придавали только короткие дужки, которые заканчивались острыми, блестящими штекерами. «Разве что из-за темных стекол», – размышляла Таня. Несмотря на темные стекла, предназначением устройства было вовсе не защищать глаза от солнца, а совсем даже наоборот – включать внутреннее солнце души. Подумав так, Таня нацепила очки на нос и приладила штекеры к разъемам на висках. Пора было решать, в каком образе перед Тарасом появится его солнышко. «Пусть он увидит девочку-нимфетку», – подумала Таня и хихикнула.

В дальней комнате засигналил ноутбук – пришла утренняя почта. Электронная домохозяйка, скрипя колесиками от усердия, принесла ноутбук. Полученное письмо повергло Таню в глубокую задумчивость. Только она успела дочитать его до конца, как раздался звонок в дверь. Таня выключила компьютер, велела роботу отнести его на место и пошла встречать гостя.

– Че ты с собой сотворила? – сухо спросил Тарас вместо приветствия, пока Таня с наслаждением нюхала цветы, который он ей принес.

Очаровательная девочка в прозрачной маечке капризно надула губки:

– Тебе не нравится?

– Конечно, нет. Я не педофил. Я люблю, чтобы берешь в руки – маешь вещь.

Несколько сбита с толку Таня приняла вид максимально близкий к тому, который был у нее во время вечеринки на летучем дворце. Роскошное бальное платье пришлось заменить на шелковый топик и короткую юбочку – сегодня Таня заказала сеанс эктогенезиса только на 30 % тарифа.

– Вот это совсем другое дело, – сказал Тарас и обнял ее. – Давай кофе попьем, ты его так чудесно варишь.

Они прошли в кухню. Таня достала вазу, налила в нее воды из-под крана, бросила тонизирующую таблетку и поставила цветы в воду. Вазу она пристроила на столе и только тогда занялась приготовлением кофе.

– Как у тебя дела? – спросила Таня, засыпая кофе в агрегат.

– Да так... с переменным успехом, – ответил Тарас.

Таня прислонилась к кухонному серванту и несколько мгновений смотрела на любовника. Тот рассеянно поправлял цветы в вазе.

– Тарас, я должна тебе кое-что сказать, – произнесла она.

Тарас оставил цветы и поднял глаза на Таню.

– Я слушаю.

– Ты – десимулянт, – сказала Таня.

– Кто?

– Объект, притворяющийся, будто он есть, хотя на самом деле его нет. Фантом.

– Как это я могу притвориться, что я есть, если меня нет? – логично возразил Тарас. – Некому будет притворяться тогда.

– Три года назад, во время облавы, – медленно произнесла Таня, – ты получил тринадцать ран, пять из них – несовместимые с жизнью. Милиционеры очень сильно боялись тебя. Но ты умер не сразу – твоя животная воля к жизни известна. Именно она позволила снять с тебя ментограмму перед смертью. Ты – не первая копия Тараса. Другую твою копию допрашивали посмертно, но ты им ничем не помог, отказался давать показания, и тебя отключили.

По лицу Тараса было совершенно невозможно оценить, какой эффект произвели на него эти слова. Он смотрел на Таню по-прежнему внимательно и спокойно.

– Но информация сохранилась и была передана в «Иллюзивгейст», банк фантомов, – рассказывала дальше Таня. – Мне всегда хотелось иметь любовника, но блядовать мне не

хотелось, это было бы нечестно по отношению к Дане. А на синтетического мне не хватало денег. Мне помог Вася – помнишь такого ботаника? Он объяснил тебе, как сделать «большой бум» в учительской, а ты после этого в него просто влюбился, защищал его везде? Вася теперь работает в «Иллюзивгейсте» программистом. Они как раз получили крупный заказ от Института общей психиатрии, надо было проверить некоторые психологические теории. Ведь не на живых людях их проверять, правда?

Тарас на миг прикрыл глаза веками. Зафырчала кофеварка – напиток был готов.

– Продолжай, – ровным голосом сказал Тарас.

– Вася предложил мне скидку на тебя, очень хорошую скидку, если я соглашусь поучаствовать в эксперименте. Тебя снова оживили. Правда, ты – это не совсем ты. Личностей, столь социально опасных, не активируют. Я попросила объединить в тебе черты обоих мужчин, которых когда-то страстно любила. А социальная опасность Костика имеет отрицательную величину, и они решили, что одно уравновесит другое, что на таких условиях можно рискнуть.

– Я не верю, – пробормотал Тарас. – Я же помню, как провел эти три года! Я...

– Главным условием эксперимента было то, что ты узнаешь о своей смерти и о причинах воскрешения, – спокойно сказала Таня. – Сейчас я назову кодовое слово, и ты вспомнишь, как ты умер.

И она произнесла его – три коротких слога, ужасных с семантической точки зрения.

Тарас испытующе посмотрел на нее. Ничего не происходило. Он улыбнулся и сказал:

– Вот видишь...

Договорить Тарас не смог – лицо его исказилось, он захрипел и рухнул на пол.

Таня смотрела на бьющееся в судорогах тело, брезгливо поджимая губки.

Голова Тараса лежала у Тани на коленях.

– Но зачем ты это сделала? Почему я? Ты же сама меня бросила!

Она провела рукой по его волосам и мечтательно улыбнулась.

– Я хотела иметь идеал.

Тарас закашлялся, поднялся на ноги и смачно сплюнул в раковину. Таня тоже встала, выдвинула ящик стола. Беретта последней модификации, стрелявшая энергетическими сгустками, рекламировалась как идеальное оружие для самозащиты, и Таня почувствовала, что ей сейчас представится шанс проверить это. Таня незаметно переложила пистолет в карман юбки.

– Ну и как, ты довольна? – очень ровным голосом спросил Тарас.

– До дрожи в мозжечке.

Он повернулся к ней. Увидев его лицо, Таня засмеялась.

– Сделай лицо попроще – такое мне неинтересно, – ласково сказала она. – Пойми, любимый, ты находишься в полной моей власти, и тебе не остается ничего, кроме как быть самым лучшим любовником. Если только я захочу... или ты мне надоешь... я отключу тебя.

Тарас хотел что-то сказать, но сдержался.

– Будь ты *только* Тарасом, ты бы сейчас убил меня, – понимающе проговорила Таня. – Но ты ведь еще и Костик. Ах, мой милый, нежный Костик...

Он шагнул к ней. Таня проворно вытащила беретту и направила на Тараса. Тот застыл.

– Имей в виду, – нервно сказала Таня. – Пока ты существовал в виде замкнутой электрической цепи, к Конституции приняли восьмую поправку. Согласно ей, иллюзорное убийство, убийство псевдизионного или ревизионного фантома убийством не считается. Как сказал классик одному Тарасу, «я тебя породил, я тебя и убью...». Хотя о чем это я, ты ведь всю литературу мимо прохо...

Тарас ударил ее ногой по руке. Пистолет отлетел в сторону, ударился о сервант и упал на пол. Таня охнула, затрясла скрюченной кистью. Тарас в два коротких шага оказался

рядом с женщиной. Таня толкнула его в грудь второй рукой, но никакого эффекта это не произвело. Тарас схватил отбивающуюся женщину и понес к окну. Таня, вывернувшись, укусила Тараса в плечо, но он словно не почувствовал. Подняв ее, Тарас повесил Таню на решетку, как Карабас Барабас – Буратино. Материя, натянувшись, вывернула руки Тани вверх. Таня оценила все превосходство реальных материалов над виртуальными. Шелк не выдержал бы веса ее тела, и Таня была бы свободна через секунду. Но в реальности на ней была плотная хлопковая футболка, которая держала Таню пришпиленной к решетке, как бабочку. Тарас раздвинул ей ноги. Таня пискнула и попыталась сжать колени, но у нее ничего не вышло. Придерживая ее ноги одной рукой и бедром, Тарас запустил руку под юбку и сдвинул стринги в сторону. Таня, изловчившись, сорвала с себя очки.

И в этот момент Тарас вошел в нее, грубо и резко.

Выражение торжества на лице Тани сменилось тупым ужасом.

– Твое лицо мне неинтересно, – сказал Тарас и накинул футболку ей на голову. Взяв ее руки за запястья, он задрал их вверх и прижал к решетке, навалившись на Таню всем телом.

– Так, говоришь, я полностью в твоей власти? – спросил он. При каждом слове она больно ударялась копчиком о завитушку решетки. – И если я не буду вести себя как пай-мальчик, ты меня отключишь?

На его последнем слове Таня не ощутила спиной острого шипа, но обрадоваться не успела. Раздался хруст, и решетка, не рассчитанная на такие нагрузки, вывалилась из проема. Таня крикнула, попыталась схватить Тараса за плечи, но он отбросил ее руки и подался назад. Таню перегнуло пополам и приложило спиной об шершавую стену так, что потемнело в глазах. Он не дал ей обхватить себя ногами. Таня уцепилась за края проема судорожно напряженными икрами широко разведенных ног.

– Так отключи! Отключи-отключи-отключи!

Решетка вместе с футболкой сорвались вниз. Таня проворно уцепилась руками за внешний край подоконника и попыталась сесть, но Тарас с каждым толчком выталкивал ее наружу.

– Отключи меня! Отключи! ОТКЛЮЧИИИИ...

Обессиленный Тарас опустился на нее. Таня тут же схватилась за его плечи и обвила ногами.

– Ты не десимулянт, – прошептала она. – Ты – интерферент!

– Я – фантом, – ответил Тарас и поцеловал ее в грудь. – Да и тебе пора узнать, что такое фантомные боли...

Он вобрал в рот ее сосок – очень нежно – и чуть прикусил его.

И резко выпрямился.

V

Иванов деликатно кашлянул и спросил:

– А что было потом?

– Он ушел, – ответила Татьяна.

К этому моменту она уже приняла облик, как догадался психотерапевт, почти реальный – измученной женщины лет тридцати.

– Хорошо, что хоть очки не разбились...

– Это моя недоработка, – сказал Григорий мягко. – Я недооценил мощь вашего мортидо, толкнувшего вас на... крайний шаг. Теперь разрушение приняло конкретный образ – образ вашего старого знакомого, надо признать, более чем подходящий для этой цели. Тарасенко мертв уже три года. А копирование личностей и уж тем более смешение их в новых телах запрещено законом.

– Я так думала, что вы мне не поверите, – сказала Татьяна. – Поэтому и не пошла к электронному психиатру – он бы мне уже вкатил пару-тройку кубиков чего-нибудь успокоительного. Прочтите вот это.

Белогурова достала из сумочки сложенную вчетверо свежую газету, развернула ее и положила на стол перед психотерапевтом. Первую полосу венчал огромный заголовок: **«Нападение на банк «Иллюзивгейст»**. Под заголовком была фотография почерневших руин, в которых даже архитектор – автор проекта здания банка – не узнал бы свое детище, если бы не криво торчавшая посередине пепелища обугленная стальная эмблема корпорации.

Ошарашенный Иванов пробежал глазами по строчкам.

«...тело одного из лучших программистов компании Василия Коннора так и не нашли...».

«...целью атаки являлись архивы личностей. К счастью, террористам ничего не удалось похитить, но многие файлы были уничтожены...».

Внизу колонки шел список «ментально погибших», где между Семеновым Б. Г. и Тимоным Е. В. психотерапевт без всякого удивления обнаружил Тарасенко А. Н.

– Это совпадение, – пробормотал Иванов. – Чудовищное совпадение. Вы просто очень взвинчены.

Татьяна покачала головой.

– Знаете, что сказал Тарас, когда очнулся после воспоминания о своей смерти? – спросила она. – «Один раз такое вспомнить можно. Даже познавательно». Вы понимаете? Тарас больше не хочет умирать, то есть не хочет оживать. Он не боится умереть – он боится, что умрет не навсегда.

– Человек может убить интерферента, – возразил Григорий, но не очень уверенно. – А интерферент человека – нет.

– Он такой же человек, как и мы с вами, – ответила Белогурова и продолжала, все повышая голос: – Они там в «Иллюзивгейсте» пересадили ему мозг или записали его личность на чистую болванку, я в этих технологиях не разбираюсь. Говорю же вам – он... я его видела даже без очков! И ощущала, причем гораздо лучше, чем мне того хотелось бы! Получается, что я на самом деле изменила мужу!

– Вы изменили мужу, когда первый раз подумали о синтетическом любовнике, – буркнул Иванов.

– Вы не понимаете! Мы не предохранялись!

– В средние века было очень распространено такое явление, как стигматизм, – терпеливо сказал психотерапевт. – Но не известно ни одного случая, чтобы от этого родился ребенок. Стигматы – это...

– А стигматы могли забрать с собой мою беретту? – перебила его клиентка. – После ухода Тараса она исчезла!

– Пистолет просто куда-нибудь завалился, – сказал Иванов. – Но сами подумайте – разве такой матерый бандит, каким был Тарасенко, не смог бы раздобыть себе оружие другим образом? К чему ему ваша дамская пукалка?

От двери донеслась мелодичная трель. Психотерапевт посмотрел на часы.

– Это кто-то ошибся, – сказал Григорий извиняющимся тоном. – Мой следующий клиент записан только через полчаса...

Лицо Белогуровой потемнело от ужаса.

– Не открывайте! – срывающимся голосом сказала Татьяна. – Это он! Тарас!

– Татьяна Дмитриевна, – с нажимом сказал психотерапевт. – Успокаивающие препараты у меня тоже есть... Войдите!

Дверь открылась, и вошли двое незнакомых Иванову мужчин. У одного из них в руке был маленький пистолетик – если бы Григорий лучше разбирался в оружии, он узнал бы беретту.

Это было последним, что психотерапевт увидел в своей жизни.

Голова Григория рассыпалась пеплом. Тело пару раз дернуло ногами и сползло с кресла.

– Вася..?! – воскликнула Таня.

Коннор развязно отсалютовал бывшей однокласснице. В этот момент Таня поняла, что программист конкретнее под кайфом. Тарас наклонился и поцеловал ее, задев плечо еще горячим стволом. Таня вздрогнула.

– Здравствуй, любимая... Периодику читаем? И что пишут?

Вася небрежно бросил поверх газеты стопку фотографий. Снимки разлетелись веером, и стали видны запечатленные на них два обнаженных тела в очень интересных позах. Таня с ужасом и удивлением узнала в женщине себя. Мужчиной оказался Иванов.

– Побеседуем, пока Вася твои письма загрузит, – сказал ее настоящий любовник и присел на стол рядом с Таней. – Твои письма к Костику пришлось чуток подправить, там было слишком много розовых соплей...

Вася вытащил из нагрудного кармана кристалл, подсоединил его к компьютеру мертвого психотерапевта и откатил кресло с трупом.

– Ну что еще мне надо было сделать, чтобы ты поверила, что я реален? – почти с обидой спросил Тарас.

– Я поверила, – прошептала Таня.

Вася выдвинул верхний ящик стола, собрал фотографии и засунул их туда.

– Нет, – сказал Тарас с сожалением. – Если бы ты *поверила*, ты пошла бы не сюда, а прямым ходом в милицию... Ты немного ошиблась во мне, Танюша. Кое-что из классиков я все же читал. Это Тарас убивал тех, кого порождает, а не наоборот. Тем более, убийство ревизионного фантома убийством не считается, как ты верно заметила.

– Ревизионного фантома? – как во сне, повторила Таня.

И тут она поняла.

– По условиям эксперимента, – явно передразнивая ее, сказал Тарас, – объект должен узнать о своей смерти... Кодовое слово произносить не буду, я не такой садист, как ты...

Таня сглотнула и потеряла висок.

– Так мне помочь тебе или ты сама? – мягко спросил Тарас. – У тебя очень хорошо получалось...

Он навел оружие на Таню и нажал небольшую кнопку на рукоятке. Мигнул красным индикатор на дуле. Теперь, в чьих бы руках ни находилась берета, оружие сработало бы только на одну цель. На Таню. Тарас натянул рукав свитера на кисть и, держа беретту через ткань, тщательно протер ее другим рукавом. Затем вложил беретту Тане в руку.

– Вася обязательно сделает мне еще одну копию тебя, – сказал Тарас. – Сделаешь, Вася?

– Говно вопрос, – откликнулся программист, не отрываясь от клавиатуры.

– Я всегда любил тебя, хоть ты и не идеальна... Вася не менял тебя и твой характер, а только подсадил небольшое, но очень сильное желание.

– Завести себе любовника-десимулянта, – пробормотала Таня. – Причем именно тебя!

– Да... Но в следующий раз я все же придам тебе некоторые черты Иришки, – продолжал Тарас. – Чтобы было легче управлять тобой.

– Ты ведь отнимаешь у меня не жизнь, – сказала Таня тихо. – А смерть.

– Да, – сказал Тарас. – У меня были хорошие учителя по этому предмету.

– Но, Тарас...

– Меня, вообще-то, Лешей зовут, – сказала он. – Я уже не Тарас, хотя я, конечно, и не Костик. Как ты тогда сказала? Я – интерферент.

Таня посмотрела в эти черные, как южная ночь, глаза, приставила дуло к виску и нажала курок.

Олег Чувакин В начале было слово (Рассказ)

Стоял июльский полдень. Старик и его старуха сидели в доме за разохшимся деревянным столом и перекидывались в «дурачка». Карты были засаленные, с обтрепавшимися и обломавшимися краями. Худой, поджарый и жилистый старик с азартом хлопал ими об стол, а плотная, широкоплечая старуха лениво роняла карту, сбрасывая её с ладони большим пальцем. Её карта иногда падала рядом с картой старика, и тот надвигал её на свою, словно находил в том какой-то порядок.

Шлёпанье карт о столешницу и кряхтенье старика и старухи были единственными звуками, наполнявшими дом. Не звенел комар, не гудела муха. Не зудели за окнами слепни, не кричали воробьи, не ахала на старой ели кукушка. Стояла странная тишина. Тишина внутри, тишина снаружи. Тишина мёртвая, неподвижная. Тишина оглушающая.

– Шестёрку – козырным королём! Ну ты, мать, даёшь! – Старик отодвинул битые карты.

– Не хочу я, Иван, играть. Надоело всё. – Старуха смешала свои карты и уронила голову на руки.

Но старик знал, что она не плачет.

– Эй, Марья! – Он тронул старуху за плечо. – Незачем горевать. Дети целы, обе коровы при нас, скоро три станет, бык у Игната – способный... Куры, петухи, цыплята, свиньи. – Иван загнул пальцы. – Ишь сколько... Огурцы, помидоры, картошка, моркошка. Карпы в озере плавают. Всё у нас есть. Спичек, соли ещё полно – так много, что делиться имя можем.

– Тоска, – не поднимая лица, глухо сказала старуха. – Не горюю я, Иван. Тоска! Нет никого. Мы да сосед Бурдюков с внучками. Внучкам-то бурдюковским ещё повезло, что из города на лето приехали... Всех пожгли грибы атомные!

Старик тасовал колоду.

– Могло и хуже быть, – сказал он. – Мы, почитай, единственно кто уцелел тут. Если б дети не послушались, остались бы там, каково бы было? Вот внуки Бурдюкова созреют, женим парней. Радоваться надо, к жизни будущей прислушиваться!

– Прислушиваться? – Старуха подняла лицо, посмотрела на старика. – Не к чему и не к кому теперя прислушиваться. Ни синички, ни грача, ни сороки! Ни воробья с голубем! Я в лесу грибы-ягоды боюсь собирать и ходить туда боюсь: не живой наш лес! Ни комара, ни мухи! Ни паутинки! Кажется, и ветра нет, деревья не шумят. А в доме что? То, бывало, хозяйюшко мохнатый за голбцом скребётся, да сверчок на скрипке скрипит... А нынче? Будто ваты в уши натолкано! И часы, зараза, испортились... Померло всё!

– Ну, пчёлы-то у нас живут, – возразил Иван. – И дождевые черви в земле ползают. Может, когда землеройку, крота увидим. Или мышшь-полёвку. Не то горноста. – Он помолчал, глядя на рубашки карт. – Степан говорил, будто жаворонка давеча слышал. Ты погоди малость!

– Да уж погожу, куды мне спешить! Но пусто мы живём, Иван, пусто! Уж как наскучили эти Бурдюковы... Словом перекинуться не с кем. Радио молчит. Телевизор тоже. Электричество порвано. Ничего, Иван, нет! За книжку, за какой-нибудь журнальчик... ей-ей, корову бы отдала! Вот не читала раньше, а гляди-тко! Телевизор, ящик этот, – и от него-то ни книг не покупали, ни газет не выписывали! Всё в сериалы тарасились! Эх! Хоть бы старую, изорванную книжку, полкнижки... А то палимся в энти карты каждый день! Я уж всякую крапинку-царапинку на них вижу, в шулера опытни могу иттить...

– Вот шельма!.. То-то гляжу, мои карты как книгу читаешь!.. Пойду-ка лучше к Бурдюкову, с ним перекинусь.

Протяжно промычала корова Мила. Ей ответила её дочка корова Клава.

– Чего это оне?

– Нишкни! – Марья вскочила с табурета; табурет упал.

– Эж разошлась! Тихо, говорит...

Старуха подошла к окну, отдёрнула занавеску.

– Кажись, слышу что-то. – Марья взглядывалась куда-то вдаль. – Ты не слышишь?

Двое в доме замерли.

Что-то гудело вдалеке. Будто какая-то машина.

– Стёпка с Фedyкой где? – опомнившись, спросила старуха.

– С коровами, понятно, – сказал старик. – К ним пойду.

Степан с Фёдором уже стояли на дороге. Коров загнали в стайку. Старший сын, высокий жилистый Фёдор, полуодетый, в брюках и галошах, щурясь, смотрел на песчаную дорогу. Его очки потерялись при бегстве из города в деревню, да и не бегстве – дезертирстве. Фёдор перебросил через шею ремень АК-74, поправил автомат на груди. Младший, Степан, пониже брата, плотно сбитый, широкий в плечах, засунув руки в карманы дырявого пиджака, казавшегося ему маловатым, насвистывал чистенько «Беловежскую пущу». На плече Степана висел экзотический пистолет-пулемет Шпагина, матово отсвечивавший хромом. Наверное, и в избе Бурдюковых шестнадцати- и четырнадцатилетние Ася и Катя тоже дослали патроны в патронники своих «макаровых». Да и дед Игнат устроился в огороде не сорняки полоть. Остальные деревенские дома давно пустовали, разваливались: деревушка спряталась в сибирской глухомани. Оттого, видать, и ракеты её облетели...

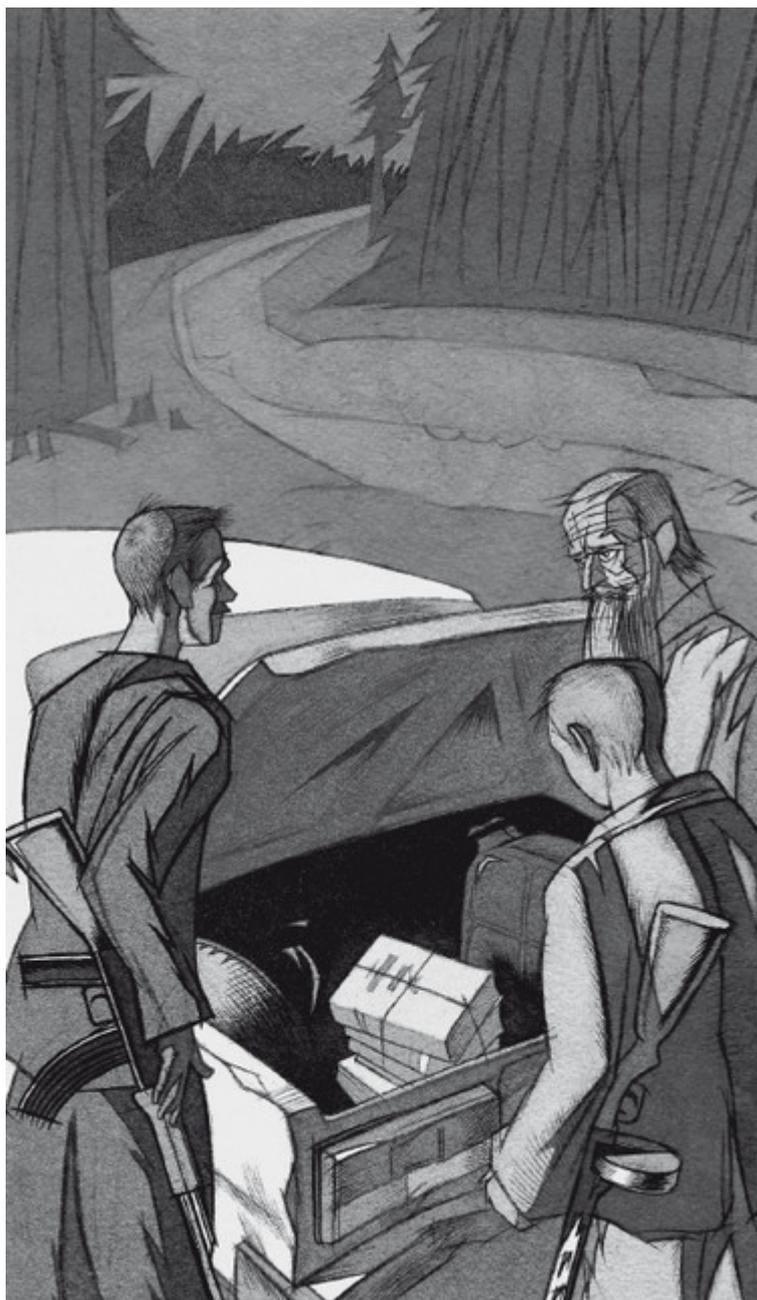
– Не вижу... Что там, Стёпа? – спросил Фёдор.

Вдали клубился песок. Похоже, ехала легковая машина. Звук двигателя был лёгким и одиночным.

– Нет, не грузовик, – сказал Степан. – «Жигули» вроде! – Степан сплюнул. – Ну-ка, марш за забор! Фёдор, ты – за сирень. Всем лечь! – Степан снял ППП с предохранителя, передёрнул затвор и лёг в траву.

– Натуральный солдат! – с удовольствием сказал Иван, устраиваясь за забором возле Марьи и глядя в щель между досками.

– Типун тебе!.. – огрызнулась старуха.

Белые «Жигули» остановились, не доехав метров десяти до Степана. Водитель заглушил мотор. Бока машины были ободраны так, словно по ним прошли вилы, передние фары разбиты, дверцы с одного бока сильно помяты. От лобового стекла уцелела только левая половина, укрывавшая водителя от воздушного потока. Из «Жигулей», упираясь руками в землю, вылез худой парень в рваной футболке и джинсовых шортах. Упал на живот, с трудом сел. Степан смотрел на него через оседавшие клубы пыли. Пахло бензином. Степан поднялся.

– Руки вверх!

– Я не вооружён! – Парень встал на колени и поднял руки. Руки, однако, падали в стороны, и парень стал одной рукой держать другую.

– Лишних движений не делай, понял? – сказал Степан, подходя к приезжему. – В кустах и за забором люди с оружием.

– Мне бы только поесть! – сказал человек в шортах. – За мной никого нет, я один. Поесть, попить, с голоду умираю. Прямо сейчас умру.

– Это запросто, – сказал Степан.

Дырчатый ствол ППШ упёрся во впалую грудь незнакомца. Небритый, всклокоченный, вонючий человек. На щеках глубокие ямы, губы на зубах натянулись, глаза провалились. Поднятые руки – белые, странно длинные, вены – тонкие, фиолетовые. Не руки, а разлинованные странички из школьной тетрадки. 25 лет? 30?

– Раздевайся! До трусов, – приказал ему Степан. – Так оно безопасней. Не спеши, а то пальну. Мы два года людей не видели.

Приезжий, сильно шатаясь, встал на ноги. Он шумно выдохнул, и шорты сами собою свалились с него.

– Руки-то какие тощие! Не мужик, – сказал Степан.

Незнакомец, весь дрожа, стянул с тонкого тела грязную футболку.

– Ляг в траву, – сказал ему Степан и крикнул, не отворачиваясь от незнакомца: – Отец, принеси парню воды!

Незнакомец повалился на мягкую травку-спорыш у дороги. Лёг на бок, поджал к животу коленки.

Из-за куста сирени поднялся Фёдор.

– Вроде мирный, – сказал он.

– Пить... Пить дайте! – глухо, в землю простонал пришелец, сжал в кулаке пучок спорыша.

– Подожди.

Запыхавшийся Иван одно ведро поставил у головы лежащего, а второе вылил на его потное, грязное тело. Пришелец завизжал по-бабьи, приподнялся на руках, оскалился; что-то звериное появилось в его облике; Фёдор навел на него автомат. Увидев перед собой ведро с водой, незнакомец умолк и сунул голову в воду. Казалось, он пил не только ртом, но и носом, глазами, ушами, всасывал воду через расширившиеся поры кожи.

– Эй, утонешь! – Степан за волосы вытащил голову парня из ведра.

– Ишь, полведра высосал. Как рыба там жил! – подивился Иван. – Ну-ка, Марья, неси ишшо ведро!

– Чего раскомандовался? Сам и неси!

Старик усмехнулся.

– Поесть бы мне, спасители дорогие!.. – сказал незнакомец. – Не помню, когда и ел. Что ж я ел последнее?.. – Лицо приезжего высыхало под лучами клонившегося к западу солнца.

В доме старуха, старик и братья глядели, как тощий парень, сверкая запавшими глазами, пожирает варёную картошку и яйца. Яйца ему подали очищенными – не то проглотил бы в скорлупе.

– Холодное всё, не серчай, – сказала старуха. – Вместо травного чая – вода. Мы печь-то позднее топим.

– У-у!.. – прогудел незнакомец, двигая челюстью.

– Да прожуй ты! – засмеялся Степан. – Тебя как звать?

– Вуу!

– Не наедайся до отвала, плохо станет, – посоветовал парню старик. – Живот скрутит! Тебе топеря не на пользу.

Парень наконец дожевал и в несколько глотков выдул кружку воды. Медленно слез со стула на пол.

– Я Василий. Едва доехал. Не знал, что впереди... Наудачу гнал. Дайте ещё!

– Потерпи хоть часок, – сказал Иван. – Заболеешь!

– Жена и дочка у меня там остались, – сказал Василий, не вставая с пола. Он вдруг закрыл глаза и повалился на пол. Гулко стукнулся о доски затылком.

– Батюшки-светы! – вскрикнула старуха.

– Да он заснул! – усмехнулся Степан. – Федя, снесём-ка его в летний домик. А опосля «Жигуль» обшарим.

Стопка перевязанных книжек, пустая трёхлитровая банка, пара кед, две канистры с бензином в багажнике, ключ в замке зажигания – вот всё, что они нашли в «Жигулях». Даже аптечки не было.

– Негусто, – сказал Фёдор. – Хотя вот машина, бензин.

– Интересно, откуда он? – сказал Степан. – Противьино за семьдесят километров, а город – за все сто. Но в Противьино давно никого, сгнила деревня. Выходит, в городе жизнь существует!

– Ого! – сказал Фёдор.

– Но, видать, дело там дрянь. Что-то, кроме него, никто не приехал. И этот-то – кожа да кости, чуть не помер по дороге. Ладно, вынем из замка ключик, чтобы гость не утёк по-английски.

Братья вернулись в дом.

– Ну, что? – спросила старуха.

– Ключик взяли, – ответил Фёдор. – Да ничего там нет. Оружия нет, патронов нет. Бензину две канистры. Стопка книжек каких-то.

– Книжек? – повторила Марья. – Книжек?

– И точно, – сказал Фёдор. – Какого лешего мы книги не взяли?

Он вышел в сени.

– Этот-то, поди, для костра их припас! – сказала старуха.

Фёдор опустил скрученную бельевой верёвкой стопку книг на стол.

– Так! – сказала Марья. – Стёпка, Федька, сбегайте до стайки. Рановато, но ничего... Ты, Иван, огород полей и воды в бочки натаскай. Я печь затоплю, щи поставлю. За час управимся. А потом!..

Фёдор, задавая свиньям картофельной мешанки, думал о книгах, названия которых успел прочитать. Степан, рассеянно слушая, как звенят упругие молочные струйки, старался тянуть соски не торопясь, а то Мила уже крутила хвостом. Иван, согнувшись, бегал с вёдрами к колодцу и от колодца: расплёскивая воду, наполнял бочки в огороде. Марья доваривала постные ленивые щи.

Наконец все собрались в избе.

Старик лязгнул в воздухе ножницами.

– Ах ты, старый хрыч! – крикнула Марья. – Не соображаешь! Не порть верёвку, развяжи!..

Книги развалились по столу.

– Раз, два, пять... тринадцать! – сосчитал Степан. – Живём!

– Ну... Кому что?

Фёдор со Степаном схватили с разных сторон верхнюю книжку. Уставились друг на дружку.

– Ну-ка, спокойно! Всем хватит, – сказала Марья.

Фёдор свой край отпустил.

– Мне бы оно такое, этакое... простое, ясное, что ли, – бормотал Иван, листая пожелтевшие станицы «Молота ведьм». – Чтобхватило, проняло, значит.

Степан подал отцу томик в цветной обложке, с портретом красавца парня с луком и колчаном, на пегом коне.

– Душевно! – погладив шероховатую, в глянцевых пузырьках обложку, сказал Иван.

Минутой позже старик и старуха читали, сидя за столом друг напротив друга. Иван, читавший «Принца отверженных», перелистывавший страницы обшлюявленным пальцем,

забыл про щи в печи. Марья жадно впитывала строчки «Макбета», приближаясь к сцене с пророчеством ведьм.

Степан, сидя на полу, читал «В Париже» Бунина. ППШ на всякий случай положил под руку. Устроившийся рядом Фёдор выбрал своего тёзку Достоевского.

Дверь из сеней со скрипом отворилась.

– Шумно сегодня на деревне! – сказал Игнат Бурдюков. – Катю и Асю я оставил на улице. Караулят там – возле «Жигулей»...

Марья промычала что-то.

Семидесятилетний Бурдюков посмотрел на неё, обвёл взглядом остальных в доме.

– В начале было слово! – усмехнулся он.

Старик, шевеля губами, читал Дюма. Старуха, сжав кулаки и стиснув зубы, склонилась над Шекспиром. Нельзя было понять, болела она за Дункана или за леди Макбет... Степан, не таясь, плакал над Буниным, а Фёдор хмурился над «Идиотом».

– А? – спросила Марья, уставясь на вошедшего. – А, Игнат... Вон твоё молоко! – И вновь погрузилась в чтение.

Бурдюков взял со стола книжку, открыл. «Антон Павлович Чехов. Полное собрание сочинений в восемнадцати томах. Том четвёртый», – прочёл он на титульном листе. Опустился на пол, сел по-турецки и начал читать.

Его внуки, заглянувшие в дом, сверкнули глазами, выбрали по книжке и убежали читать на улицу. Ночью, под лунный свет, к ним присоединились все остальные. И бледно-жёлтый блин полной луны стал им милее дневного светила...

Когда поздним утром в избу ввалился отоспавшийся Василий, два семейства спали: кто на печи, кто на полу, и все – в обнимку с книгами.

– Кто там, во имя Вельзевула? Кто там, во имя другого дьявола?.. – во сне спросила Марья и перевернулась на другой бок.

Мычал запертый в стойке скот.

Василий улыбнулся и толкнул в бок Степана, которому снились тёмные ночные топовые аллеи, и по аллеям этим бежали куда-то мужчины и женщины, красивые мужчины и женщины, и Степан тоже бежал среди них, и бежать было хорошо, спортивно, и пахло летом и немного городской пылью, запах которой Степан уже забыл. Степан крепче сжал во сне книжку.

Минуло пять лет.

Марья, не в галошах, а в лаптях, в платье, штопанном так причудливо, что оно походило на лоскутное одеяло, в переднике с большим карманом посередине, укладывала в сумку молодому новосёлу куриные яйца.

– У нас здесь топерича цельная хверма! Полста штук яиц, родимый, на здоровье! На роман фантастический потянет! Скажи, молодой, а нет ли у тебя исторических хроник Шекспира?

– Нет, только Вальтер Скотт. – Молодой протянул старухе «Квентина Дорварда». – Оглавление тут вырвано.

– Ладно, годится! – одобрила старуха. – Не читала!

– Ты бы сдачу дала, уважаемая.

– Сдачу? А что, и пожалуйста! – Марья вынула из кармана передника и подала парню потрёпанную брошюру.

Парень прочитал название: «Пол и характер». Сказал:

– Тонкая! Я толстую принёс!

– Тонкая ему! Не в толщине, мил человек, суть-то! Да и мало нынче тонкого-то... Нешто оно сохранилось? Вот попался недавно журнал мебельный, с красивыми фотографиями. Поменяем?

– Ну, не знаю... – замялся молодой человек. – Мне читать, а не картинки смотреть.

Старуха подумала и протянула ему и журнал:

– Хоть ты меня ограбил, милый вор, но я делю твой грех и приговор!

Прошло пятьдесят лет.

– Масло сливочное, масло подсолнечное, десяток яиц, молоко, сметана, майонез, творог!.. С вас пара детективов и, пожалуй, антология!

Застучал, затрещал матричный принтер кассового аппарата. Продавщица передала книги приёмщице, а та привычными движениями разложила книги по сортировочным лентам приходного конвейера.

В магазине работал и пункт книжного обмена. Комиссией служили тоже книги. У окошка пункта спорили две интеллигентного вида старушки, которым был очень нужен «Tom Sawyer» на английском – но английский Марк Твен за окошком имелся в экземпляре единственном. За старушками дожидался очереди господин в очках и шарфе, принесший на обмен пятитомного Лескова издания «Правды» и желавший выменять на него 6-томник Бунина; в качестве доплаты и комиссионных он собирался предложить подарочное издание «Трагической жизни Тулуз-Лотрека» Пьера Ла Мура и том Рэя Брэдбери, выпущенный в Молдавской ССР. Далее терпеливо ждали другие обменщики: с книгами и собраниями Гончарова, Льва Толстого, Чехова, Фёдора Абрамова и Евгения Носова, Юрия Казакова и Виталия Семёна, с учебниками по физике, алгебре и органической химии, с атласом звёздного неба, с конструкторским справочником Анурьева и пособиями по гражданской обороне.

– Так-так! Что у вас? – тараторила продавщица за кассой. – Сельдь иваси, колбаса сырокопчёная, сыр голландский. Мандарины марокканские, яблоки венгерские, бутылка красного вина болгарского. Набежит на философскую монографию. Нет, я не могу принять у вас пособие для экзаменов как монографию! Отложим товар?.. Отлично, Бертран Рассел подойдёт. Следующий! Две пачки сигарет, зажигалка, картофельные чипсы, два билета на футбол и пиво... С вас учебник по экономике!

Яна Дубинянская В лесу (Рассказ)

Эпл садилась на конечной станции.

Но в вагон хлынула такая масса народу, что сесть не получилось, только повиснуть на петле, на цыпочках, потому что не хватало роста, наискосок, потому что напирали сзади. Огромный негр на лавке расставил колени, и женщину вдавило между ними, заполняя лишнюю пустоту.

И вдруг он встал. Уступил место.

Удивиться Эпл не успела, упала по инерции, тут же сдавленная с обеих сторон, и не сразу заметила, что голове стало холодно и голо – шапка, ее шапка!!! – там, на немыслимой высоте, она косо торчала на жестких курчавых волосах. Каких-то полсекунды.

Вагон тронулся, и мужчина наклонился, сдернул шапку с головы, протянул обратно: – Возьмите. Знаете, а я ведь заразился еще тогда. Спасибо.

Эпл улыбнулась. Он что-то перепутал, конечно.

Но Неду было бы приятно.

Она очень долго не могла собраться и двести тысяч раз успела обжечься острой крапивной паникой: папа не станет ждать, передумает, уйдет без нее. Но что-нибудь забыть и вспомнить уже там, в Лесу, когда будет поздно возвращаться и невозможно двигаться дальше, подвести всех и обрушить все, – было еще страшнее. И она в двести тысяч первый раз проверяла рюкзак, снаряжение, одежду, запасную одежду, а список запропастился куда-то, не с чем сверить, и моток лески, который точно, кажется, был в списке, тоже...

– Эпл! – позвал папа. Уже с неприятными нотками ожидания в голосе.

– Сейчас, только леску найду...

– Дождевик не забыла?

– Ой, и дождевик...

За окном клубился туман, разлапистый, как небубранная постель, сквозь него проступали силуэты деревьев, обычных деревьев, но сейчас похожих на Лес, если, конечно, Лес можно себе представить. Папа рассказывал, она пыталась, ей даже снилось несколько раз – но никогда же не знаешь, правильно ли тебе снилось. Папа ни разу раньше не брал ее с собой. Раньше ее было с кем оставить.

– Эпл!

На папин голос наложился дробный стук, мелкий, как дождь. Ногтями по стеклу, мокрому от тумана. Стучали не в ее окно, в папино, однако, прилипнув носом к стеклу, Эпл разглядела высокий темный силуэт сбоку. Нед пришел. Раньше он никогда не заходил, они с папой и остальными встречались где-то там, далеко, на бывшей станции, за которой начиналась дорога в Лес. Мама не пускала Эпл даже туда, ни одна мама в поселке не пускала туда детей. Но теперь все другое, и вспоминать нельзя. Зато можно идти с ними – если, конечно, они ее не убьют уже сейчас за то, что так долго копаются.

Папа за дверью о чем-то коротко переговорил с Недом и заглянул к ней. Спросил коротко, но без раздражения и злости:

– Готова?

Эпл затащила веревочку на рюкзаке:

– Кажется, да.

– Пошли.

Она вышла в папину комнату, волоча за собой рюкзак, и Нед, одетый по-лесному, в комбинезоне, болотных сапогах и рукавицах, в полупрозрачном дождевике, в шапке под остроконечным капюшоном, улыбнулся, поднимаясь навстречу.

* * *

– Сколько тебе лет?

– Тринадцать.

Не любила она свой возраст: двенадцать еще ничего, возраст детей из всех приключенческих книжек, четырнадцать – уже почти взрослость, а тут что-то аморфное, никакое, посередине. Но Неду, конечно, было все равно. Кивнул, спросил еще:

– А почему Эппл?

– Мама придумала. Говорила, я похожа.

Замаялся, прикусил губу и неловкость, поправил шапку. Отозвался мгновением позже, чем надо бы:

– Похожа, да.

Папа шагал, не оборачиваясь, его фигура стала размываться в тумане, и Нед прибавил ходу, слегка подтолкнув в спину Эппл. Шли уже долго, наверное, скоро станция, где собираются остальные. А если кто-нибудь окажется против, чтобы она шла в Лес? Большая, не по размеру, шапка напознала на глаза, поправлять ее под дождевиком руками в толстых перчатках было очень неудобно. К тому же Эппл приходилось слышать не раз и не два, что никакая шапка в Лесу не спасает.

Но если не верить, как можно вообще ходить в Лес?

Ничего, мысленно твердила она, глядя из-под вязаного края вниз, в топкую грязь под ногами. Папа сто раз был в Лесу, а Нед, наверное, целых двести. А вот мама не была ни разу... Не надо вспоминать, не надо бояться, только так получится когда-нибудь понять. Правда, папа говорил – давно, раньше, когда об этом разговаривали вслух, – будто в Лес ходят, вовсе не надеясь разобраться, а просто потому, что так надо, только так удастся удержать равновесие. Хлипкое, какое-никакое. Но оно все-таки держится, и поэтому каждый раз снова надо идти.

Теперь он так уже не говорит и, наверное, не думает. И все равно.

Нед провел рукой по лбу снизу вверх: странно, у него, кажется, тоже сползала шапка. Перехватил быстрый взгляд Эппл, улыбнулся:

– Не бойся.

– Я никогда не боюсь.

– Пообещай мне одну вещь. Ну-ка, посмотри на меня.

Смотреть на Неда всегда было здорово и немножко стыдно, обычно Эппл стеснялась, но сейчас он сам попросил. Вскинула подбородок: доставала она ему до груди, не выше.

– В Лесу держись рядом со мной, – сказал Нед. – Не отходи от меня больше чем на три шага, что бы ни случилось. Обещаешь?

Эппл вдруг хихикнула, глупо, по-детски. Больно прикусила губу:

– Я просто... Папа то же самое просил. Рядом с ним держаться. И как я буду, если вы с ним в разные сто...

Нед глядел куда-то поверх ее головы. Серьезно, без улыбки:

– Лучше рядом со мной.

* * *

Из тумана выступили остроконечные дождевики. Их было много, они беспорядочно двигались, Эппл никак не могла подсчитать. Но должно быть одиннадцать, плюс папа и Нед. Она сама, конечно, не в счет.

Из-под дождевиков заговорили, заворчали вразной глуховатыми голосами:

- Долго.
- Уже не знали, что думать.
- Нельзя опаздывать.
- Так вышло. В Лесу нагоним.
- Нагоним, да. Но плохо, плохо, нельзя...

Лоб залепила мокрая прядь, Эппл поспешно поддула ее, лихорадочно заправила под шапку. И осмотрелась по сторонам: станция. Щербатые стены не доходили до крыши, она держалась на проржавевших балках, а казалось – висит в тумане. Мокрая штукатурка сплошь исчеркана, изрисована, исписана. Эппл подошла ближе и присмотрелась, приподняв край капюшона: фу, гадость, хуже, чем в школьном туалете... давно, когда еще была школа. И длинная, квадратиком, лавка вдоль трех стен – с одной стороны доски, а с двух других только ржавая палка-остов с болтами.

– Присядем.

Фигуры опустились на лавку вплотную друг к другу, как нахохлившиеся воробьи. Не зная, садиться ли и ей, Эппл вопросительно глянула на Неда – но тут ее схватили сзади за локоть, потянули, усадили. Обернулась: папа. Остов бывшей лавки был лезвийно острый и твердый, холодный, как лед.

Мужчины, собравшиеся выступить в Лес, сидели неподвижно. Эппл считала головы-капюшоны: один, два, три, четыре...

– Пошли.

Папа снова дернул ее за локоть, поставил на ноги. Нед был рядом, но смотрел в другую сторону, повернувшись к Эппл полиэтиленовым затылком. Остальные снова мельтешили, рассыпались, толпясь на пяточке станции и все никак не решаясь его покинуть.

И она не успела досчитать.

* * *

Лес оказался нестрашным. Хоть это был и Лес.

К середине утра, когда они вступили, наконец, на опушку, туман осел и разошелся, и между стволами протянулись светлые полосы. Блестела роса, шелестел под ногами подлесок, хрустели, ломаясь, тонкие веточки. Больше Лес не издавал ни звука.

Мужчины тоже шли молча. И папа, и Нед, и все. Вместе их почему-то оказалось все-таки двенадцать. Но, может быть, это не настолько важно.

Некоторые деревья были голые, облетевшие, дрожащие последними скрученными листьями. Другие – мощные, подпирающие толстыми ветками темные раскидистые кроны. Третьи щетинились голубоватыми иголками, с четвертых облезала завитками красноватая кора. Все их Эппл видела как минимум в школьных фильмах, а кое-какие и живьем в поселке. Но здесь они росли вместе, переплетаясь ветками и корнями, и это был Лес. Лес, который гораздо лучше знает, что делать с людьми, чем люди – как договариваться с ним, Лесом.

– Не устала? – спросил Нед.

Эппл, не глядя, помотала головой. Расправила плечи под лямками рюкзака.

Мужчины шли. Дождевика не снял пока никто, но многие посбрасывали капюшоны, ритмично темнея рубчатými пирамидками одинаковых шапок. Шапки все равно не спасают. Кого-нибудь одного – она точно не спасет. Хоть бы не папу, прикусила губу Эппл. И не Неда.

– Еще немного, и будет привал, – сказал он. Ободряюще, как маленькой.

Она посмотрела на него быстро, украдкой. Капюшон Неда распластался по плечам, а из-под шапки тут и там вырывались наружу, словно языки пламени, блестящие влажные волосы.

Эппл вскрикнула. Чуть слышно, прикрыв рот ладонью.

Он улыбнулся. Не понял.

* * *

– Какая, к черту, наука, – сказал худощавый нервный мужчина. – Какие, к черту, исследования.

– Какие уж есть, – отозвался другой, грустный, темноглазый.

Эппл слушала. В поселке об этом давно уже не говорили, а здесь, в Лесу, оказывается, до сих пор. Впрочем, о чем еще здесь можно было говорить.

Они сидели на примятой траве плотным кружком. Огонь спиртовки под котелком горел беззвучными бледно-синеватыми лепестками, неудобный, совсем не похожий на костер. Не может же быть костра в Лесу.

– Перестаньте, никаких нет, – махнул рукой худощавый. – Мы тупо совершаем одни и те же движения, в которые не вкладываем ни малейшего смысла. Если он и есть, то его вложили за нас. И знаете, как это называется?..

– Не совсем так, – возразил Нед. – Все-таки за эти годы удалось вывести закономерность, что уже немало. Закономерность, благодаря которой мы, как ни крути, спасаем людей.

– Люди все равно умирают.

– Да, но в разы меньше, чем... до. Раньше.

Эппл не хотела смотреть на папу. И все-таки глянула... и залипла, не смогла отвести взгляда. Папа сидел прямой и странно безмятежный, будто не слышал, будто его и не было здесь. Он единственный почему-то до сих пор не снял дождевика и даже не откинул капюшона. На полиэтилене, сквозь который смутно просвечивала шапка, горел белый солнечный блик.

– Есть такое слово – ритуал, – все больше раздражаясь, говорил худощавый. – Магический, мистический, религиозный, какой хотите. Ритуал жертвоприношения, которое у нас почему-то принимают, да и то, возможно, нам только кажется. Ритуал – и ничего больше. Никаких исследований, никакой науки, никаких подвижек вперед. Ни-че-го!

– Можно относиться по-разному... – начал темноглазый.

– От этого ничего не изменится.

– Да, – внезапно согласился Нед, и его согласие прозвучало гулко, как отдаленный выстрел, разом породив тишину. – Так сложились обстоятельства, и все это знают. Мы просто не имеем права что-то менять.

Эппл съежилась: ей показалось вдруг, будто на ней сосредоточились все до единого взгляды, сфокусировались пучком солнечных лучей на линзе. Негромко, словно шепотом, забурлил котелок на спиртовке. А Лес, обступивший кругом, по-прежнему молчал. Может быть, даже и слушал.

– Эппл, – подал голос папа, и она вздрогнула. – Давай, разливай концентрат.

* * *

Главное – беречь волосы. Ни единой волосинки не выпускать из-под шапки. Если самый тонкий волос коснется самой хрупкой веточки – это все. Страшнее ничего не может случиться.

Но даже касание – необязательно. Мама никогда не была в Лесу.

Последние дни она лежала уже совершенно бестелесная, белая до синевы, почти невидимая в массе волос, заполонивших спутанными волнами всю кровать, спадавших на пол, тянувшихся к двери длинными прядями. Волосы блестели и переливались, в них пульсировала чуждая жизнь, хищная, беспощадная. Они легко обламывались и сочились кровью;

мама стонала. А потом, после – ссохлись, осыпались, почти невесомые и тусклые, как мертвая трава...

Давно, раньше, когда только началась эпидемия, всех детей в поселке постригли наголо, и Эппл тоже. Взрослые думали тогда, что это может помочь. Думали, что поможет карантин, изоляция, строжайший запрет на посещение Леса. Лихорадочно исследовали генетический материал, изобретали все новые сыворотки и лекарства, которые не помогали тоже. И отправляли одну за другой исследовательские экспедиции в Лес...

Что все происходящее завязано на нем, на Лесе, было ясно с самого начала. Лес всегда умел дать понять. Все, что считал нужным.

И в конце концов, после мучительных лет проб, ошибок, сопоставлений и выводов стало очевидно: это единственный, пускай бессмысленный на первый взгляд, но компромиссный вариант; только так и возможно договориться.

Чтобы раз в полгода в условленное время уходили в Лес тринадцать человек.

И двенадцать – как правило, возвращались назад.

* * *

Тонкие серебристые иглы усеивали землю, гася до полной беззвучности шорох шагов. Лес потемнел и сгустился, прямо над головами качались разлапистые ветки с живыми иголками, похожими на пучки седых волос. Эппл пригibasась, забирала в горсть под подбородком скользкие края капюшона. Другую ее руку крепко сжимал в ладони папа. А Нед шагал где-то впереди, и держаться, как уговаривались, рядом с ним у Эппл никак не получалось.

– Не устала?

Почему все спрашивают одно и то же?

– Нет.

– Скоро придем. Ты леску не забыла?

– Взяла. Точно взяла.

– Молодец.

Там, на поляне, худощавый с Недом заспорили было, куда именно идти, мнения разделились на несколько разновекторных и равноправных направлений, папа повысил голос, – но потом как-то сразу договорились, устаканили, согласовали маршрут. И теперь шли молча и целеустремленно, в ритмичном, ударном темпе. Прямо в темнеющую переплетением ветвей непролазную чащу впереди. Где уж точно не поможет никакая шапка.

– Папа?.. – спросила Эппл.

Дома с ним теперь совсем не получалось поговорить. Но здесь, в Лесу, наверное, можно попробовать.

– Да, Эппл?

– Скажи мне: а почему мы не улетели отсюда? В смысле, не только мы, вообще люди? Сразу, как только...

– Когда началась эпидемия, колония подпала под Закон о карантине, – он отвечал ровно, однако уже с отзвуком раздражения в голосе. – И поставили одностороннюю блокаду. Ты не знала?

– А раньше? Как только поняли, что Лес?

– Что – Лес?

Она обвела рукой вокруг в беспомощном, ничего не объясняющем жесте. Случайно коснулась шерстяными кончиками пальцев низкой ветки, поспешно отдернула руку, и ветка закачалась, по серебристым иголкам пробежали маленькие волны.

– Ну, Лес... Что он разумный, чужой. Что он против и не пустит.

Папа то ли вздохнул, то ли усмехнулся: по звуку не понять, под капюшоном не разглядеть. Покрепче перехватил ее руку.

– А кто видел колонии, где нас бы ждали, хотели, пускали к себе с раскрытыми объятиями? Так не бывает, Эппл. В пригодных для жизни местах она всегда уже есть, жизнь. И для того, чтобы поселиться на чьей-то земле, надо сначала ее победить. Иногда это получается быстро, безболезненно и даже гуманно. Иногда не очень.

– Но, папа, а почему...

Сверху раздался треск, оглушительный, как взрыв. Мужчины разом остановились, отшатнулись, отступили назад, пригибаясь и прикрывая головы. Папа прижал Эппл к себе, заслонил ее затылок ладонью. Звук приближался к земле, пунктирный, словно автоматная очередь. И внезапно погас, будто задохнулся в мягком слое ваты.

Под ноги Эппл подкатилась по серебряной подстилке громадная, с мужской кулак, черная узорчатая шишка.

* * *

– Здесь, – сказал один из них.

– Точно? – недоверчиво спросил кто-то другой и тут же ответил, возражая сам себе: – Здесь.

С этого момента они начали двигаться четко и слаженно, похожие на детали работающего механизма, с которого сняли кожух.

Одновременно сняли рюкзаки.

Сбросили дождевики.

Поправили шапки.

Нагнулись, присели на корточки, пошарили в рюкзаках и выпрямились, сжимая каждый по мотку лески.

– Эппл! – прикрикнул папа.

Она отвлеклась, задумалась, наблюдая за ними, а должна была, наверное, проделать то же самое. Путааясь в лямках, завязках, застежках, потом в бесчисленных внутренних карманчиках, наконец, выудила эту проклятую леску, запутавшуюся, сползшую с катушки кольцами, поспешно перемотала, выпрямилась, встала в широкий круг вместе со всеми.

Напротив Неда.

Он увидел ее – как будто впервые. Подался было вперед. Шевельнул губами.

И тут все внезапно развернулось на сто восемьдесят градусов.

Спинами друг к другу.

Лицом к Лесу.

Эппл снова притормозила, отстала, не сразу поняла, что делать, а потом, искоса глядя на папу, принялась поспешно нагонять, лихорадочно торопиться, а затем уже двигаться в одном ритме и порыве с ними.

Вверх-вниз-вбок-вниз-на себя-вверх-вбок-вбок-наоборот...

Хаотичные и странно синхронные движения.

Полупрозрачная пластиковая паутина.

Или, скорее, спутанные волосы.

Леска.

Лес.

Они уже заплели все пространство вокруг, заключив себя в подобие воздушного, почти невидимого, но прочного и непроходимого кокона.

Тогда папа вдруг повернулся к Эппл и резким движением сдернул с нее шапку.

* * *

В первые секунды не было ничего, кроме крика. Оглушительного, всеобщего, разнонаправленного, разлетающегося, как взрыв, осколками слов и фраз, дробью ругательств и возмущенных междометий, ошметками терминов и аргументов, сливающихся в общую взрывную волну. Потом начало оседать, прорастать, проявляться:

– ...нельзя...

– Ты хоть понимаешь, что...?!

– Нарушено!! И теперь...

– Нет!!!

Эплл приоткрыла намертво зажмуренные глаза. Медленно огляделась по сторонам, закрывая голову руками, из-под которых все равно выбивались, проникали наружу, проползали, как живые, между пальцами ее голые, незащищенные волосы...

Мужчины беспорядочно метались посреди полупрозрачного кокона, постепенно их движение сходило на нет, словно оседала на дно взболтанная взвесь. Все они по-прежнему были в шапках. И Нед. Нед на нее не смотрел.

– Это все, – с ненавистью пробормотал худощавый. – Все к чертям... До тебя хоть доходит, что это – все?!

– Это эксперимент, – по-нездешнему спокойно бросил папа, он единственный оставался на месте, рядом с Эплл. – Мы должны были рано или поздно что-то подобное сделать. Предложить Лесу свои условия, а не исполнять раз за разом бессмысленный ритуал.

– Какие еще условия?!

– Лучшие, – уверенно сказал он. Положил руку ей на плечо. – Может быть, он теперь тоже пойдет нам навстречу.

– Лес выбирает сам! Ему плевать на твои экспе...

– Я думаю, надо продолжать, – в параллель заговорил большеглазый и грустный. – По схеме, как всегда. Надеюсь, для Леса разница несущественна. Он вообще может ее и не почувствовать.

– Лес?!!

Они снова кричали, и доказывали, и обвиняли друг друга, и мелькали в калейдоскопном ритме то ритуал, то эксперимент, то жертвоприношение, то наука, то новый виток эпидемии, то возможность спасения, то надежда, то конец всему, а еще Лес, Лес, Лес... И никто из них не снял шапки. До сих пор. Даже Нед.

Он тоже что-то сказал. Кажется. Она не расслышала точно.

* * *

Она лежала в темноте, беспросветной, беззвучной, лишенной простора и очертаний. Она была Лесом, и Лес прорастал в нее корнями, журчал сквозь нее древесными соками, возносил на крону одиноким румяным плодом. И уже оттуда она увидела землю глазами Леса, услышала шелест его листьев и хвои, осознала его мощь и разум, почувствовала его боль. Лес больше не был чужим. А она – больше не была собой. Она вообще постепенно переставала быть.

Ее волосы потихоньку отрастали и шевелились, начинали свою, отдельную жизнь. Пока еще робко, не уверенные до конца, что им можно. Однако понемногу наливаясь древним знанием и непобедимой силой, на какие вряд ли может рассчитывать маленький, ничтожный, пришлый человек – если только...

Она уже знала условие.

Но не могла встать.

* * *

– Я говорил тебе держаться рядом со мной! Говорил или нет?!

Эппл все крепче обхватывала его шею, вцеплялась в плечи, а все вокруг ходило ходунгом – только бы не упасть! – и шапка окончательно сползла на глаза, и шевелились под ней пленные волосы, и лопались, до крови врезаясь в предплечья, никак не кончались поперечные нити паутины-лески... Но, кажется, уже прорвались. Прорвались, да?

– Нед...

– Молчи! Крепко держись и молчи!

– Куда ты меня...

– Молчи, я сказал!!!

Он нес ее на руках, он почти бежал, а вокруг шептался Лес, и Эппл по-прежнему понимала его, по крайней мере в общих чертах, из-под этой душной неуместной шапки, которая глушила все волны и звуки. Лес был не против. Лес готов был их отпустить.

И что тогда?!

* * *

– Я ведь уже заразилась. Все равно.

– Я должен был сразу понять. Как только увидел на станции остальных, пересчитал... Я и понял. Но не думал, что настолько.

– Зачем он так, Нед?

– Об этом давно говорили. Что Лесу нужна настоящая жертва. Что система экспедиций тринадцати, со всеми ее премиями и пайками участникам, пожизненной пенсией семьям, уважением в обществе, – то есть самой высокой платой за героизм и риск, которую наша колония в состоянии предложить, – не то, чего он хочет и требует... Как будто кто-то может знать, чего требует Лес.

Эппл уже знала. Но не сказала, спросила другое, глядя из-под рубчатого края шапки на синее пламя спиртовки-костра:

– А как оно было... всегда?

– Да точно так же. Ритуал нельзя менять ни в единой мелочи. Я до последнего думал, что так и будет... Что все одновременно снимут шапки.

– И я?

– И ты. На это я был согласен. Мы все на это согласились, все промолчали, здоровые взрослые мужчины!.. Понимаешь, Эппл?!

Нед был смешной. Эппл улыбнулась, прикрыв ладонью губы – чтоб не видел. А он говорил дальше, не глядя на нее, помешивая кипящий на спиртовке концентрат:

– Твой отец... Я знал, все знали, он очень тяжело пережил тогда... извини. Но кто ж мог подумать, что у него зашло настолько далеко.

– Он сейчас где?

– Ушел. Они все ушли оттуда – как всегда. Тот, кому не повезло, остается в Лесу. Остальные возвращаются в поселок.

– А мы?

– Мы тоже вернемся.

– Я же заразилась, Нед.

Он поднял глаза, посмотрел на нее. И Эппл только сейчас заметила, что Нед – без шапки. Вьющиеся волосы, растрепанные, влажные, рыжие.

– Все равно. Я тебя спрячу. Не могу же я оставить тебя здесь.

Эппл сдвинула шапку со лба, напряженно прислушиваясь к Лесу.

И Лес сказал: да.

Наконец-то, сказал Лес.

Нед погиб двенадцать лет назад, так обидно и глупо, на одной из грандиозных строек, которых развернулось много повсюду в те годы, особенно после снятия блокады. Во времена, когда сошла на нет последняя волна эпидемии, впрочем, уже нестрашной, желанной, живой. Когда жизнь вокруг представляла собой сплошной праздник – а Нед погиб, сорвался со стропил. Так больно, так несправедливо.

Теперь все другое, в городе, выросшем на месте поселка, уже два миллиона жителей, новоприбывшие говорят на других языках и слушают другую музыку. Они уже не забывают, а потому имеют самое смутное представление о том, что такое Лес. И даже шапки, наш знак-символ, местный колорит и стиль, за последние пару лет совсем вышли из моды.

А Лес молчит. Без единого вздоха и шелеста уступает нам все новые и новые территории. Он все понимает про нас, ему известно, что мы просто не умеем жить по-другому. А он уже позволил нам здесь жить – раз и, как все думают, навсегда.

Эппл уже очень давно не была в Лесу.

Надо пойти. Может, завтра.

Лев Гурский Как дважды два (Рассказ)

Я подсаживаюсь к нему за столик как раз между первой его чашкой кофе и второй, когда мистер Джон Джаспер Лауд уже разложил перед собой свежую газету и не ждет от мира никаких сюрпризов. И тут вдруг появляюсь я. И водружаю большой черный саквояж, похожий на маленький гроб, – прямо поверх раскрытой «New York Times».

На мне черное пальто и черная шляпа. На руках у меня черные перчатки. Усы и брови у меня, кстати, тоже черные.

– Я ничего у вас не куплю, – сердится мистер Дж. Дж. Лауд. Он еще не знает, какой интересный разговор нам предстоит.

– А я вам ничего и не продам, – отвечаю я. – Вы напрасно приняли меня за коммивояжера. В этом саквояже нет образцов товара. Зато там имеется шестизарядный кольт «Уокер» – сорок четвертый калибр, усовершенствованный ударно-спусковой механизм. А еще там лежит некая сумма в банковских бандеролях. Вы сами скоро выберете, что именно мне извлечь в ближайшие десять минут.

Теперь-то мистер Дж. Дж. начинает кое-что соображать.

– Да кто вы, собственно говоря, такой? – бормочет он, отодвигаясь от меня подальше. – И что вам вообще нужно?

Второй вопрос – правильный, а первый – совершенно излишний. Но из вежливости (ведь я вежливый человек!) отвечаю ему на оба.

– Я посланник, – терпеливо объясняю я. – То, что вы сейчас услышите, не подлежит огласке. Не вздумайте когда-нибудь и кому-нибудь передавать содержание нашей беседы. Иначе пожалеете. Вы поняли меня? Если да, кивните. Если нет, я повторю еще раз.

Моя преамбула производит впечатление. Дж. Дж. удивленно кивает.

– Отлично, – говорю я. – Тогда сразу к делу. Вы имеете представление о франкмасонах? О тамплиерах? О розенкрейцерах? Что, самое смутное? Пусть вас это не беспокоит: ни одно из перечисленных тайных сообществ я не представляю. У организации, которая послала меня к вам, гораздо более древняя история и совсем не раскрученный бренд... Так что вы зря смотрите на мой перстень – это просто перстень, который я купил в антикварной лавочке на 42-й улице за двести баксов. Секретные знаки отличия и прочая мишура нашей организации не требуются. Мы предпочитаем быть в тени. Однако мы достаточно сильны, чтобы стереть вас в порошок, и достаточно богаты, чтобы выкупить ваш бизнес. Как вам, например, такое предложение? – Я называю несколько цифр.

Дж. Дж. слегка розовеет. Без упоминаний о кольте сумма могла бы показаться ему не такой уж огромной. Но когда неподалеку от пряника маячит кнут, пряник всегда выглядит убедительнее.

– Значит, вы сами... э-э... хотите заняться выпуском продукции? – осторожно интересуется он. – Тогда вам следует знать...

Обожаю честных людей! Рядом с ними самому хочется быть честным.

– Нет-нет, – прерываю я Дж. Дж. – О ваших достижениях и о ваших трудностях мы осведомлены. Мы знаем, что у ваших изделий уже плавный ход, но они еще кое-где протекают. Все это нас не волнует. Мы хотим свернуть исследования и закрыть производство.

Брови Дж. Дж. взлетают ко лбу. Такого он не ожидал.

– Мы, мистер Лауд, не занимаемся бизнесом, – объясняю я. – Мы не коммерсанты, а филантропы. Мы не вкладываем деньги, а тратим, и все – ради спасения человечества. С незапамятных времен наша организация отслеживает открытия и изобретения, которые могут изменить жизнь всех людей в худшую сторону. Вы не задумывались над тем, почему,

например, у Джона Толивера Томпсона ничего не получилось с его самозарядной винтовкой? И почему мистер Нобель не сумел усовершенствовать нитроглицерин? Мы действуем тихо, но эффективно. Мы – предохранительный клапан на паровом котле, чтобы котел не разорвало на куски. Вот почему мы не хотим, чтобы ваша продукция попала на рынок. Мы убеждены, что она принесет вред, и будем стараться любыми способами этому помешать...

– Но почему?! – Дж. Дж. так сильно всплескивает руками, что чуть не сбивает со стола мой черный саквояж. – Это ведь не оружие! Это всего лишь письменная принадлежность! Ну чем, объясните мне, простая шариковая ручка может навредить людям?

– Ах, мистер Лауд, – вздыхаю я, – хороший шахматист должен заглядывать хотя бы на один ход вперед. Вы даже не представляете всех пагубных последствий вашего открытия. Посудите сами: тысячи и тысячи лет человечество двигалось от первобытных каракулей и замысловатых пиктограмм к ясному и прозрачному письму. Школьники тратили сотни тысяч часов, чтобы выработать хороший почерк. Каллиграфия дисциплинировала мысль... А что теперь? Шариковая ручка, попав к людям, неизбежно испортит почерк миллионов, возвратит нас назад – к каракулям и палеолиту. Мы провели исследования и выяснили, что почерк будет ухудшаться необратимо. А поскольку между рукой и мозгом есть не только прямая, но и обратная связь... Ну, вы понимаете. Эволюция далась человечеству слишком дорогой ценой, чтобы можно было рисковать... Повторяю еще раз: выбор за вами, мистер Лауд. Если вы не отступитесь и не возьмете деньги, у нас, к сожалению, не будет другого выхода, кроме как... – Я похлопываю по черному кожаному боку саквояжа.

Десять минут спустя Дж. Дж. суетливо исчезает, забрав пачки наличных и оставив мне договор, подписанный по всем правилам. Надеюсь, я пронял его не только суммой, но и своим красноречием. Если так, я горжусь собой: это выступление я репетировал вчера раз двадцать, и сохранить серьезное лицо и убедительные интонации было не легче, чем носить всю эту похоронную хламиду из лавки старьевщика. «Мы – предохранительный клапан на паровом котле...» Как сказано, а? Поэзия. И этих двух лузеров, Томпсона с Нобелем, я тоже очень удачно приплел. Меня предупреждали, что Джон Джаспер Лауд – человек наивный и впечатлительный. Черные одежды плюс болтовня должны были сработать, и они сработали.

Заказав себе кофе, я раскрываю саквояж и бережно упрятываю туда экземпляр договора. Никакого кольца, разумеется, в саквояже не было и быть не может. Кто я, по-вашему, киллер? Я менеджер.

Бизнес неумолим. Из двух выживает один – не умнейший, так хитрейший. Кто-то верно заметил, что если бы таблица умножения затрагивала чьи-то коммерческие интересы, она бы оспаривалась. Воистину так! Землю вращают не стихии, но деловые люди, которые четко знают от и до, что им полезно, а что вредно. Я и сам, если дело того потребует, готов переодеться хоть ангелом, хоть сатаной, и добыть доказательства, что дважды два – пять.

С каждым глотком кофе во мне просыпается нечто вроде жалости к тем, кто до сих пор страдает от романтизма, доходящего до идиотизма. Есть же такие доверчивые олухи, которых даже обманывать нелегко. Кое-кто еще готов купиться на сказочку про общество филантропов, радеющих за человечество! Бедняге и в голову не приходит, что у нашей с ним встречи есть куда более простое и очевидное объяснение. Конечно же, рано или поздно даже он поймет, кому его шариковые ручки – поперек дороги. Но поздно, дело уже сделано, назад пути нет. Теперь-то мой босс, мистер Эберхард фон Фабер, может спать спокойно: отныне его карандашным фабрикам на годы вперед конкуренция не угрожает!..

Осторожно, чтобы не перепачкать руки свежей типографской краской, я перелистываю газету, которую забыл на столе Лауд.

В мире скучно. Мелкие политические скандалы, мелкие локальные войны. Ни прорывов, ни потрясений, ни взлетов. Я не такой уж знаток истории, но, по-моему, за последние сто лет человечество изрядно поглупело – и притом безо всяких шариковых ручек.

Да вот вам, пожалуйста! В долине Китти-Хоук, Северная Каролина, под улюлюканье публики грохнулся планер конструкции братьев Райт, похоронив под собой мечту о летательных аппаратах тяжелее воздуха. И так во всем, с горечью думаю я. Провал за провалом. Пресловутый «беспроволочный телеграф» синьора Маркони оказался мелким жульничеством, опыты Тьюринга – выходкой сумасшедшего, «фонограф Эдисона» – рекламным трюком, и даже мсье Луи Дагер, которого еще на прошлой неделе газетчики называли выдающимся автором «химической живописи», на днях покаялся в том, что, мол, слухи об его открытии преувеличены... Ну и народец! Стыд, позор.

Расплатившись за кофе, я выхожу на улицу. Только что прошел дождь, и булыжная мостовая – мокрая и скользкая. Хотя путь до дома недалек, я выбираю велорикшу. Пусть медленнее, зато с комфортом. Терпеть не могу такси: пока доедешь, сто раз успеешь пропахнуть дымом и копотью. На календаре уже две тысячи одиннадцатый год от Рождества Христова, а наши паровики – все такие же неудобные, неуклюжие и вонючие, как и пятьдесят лет назад. Хорошо еще, что запасов каменного угля хватит на несколько поколений. А то ведь пришлось бы использовать дрова.

Пока велорикша лавирует среди клубов пара, я размышляю о везении и невезении. Позавчера огласили завещание покойного деда. Моему двоюродному брату, этому напомаженному подхалиму, достался участок с прекрасной угольной шахтой, а мне – никчемный клочок земли в Оклахоме, весь загаженный нефтью. Вот если бы из нее можно было гнать топливо, уж я бы точно не вкалывал на старика фон Фабера. Но нефть, как известно, бесполезна и даже вредна: врачи точно доказали, что продукты ее сгорания для здоровья чрезвычайно опасны – вызывают лихорадку, чесотку и геморрой.

2. Личности. Идеи. Мысли

Валерий Окулов Энергия подвластна нам? (Электроэнергетика: фантастика и реальность)

Вот уже четыре столетия совокупность достаточно разных явлений, в которых проявляется существование, движение и взаимодействие – посредством электромагнитного поля – заряженных частиц, называют в мире науки «электричеством». Учение об электричестве давно стало одним из основных разделов физики. Но гораздо чаще под «электричеством» во всём мире подразумевают электроэнергию, используемую в хозяйственном обиходе, давно ставшую непременным атрибутом цивилизованной жизни.

В конце позапрошлого века жителям Земли электричество представлялось наилучшей возможностью решить энергетические проблемы, и даже более того... Глава двенадцатая романа Жюль Верна «20 000 лье под водой» (1870) так и называется: «Всё на электрической энергии!». «В природе существует могущественная сила, она освещает, отопливает, приводит в движение машины. Эта сила – электрическая энергия!» А что писал лорд Литтон в романе «Грядущая раса» (1870, в русском переводе – «Будущая порода людей», 1872) о чудодейственном «вриле»: «Что такое вриль? Я назвал бы это электричеством, если б оно не обнимало... другие силы природы...» «Окончательное подчинение себе электричества, этого таинственного двигателя миров, дозволило человеку преобразовать порядок вещей...» Это цитата из книги французского художника и фантаста Альбера Робида «Двадцатое столетие. Электрическая жизнь» (1883), в которой довольно подробно изображено, что к 1955 году с помощью «приборов для электрического улавливания воздушных течений» люди добились даже возможности управления погодой!

«Электричество – это жизнь, вы зарядили его до предела», – это уже из рассказа сэра Артура Конан-Дойла «Фиаско в Лос Амигосе» (1892), в котором власти городка, где «электричества вырабатывалось вдоволь», решили казнить преступника на «электрическом стуле», приложив максимум напряжения, чем добились его омоложения и «увеличения жизнеспособности»!

В то время электротехника, то есть отрасль науки и техники, связанная с применением электрических и магнитных явлений для преобразования энергии, действительно дала мощный цивилизационный импульс для развития человеческого общества. В 1870 году З.Т. Грамм создал первый электрогенератор, в 1873-м изобретена А.Н. Лодыгиным лампа накаливания с угольным стержнем (а в 1879-м Т.А. Эдисоном – с нитью), в 1882-м М. Депре построена первая ЛЭП, а Г.У. Сили сконструирован первый электроутюг, в 1888 году Н. Тесла изобрёл асинхронный двигатель...

«Исходными материалами для цивилизации... служат вещество и энергия, которые, как известно, являются двумя сторонами одной медали» – достаточно ясно написал почти полвека тому сэру Артуру Ч. Кларку в некогда нашумевшей книге «Черты будущего». Насколько велика роль энергии (точнее – электроэнергии) для современной цивилизации, смогли на собственном опыте убедиться миллионы москвичей и жителей Подмосковья пять лет назад. Цепь как случайных, так и совершенно объективных обстоятельств, начавшаяся выходом из строя силового трансформатора на подстанции «Чагино» 24 мая 2005 года, утром 25-го

привела к сбоям в работе энергосистемы европейской части Российской Федерации. В 10 часов утра, на пике утреннего потребления, отключились («сели на ноль») несколько электростанций и подстанций, что привело к энергоколлапсу в регионе. «Цепная реакция» аварий оставила без электроснабжения юг, юго-запад и юго-восток столицы (требовавшей 16 ГВт – почти одну шестую всей отечественной мощности), тридцать четыре района Московской области, многие районы Тульской, Калужской, Рязанской областей... К нормальной деятельности большинство потребителей вернулось лишь к вечеру, полный ущерб сосчитать затруднительно (не менее миллиарда долларов). Аукнулась пятнадцатилетняя «экономия» на развитии отечественной энергетики, когда почти не строились новые объекты, не реконструировались существующие электростанции и подстанции. А о внедрении новых технологий и изобретений и речи быть не могло...

«Энергии, энергии, энергии! Ещё и ещё! Сколько ни вырабатывается энергии, её всё же мало человеку!» Насколько же прав оказался автор романа, из которого выделена эта строчка! В подтверждение – вторая цитата: «Они молча наблюдали за этой струёй чистой-шей энергии... Станция находится на высоте сорока тысяч километров на геосинхронной орбите над экватором. Отсюда идёт линия визирования к нашим солнечным жаткам, которые вращаются вокруг Солнца 99 % времени. Каждый из этих лучей, преобразованный наземными станциями, даёт от 985 до 1004 Гигаватт электроэнергии 23 часа 58 минут в сутки»... Два научно-фантастических романа, отрывки из которых приведены выше, разделяют более пятидесяти лет по времени публикации и около 160 лет по времени действия, но «энергетических» противоречий в них не найти. В остальном это совершенно разные книги – романы советского писателя сталинской эпохи Валентина Иванова «Энергия подвластна нам» (1951) и современного американца Дэвида Марусека «Счёт по головам» (2005), переведённый на русский совсем недавно.

В книге Иванова – безудержный оптимизм: «Грандиозные источники энергии хранятся в падающей воде, течениях рек, в океанских приливах – да мало ли где ещё!» А как описывается рукотворный «источник энергии»: «Нагромождение сферических и цилиндрических ёмкостей плотно обвито сложной системой труб и оплетено бронированными кабелями – какая батарея!..» Гигантомания на марше – конец стрелки прибора движется «по чёрному двухметровому диску»!

В нашей Реальности, к сожалению, энергетика за полсотни лет ненамного ушла от описанного; оборудование и приборы стали компактными и эргономичными, но принципиальных прорывов так и не случилось... А сколько было прогнозировано! Эффективные аккумуляторы (в сто раз компактнее существовавших) – на 1970-е, управляемый ядерный синтез – на 1990-е, беспроводная передача энергии – на 2000-е. «О, сколько нам открытий чудных» сулил Артур Ч. Кларк в своей книге полувековой давности! Отец переменного тока, автор семисот изобретений Никола Тесла сто лет назад вообще заявлял, что энергию можно получать из вакуума! Что вполне согласуется с современными представлениями о «тёмной энергии/материи», составляющей три четверти Вселенной, – её вот и надо бы использовать!

Бесплатный сыр бывает чаще всего в мышеловке – в том числе об этом два известных романа XX века... В «Фабрике Абсолюта» (1922) Карела Чапека инженер Марек изобретает Карбюратор – дешёвый «атомный мотор, превращающий энергию электронов в движение», что приводит не только к «предельному использованию атомной энергии», но и к распространению по миру Абсолюта – «Бога в химически чистом виде»! Итог – Величайшая Война 1944–1953 годов... В романе Айзека Азимова «Сами боги» (1972) заурядный радиохимик Хэллем вроде бы «случайно» делает величайшее открытие/изобретение, став «Отцом Электронного Насоса». Обмен вольфрамом и плутонием-186 между параллельными вселенными, происходящий с выделением даровой безопасной энергии, утоляет жажду, владеющую цивилизацией. Но «чертёж» подброшен «оттуда», Электронный Насос изобрели

«паралюди», чтобы спасти свой мир, даже погубив при этом земной... Энергии, энергии, энергии!..

Казалось бы, нужно просто строить больше электростанций, и энергии будет столько, сколько понадобится! Да эта простота хуже воровства! Ненасытно жаждет электричества «информационная революция»! В РФ уже сейчас около шестисот тепловых, около сотни гидравлических, десять атомных электростанций. Какие строить? В основе энергетики (75 % производимой электроэнергии) по-прежнему тепловая, на невозобновляемых ресурсах, – а запасы газа, нефти, угля всё же не бесконечны... АЭС, развитию которых в РФ в последние годы уделяют немалое внимание (даёшь двадцать энергоблоков за десять лет!) – всё же внушают сомнения: Чернобыль и Волгодонск дают о себе знать до сих пор... ГЭС, такие чистенькие и красивые, – сколько земель, деревень, городов затоплено было в своё время ради них (да вот и авария на Саяно-Шушенской)...

Используется энергия и нетрадиционных источников, но тут больше пока вопросов и минусов. Гелиоэнергетика, использующая солнечные батареи, – пока очень дорогостоящее увлечение; ветроэнергетика требует больших площадей (один ветряк может выдать лишь 3 кВт мощности); о геотермальных станциях всё только говорят; приливные станции, использующие энергию Мирового океана, также маломощны...

Из проектов фантастов реализовать что-либо сейчас очень затруднительно, хотя некоторые из писателей прошлого века достаточно серьёзно пытались обосновать свои предложения. Об утилизации атмосферного электричества писали Александр Беляев в «Войне в эфире» (1928), Сергей Беляев во «Властелине молний» (1947), Виктор Сытин в «Покорителях вечных бурь» (1956). Александр Беляев также предлагал получать энергию из почвы пустынь («Солнечные лошади», 1931) и движения льдов («Лаборатория Дубль-вэ», 1938). Лев Попилов в «репортаже из будущего» «2500 год. Всемирная выставка» (1956) предлагал использовать энергию космических лучей, Анатолий Днепров в повести «Тускара» (1963) – утилизировать энергию глубинного тепла планеты.

Основной и кардинальный недостаток электроэнергии – невозможность «складирования» её! От производителя до потребителя должен быть постоянный непрерывный канал, если же он нарушается – смотри отчёт о «чагинской» аварии... Ну неспроста Кларк прогнозировал эффективные аккумуляторы на семидесятые годы! Мечта! Задолго до него об этом же мечтал Александр Казанцев в «Пылающем острове» (1940), и не он один...

Но аккумуляторы, в отличие от цифровой электроники, и сейчас совершенствуются слишком медленно... Свинцово-кислотные, литий-ионные, литий-полимерные, никель-кадмиевые, никель-металлогидридные, даже гелевые и рулонные – любые аккумуляторы обеспечивают лишь 200 километров пробега электромобиля без подзарядки. Это же несерьёзно!

«Шаровая молния – это прекрасный аккумулятор энергии. Во много раз выгоднее транспортировать энергию в виде ШМ, чем передавать по проводам...» Кандидат физико-математических наук Олег Кравцов из рассказа Генриха Альтова «Скучный капитан» (1961) прав на все сто: разноцветные шары не более 15 сантиметров в поперечнике почти ничего не весят... «Газовая плазма: смесь атомных ядер газа и сорванных с них электронов... Пинч-эффект, или эффект сжатия... лет через пять станут товаром широкого потребления». Не станут...

Это всё фантастика! О получении искусственных ШМ – для разных целей – писали в своё время Александр Беляев («Золотая гора», 1929), Андрей Зарин («Приключение», 1929), Сергей Беляев («Властелин молний», 1947), Вадим Охотников («Напуганная молния», 1947), Георг Орм («Шаровая молния», 1955). Ну писали, на то они и фантасты, в нашей Реальности природа ШМ по-прежнему загадка!

Александр Беляев предлагал использовать для освещения не только молнии («Золотая гора»), но и светящиеся бактерии («Борьба в эфире»). Очень даже совпадает с нынешней кампанией по установке энергосберегающих ламп... Так же фантастично!

Вряд ли возможно в Реальности получение энергии за счёт «стоп-спина» электрона, о чём писал Александр Щербаков в рассказе «Золотой куб» (1977). «Остановка вращения освобождает энергию»? Несомненно. Так что всё просто – достаточно остановить вращение электронов! В этот совершенно фантастический рассказ автор вписал очень реалистическую деталь – до пуска первой «стоп-спин-станции на 900 МВт» прошло 24 года и потрачено было в полсотни раз больше средств, чем предполагалось первоначально...

Нам тоже придётся ждать и тратить...

«В этой невообразимо огромной Вселенной мы никогда не будем страдать от нехватки энергии или материи. Надо только не забывать о другой опасности – что нам может не хватить ума...» Лучшее, чем Артур Кларк, не скажешь!

Дмитрий Проскуряков Долой писателей всех мастей!

(К вопросу о «перерождении писательского цеха из собрания мастеров пера в коллектив производителей ширпотреба»: цитата из статьи С.Бескаравайного, опубликованной в одном из номеров ПОЛДНЯ за 2010 год).

Писательство как род человеческой деятельности достигло предела, по пути окончательно дискредитировав себя и доказав свою полную ненужность, несостоятельность и неуместность в современном мире.

Настает новое время; созрела объективная, насущная необходимость положить конец бесконтрольному распространению этого бессмысленного и бесполезного вида занятий, расплывшегося по планете подобно вирусной эпидемии, разлетевшегося повсюду, словно облако вулканического пепла.

Начну издалека. Что есть человек, друзья мои? Человек, не в последнюю очередь, есть организатор пространства. Природа, как известно, не терпит пустоты, а человек – хаоса. Упорядочить время и пространство вокруг себя – естественная потребность хомо сапиенса (если он действительно более менее сапиенс).

Но каждый человек, в силу собственных индивидуальных особенностей, психотипа и прочего, склонен делать это по-разному. Кое-кто строит дома, кое-кто специализируется на интерьере. Одни организуют политические партии, другие предпочитают организовывать концерты. Есть те, кто организуют пространство вокруг себя в сфере политики, экономики, религии, педагогики, спорта, сельского хозяйства, кулинарии,ковки металлических изделий, ролевых игр, фундаментальных научных исследований и так далее.

Опять же, некоторые обожают покупать, а некоторые – продавать. Некоторые копят вещи, потому что каждая из них о чем-нибудь напоминает и среди родных вещей приятнее жить. А некоторые, наоборот, выкидывают что только возможно, избавляясь от старого хлама, а по факту – подчиняясь неосознанному неврозу, пытаются выжечь вокруг себя всё и остаться в абсолютной пустоте – и тем самым тоже, в некотором роде, организовать пространство. Дело вкуса.

Есть те, кто видят смысл жизни в рождении и воспитании детей, а есть те, кто сосредотачиваются исключительно на самовыражении и самореализации. Есть те, кто любят животных, а есть те, кто терпеть их не может. Есть организаторы бизнес-процессов и есть творцы культурной среды. Создатели живописи, музыки, скульптуры, архитектуры, театра, кинематографа. Люди, которые производят смыслы, произведения искусства, культурные коды. То, что приятно воспринимать; то, что радует взор, ласкает слух. То, что заставляет задумываться, спорить, сопереживать, подражать и тем самым тоже как-то организовывать пространство вокруг себя.

А есть, соответственно, те, кто пишут тексты – литературные, публицистические, любые. Что такое тексты? Это сети из букв, слов и предложений, в которые попадают наивные и доверчивые читатели. Создание текстов и есть отмирающий, устаревающий вид деятельности. Потому что, в отличие от всего другого, это мало помогает организовать пространство вокруг людей. Ну какое великое эстетическое чувство способно вызвать созерцание буковок и словечек, напечатанных одинаковыми ровными рядами на бумаге?

Мало того, умение, потребность, желание организовывать пространство вокруг себя именно в виде текста абсолютно бесполезно с практической, жизненно-бытовой точки зрения. Ни себе, ни людям.

Особенно печально, когда данное занятие – едва ли не единственное, что по-настоящему любит и умеет человек. Денег этим сильно не заработаешь (примеры есть, но они

скорее единичны и уникальны, как расцветшая на севере пальма), а наличие адекватной денежной компенсации за проделанную работу – важный критерий сегодня при оценке деятельности. Особенно это важно в России, где перманентный социально-политический и экономический кризис – обычное, рядовое состояние. А писательство – далеко не лучший и один из самых трудоёмких способов восхождения к славе, известности и процветанию.

Способность человека воздействовать на реальность зависит в первую очередь от его психотипа, темперамента и типа акцентуации личности. Согласно статистике, писатели-поэты чаще все-таки интроверты, нежели экстраверты – то есть люди не деятельные, пассивные, замкнутые на себе, не склонные к непосредственной переделке внешнего мира. Это наиболее бестолковая и непрактичная, ленивая и инертная часть человечества.

И поэтому люди, подверженные подобному литературному недугу, чаще всего глубоко несчастны, одиноки, чувствуют себя непонятыми и непризнанными, а следовательно, порочны, мстительны, злопамятны и потенциально опасны для общества.

А что хорошего может дать такой человек другим? Разве что передать свое плохое настроение, внушить свои пессимистические взгляды на жизнь. Исключения, как обычно, наличествуют, но они также единичны и редкоземельны, как литий.

Музыкальное произведение, живописное полотно, статуя, танец – всё это не требует для восприятия чрезмерной затраты сил и времени, которые нынче и так в дефиците. Текст же требует и того, и другого. Текст необходимо читать, а это, согласитесь, далеко не всегда того стоит. И определить качество текста зачастую можно далеко не сразу. Особенно если текст – не простое рифмованное поздравительное четверостишие, а толстый роман и имеет, не дай бог, какой-нибудь скрытый смысл или неявный подтекст. Тут уж просто хоть караул кричи.

С научной точки зрения, дела обстоят следующим образом. Человек, видящий жизнь как текст и упрямо, с упорством, явно достойным лучшего применения, несмотря ни на какие жизненные реалии, пытающийся вместо реальных дел воплотить свои мысли в слова, слова в предложения, выстроить текст, выразить себя – то есть человек пишущий, печатающий – есть субъект психически не очень здоровый. Сублимирующий нормальную жизнедеятельность в закорючках на бумаге. Он есть не что иное, как ОТМИРАЮЩАЯ (медленно-медленно, но верно отмирающая) ветвь эволюции. Факт печальный, но объективно верный.

Подобно динозаврам в изменяющихся природных условиях, такие люди бессмысленны, бесполезны, неуклюжи, неуместны, беспутны и бесперспективны. Их не должно быть, но они почему-то до сих пор есть. Они – паразиты на теле общества. Они – ленточные черви и аскариды в желудке потребителя искусства. Они – ошибка эволюционного развития, тупиковое ответвление, атавистический хвост, отклонение от нормы, случайная флюктуация, психопатологическая аберрация, умело выдающая себя, тем не менее, за совесть нации.

Ну неужели нет способов получше, чтобы самореализоваться, организовать пространство вокруг себя? Есть, и полным-полно (смотри выше, смотри по сторонам).

Неужто писательство и сочинительство стихов можно считать чем-то жизненно важным и необходимым? Неужели это – хлеб насущный, без которого не обойтись? Как говорила императрица Мария Антуанетта о восставших парижанах: «Им не хватает хлеба? Пускай едят пирожные!» Есть масса гораздо более эффективных и адекватных способов восприятия и преобразования действительности. Гораздо более интересных и привлекательных.

Факт известный: всё, что могли, всё, что считали нужным, уже давно написали великие классики литературы. Подробно живописали мир вокруг и внутри нас. Проникли светом своего пытливого разума в глубины человеческой души, исследовали досконально все возможные и невозможные психологические бездны. Изучили, как низко может пасть человек и как высоко вознестись.

Большинство из того, что появляется сейчас, не может быть ничем иным, кроме как:

1) нелепым подражательством, бездарным обезьянничаньем, повторением пройденного, перепевом старого, пережёвыванием пережёванного;

2) неумелым цитатничеством, неуместными постмодернистскими изысками, полными стёба, издёвок, насмешек, неприятия и оплёвывания классических текстов.

Нет никакого смысла оставлять ситуацию как есть. Необходимо принимать жёсткие меры.

Ну так вот что я скажу: хватит, наконец, заниматься ерундой, господа писатели-поэты-прозаики, дармоеды-тунеядцы-бездельники! Хватит захламлять культурное пространство своими литературными выхлопами, выделениями и миазмами!

Не мните себя творцами; истинный Творец лишь один, и мы, в принципе, знаем, кто он. Ну хотя бы догадываемся или подозреваем, не так ли? С Ним вам все-таки не сравняться. Настоящий новый мир, новую Вселенную с помощью ручки и бумажки, с помощью клави, монитора и системного блока не создать, как ни пытайтесь. Пространство вокруг себя не организовать. Всё, что получится, – это неумелая имитация, иллюзия. А в конечном счете – всего ряды буковок на бумаге.

Как гласит старинная народная мудрость, п...деть – не мешки ворочать.

Ибо пространство – категория скорее внешняя, нежели внутренняя, а написание текста по определению не предполагает активного внешнего переустройства мира. А подразумевает лишь сидение за письменным столом.

Тем не менее, только активное вмешательство в события приводит к каким-то заметным, реальным изменениям. А кроме того, способствует выживаемости, приспособляемости человечества как вида и успешности каждого отдельного индивида.

Сейчас, в наше время, актуальность художественной литературы становится близка к нулю. А зачем она, когда окружающая действительность подкидывает такие новости, такие сюжетные повороты и развития событий, что ни в каком авантюрном романе не придумаешь! Достаточно несколько дней посидеть в интернете на новостных сайтах и форумах, чтобы убедиться: человеческая фантазия слишком слаба, чтобы меряться силёнками с реальностью. Писательство более НЕ АКТУАЛЬНО.

И без того развелось нынче сверх меры всяких новоявленных властителей дум. Каждый норовит заделаться экспертом. Интернет кишит такими «специалистами», как болото – жабами. Ква-ква. Ква-ква. Каждый здесь мнит себя гением. И напрасно. Количество далеко не всегда и совсем не обязательно переходит в качество; законы диалектики, в отличие от Конституции, не имеют силы прямого действия.

Предлагаю вспомнить и принять за основу, за аксиому древнюю мировоззренческую максиму: «Если можешь не писать – НЕ ПИШИ!!!»

А также внедрить в жизнь более чем рациональное предложение великого Станислава Лема: не только штрафовать тех, кто пишет, а еще и приплачивать тем, кто НЕ пишет – и тем самым НЕ умножает количество общей скорби, порождаемой всё увеличивающимся потоком литературного и околотекстурного текстопроизводства. Для этого должны быть созданы специальные благотворительные фонды, пополняемые путем добровольных пожертвований от заинтересованных граждан.

Лёгкость, с которой в условиях современного информационного общества, опутанного глобальной электронной паутиной, любой человек может разместить любого качества текст на всеобщее обозрение, – эта лёгкость двояка.

С одной стороны, кажется, что всё здорово: глобализация – в действии, общечеловеческие ценности открытого свободного демократического общества – на марше.

Но тех, кто вглядывается внимательнее, смотрит вглубь и пытается постичь суть событий, – тех эта ситуация может только напугать.

Закат культуры, мнившийся и мерещившийся ведущим аналитикам во все века, о приходе которого столько раз предупреждали и предостерегали лучшие умы человечества, предстает перед нами, наконец, в полной мере. И если мы не примем меры, всё пропало.

ДОЛОЙ писак и сочинителей, шелкопёров и бумагомарателей, рифмоплётов и проза-клёпов всех мастей, долой графоманов и графовуменов, засоряющих наше культурное пространство своими ничтожными, псевдогениальными «творениями» и не делающих ничего толкового в реальной жизни.

Предлагаю – нет, даже требую внести поправки в российское законодательство, приняв за основу всё нижеподсунутое.

Всем, кто осмеливается хоть что-нибудь писать, – запретить участие в выборах.

Лишить возможности жениться и рожать детей.

Запретить участие в телевизионных ток-шоу и прочих увеселительных мероприятиях.

Не выдавать дисконтные карты в супермаркетах.

Запретить выезд за границу.

Поразить во всех других гражданских правах.

Ввести специальный налог на литературное творчество.

Снимать штрафы с тех, кто вопреки настоятельным рекомендациям все-таки продолжает писать.

Ибо нефиг.

ДОЛОЙ вымирающую подразновидность homo sapiens!

Уничтожим писательство как класс!

Поэт, писатель, публицист! С сегодняшнего (ну, ладно, так и быть, с завтрашнего) дня – начни с себя!

Если можешь не писать – НЕ ПИШИ!!!

Останови этот бессмысленный конвейер букв, слов и предложений!

Задуй эту огнеопасную домну второсортных мыслишек и никчёмных идей!

Прекрати эту чудовищную вакханалию самодеятельных стишков и самопальных романов!

Возьмись, наконец, за ум!

ПОДПИСЫВАЙСЯ ПОД ЭТИМ ВОЗЗВАНИЕМ И ПОСТУПАЙ В СООТВЕТСТВИИ С НИМ!

ОТНЫНЕ И ПРИСНО И ВО ВЕКИ ВЕКОВ!

АМИНЬ!

Дмитрий Проскуряков **Смерть изобразительного, или** **Триеризм в современном искусстве**

Хотим мы того или не хотим, но через некоторое время развитие литературного творчества приведёт нас к тому, что необходимость в изобразительности отпадет. И этот факт будет очевиден как для читателей, так и для авторов.

Подробные описания природы, внешности героев, различных механизмов, средств передвижения, столь популярные в классической литературе и в НФ, станут анахронизмом. Всё сведется к последовательному перечислению событий, пересказу диалогов и изложению концепций. Ибо в чем ещё, как не в этом, и состоит в сухом остатке суть любого произведения?

Принцип Уильяма Оккама, средневекового английского философа-схоласта, не множить сущности без необходимости, отсекай всё лишнее – доберется, наконец, и до литературы.

Время нынче дорого, время – деньги. Никому не хочется тратить его впустую, на то, что и так понятно. Космолёт – он и есть космолёт, закат – он и есть закат, чего там ещё бумагу переводить. Это даже немного пошлово – живописать закат, настолько уже много их описано в мировой литературе, снято на киноплёнке и запечатлено на фотобумаге.

Ибо налицо неотвязное ощущение: описывая что-нибудь, так или иначе впадаешь либо в банальность, либо в цитатничество, либо в плагиаторство. Не зря же существует поговорка, что всю музыку уже написал в свое время Иоганн Себастьян Бах. С литературой та же печальная история. Набор фраз, образов, метафор более менее ограничен; любое новое, оригинальное сравнение на вес золота и подлежит безусловному копирайту.

Кто-то из зарубежных классиков постмодернизма однажды с грустью констатировал, что даже фраза «Я люблю тебя» уже не может быть сказана в простоте – ибо слишком заезжена, слишком много раз была использована кем ни попадя и где ни попадя. Её неизбежно придется сопровождать экивоками навроче: «Ну, ты же понимаешь... как говорил когда-то Ромео Джульетте... или Тристан Изольде...»

Но теория суха, а древо жизни зеленеет в листьях. Появляется пространство для хитрого манёвра. Поэтому если мне, как автору, что-то очень не хочется описывать, можно, вооружившись теоретическими выкладками, сказать, что делать это просто нет нужды.

С одной стороны, этот процесс можно считать оптимизацией (и даже модернизацией) литературы; с другой стороны – чьей-то злобной диверсией. Но отрицать, что тенденция существует, невозможно. Хотя, ради справедливости следует признать, что на настоящий момент эта тенденция пока не очень ярко выражена. Её время ещё настанет.

Датский кинорежиссер Ларс фон Триер, великий и ужасный, в 2003 году снял фильм под названием «Догвилль» («Dogville»), где воспользовался очень любопытным художественным приемом. Он плюнул на декорации, на оформление, просто нарисовал на полу мелом контуры зданий и подписал: дом такого-то, дом сякого-то, церковь, собачья конура... И всё. Голые стены съёмочного павильона; никаких тебе деревьев и облаков; даже собака – и та нарисованное пятно на полу...

Поначалу фильм производит более чем странное и даже скорее негативное впечатление. Действо напоминает низкобюджетную версию нищенского самодеятельного студенческого театра из глухой провинции. Зацепиться буквально не за что.

Ведь, остановимся на минуточку, чем обычно «берёт» любой фильм, любая книга – подробностями, реалиями, фактурой. Натурой. Когда пространство художественного про-

изведения внутренне целостно и непротиворечиво. Когда ты принимаешь правила игры автора. Когда ты с легкостью позволяешь себе как бы поверить в реальность происходящего. Это, в общем-то, обязательное условие. А иначе просто невозможно читать – ты каждую секунду будешь, как Станиславский, восклицать: «Не верю!». Но проблема в том, что смысл чтения при этом начисто теряется.

Скажем, читая абсолютно нереалистическую и вполне старомодную «Войну миров» Г. Дж. Уэллса, мы всё равно «погружаемся» в повествование и следуем за автором. Не зря же, в конце концов, радиопостановка этого романа в 30-х годах XX века в Америке породила массовую панику – люди приняли её за репортаж с места текущих событий. Слишком колоритна и узнаваема оказалась фактура.

Здесь же, в «Догвилле», мы поначалу ни на секунду не можем отвлечься и забыть, что действие происходит среди этих странных минималистических декораций (точнее, среди полного отсутствия оных). Здесь просто по определению невозможно «поверить» автору, согласиться с правилами его игры, принять авторский вымысел за реальность.

Потому что самой реальности – нет. Есть только подобие театральных подмостков, от ежесекундного созерцания которых крайне трудно абстрагироваться.

И только потом, постепенно привыкнув к новой форме подачи, мы втягиваемся и начинаем воспринимать сюжет. Начинают срабатывать уже имеющиеся в голове стереотипы восприятия. Захолустные маленькие городки вдали от центров цивилизации – несть числа им в литературе и в кино, не так ли? Мы хорошо представляем себе, как они должны выглядеть, у каждого из нас в голове уже есть некий образ, в соответствии со своим жизненным и культурным опытом. Сельская церквуха, собачья будка, дом старого одинокого холостяка – есть ли смысл описывать их лишний раз?..

Удивительным образом мало-помалу каждый зритель настраивается на собственное восприятие фильма. Выходит, что вместо одного фильма Ларс фон Триер снял тысячи немножко разных фильмов – ровно по количеству зрителей. И, обратим внимание, чем он такого эффекта добился – отсутствием излишних подробностей. Станным образом вдруг оказывается, что путём максимального сужения арсенала художественных средств достигается максимальное расширение художественных возможностей. По сути, каждый зритель приглашается в соавторы.

А ведь с книгами ровно то же самое. Даже если описания местности и главных героев – чуть ли не на каждой странице, все равно у каждого читателя в голове возникают собственные образы. И именно поэтому ни одна экранизация никогда не оставляет довольными всех без исключения. И реже всего, кстати – автора книги.

Ну, так зачем все эти лишние подробности, которые и так может дорисовать воображение? Звездолёт – он и в Африке звездолёт; сельские церкви, естественно, все на одно лицо; а супергерой, ясное дело, должен быть с квадратной челюстью... Зачем тратить попусту время на их подробное описание? Время дорого.

Возьмите, скажем, один из последних романов Виктора Пелевина «Empire V». Там вообще не возникает ощущения, что автор хоть как-то пытается прописать антураж и выставить «на сцену» декорации; акцент делается исключительно на сюжетную линию и интеллектуальные беседы, в которых автор выражает свои нетривиальные концепции – по принципу платоновских диалогов...

Или, допустим, «Очередь» Владимира Сорокина, состоящая сплошь из одних реплик... Или «Идеальный роман» Макса Фрая – сборка концовок к несуществующим книгам... Где там хоть одно описание?

А знаменитые лемовские рецензии на ненаписанные книги? Разве они – не из той же серии? Лем сам признавался, что у него просто не было ни времени, ни желания писать эти задуманные книги, и поэтому приходилось ограничиваться их конспективным пересказом.

А в итоге Лем, известный кроме того как философ и футуролог, окончательно разочаровался в так называемой «беллетристике» как жанре.

Ну, так вот, мы и видим, наконец, черты искусства будущего. Берите каменную глыбу и отсекайте от нее всё лишнее. Долой подробности, которые понятны и без того, по умолчанию, согласно уже существующим культурно-историческим и художественным стереотипам / концепциям.

Да, в процессе неумолимой эволюции сохранятся авторы – реликты прошлого, которые будут упорствовать и обрисовывать в очередной раз то, что все и так давно знают. А читатели будут привычно пролистывать подробные описания восходов и закатов. Но магистральное направление в искусстве будущего ведет совсем в другую сторону.

С чем я всех нас и поздравляю.

3. Информаторий

«Зиланткон»– 2010

С 4 по 7 ноября в Казани прошел юбилейный XX конвент фантастики и ролевых игр «Зиланткон». В этом году на конвенте присутствовало 1236 официально зарегистрированных участников, почетных гостей и работников из более чем 150 городов. Кроме того, по разовым билетам ежедневно «Зиланткон» посещало более двухсот пятидесяти гостей из Казани.

В программу конвента было включено более полутора сотен мероприятий.

Участниками и почетными гостями «Зиланткона» стали писатели и критики Александр Белаш, Василий Владимирский, Дмитрий Колодан, Леонид Кудрявцев, Евгений Лукин, Сергей Переслегин, Наталья Резанова, Дмитрий Скирюк, Михаил Успенский.

Состоялись многочисленные круглые столы, семинары, мастер-классы, балы, турниры по фехтованию и интеллектуальным ролевым играм, концерты, состязания менестрелей, конкурсы любительских видео «Зилантфильм» и многие другие мероприятия.

Поскольку назвать всех лауреатов в рамках небольшого отчета в альманахе не представляется возможным, упомяну лишь имена победителей среди мероприятий литературного блока.

Премия «Большой Зилант»

В этом году премия была присуждена двум произведениям:

За книгу «Три холма, охраняющие край света» премию получил Михаил Успенский (Красноярск).

За книгу «Космическая тетушка» премию получила Елена Хаецкая (Санкт-Петербург).

По соглашению между конвентами «Зиланткон» и «Интер-пресскон» (С-Пб) на «Зилантконе» Михаилу Успенскому была вручена премия «Интерспресскон» за роман «Райская Машина», а «Большой Зилант» Елене Хаецкой будет вручен на «Интер-прессконе – 2011» в мае будущего года.

Конкурс фантазии:

Степанова Ольга;

Маркова Анна;

Токарева Татьяна.

Конкурс прозы:

Сюткина Мария;

Кулянина Ульяна.

Конкурс поэзии:

Новиков Дмитрий;

Константинова Ольга;

Булатов Михаил.

Редакция альманаха «Полдень, XXI век» поздравляет лауреатов и желает им дальнейших творческих успехов.

Николай Романов

«Странник» – 2010

20 – 21 ноября в Санкт-Петербурге состоялся очередной, четырнадцатый Конгресс фантастов России и шестнадцатая церемония вручения Российской литературной премии «Странник»

Участниками конгресса стали писатели, издатели, переводчики, художники, ученые, эксперты и журналисты из России и стран ближнего и дальнего зарубежья. Среди них – Марина и Сергей Дяченко, Кирилл Еськов, Василий Звягинцев, Роман Злотников, Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко, Геннадий Прашкевич, Андрей Столяров, Николай Чадович и многие другие замечательные люди.

За полтора десятилетия существования «Странника» мир изменился. Пришло новое поколение мощных, ярких писателей. Издательская индустрия вышла на мировой рынок и выковала в своих недрах художников – мастеров книжной обложки. На книгах писателей поколения 80-х выросло несколько поколений молодых читателей. Русская фантастика подарила энергию идей новым компьютерным и настольным играм. И наконец, позволила родиться русскому фантастическому кино нового тысячелетия...

Как и в предыдущие годы, в рамках программы «Странника» состоялась конференция «Форум Будущего», которая обрела новое лицо. Открыт проект «Основание для России». Проект состоит в формировании российских элит XXI века, адекватных задачам человечества третьего тысячелетия. Среди этих задач: освоение Дальнего Космоса, создание искусственного интеллекта и новых принципов программирования, формирование единой ноосферы, изменение основ современной физики, определение принципов формирования нового поколения. С докладами выступили писатели, ученые и эксперты. Были рассмотрены различные варианты будущего развития мира и Российской Федерации.

Кроме того, были проведены: семинар интернет-сообщества «PRIKL.RU»; семинар интернет-портала «Лаборатория Фантастики»; круглый стол «Основание для России».

Венчала конгресс церемония вручения Российской литературной премии «Странник», которую традиционно вел Вадим Жук.

Номинации литературной премии «Странник» в 2010 году:

Лучший сюжет:

• Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов. «Алюмен» (ЭКСМО, Москва, трилогия, 2008–2009);

• Марина и Сергей Дяченко «Цифровой, или Brevis est» (ЭКСМО, Москва, 2009);

• Алексей Пехов «Пересмешник» (Альфа-Книга, Москва, 2009).

Лауреатами стали Марина и Сергей Дяченко.

Блистательная стилистика:

• Мария Галина «Малая Глуша» (ЭКСМО, Москва, 2009);

• Мариам Петросян «Дом, в котором» (Гаятри, Москва, 2009);

• Виктор Пелевин «t» (ЭКСМО, Москва, 2009);

• О'Санчес «Хвак» (Лениздат, СПб, пятикнижие, 2007–2009).

Лауреатом назван О'Санчес.

Необычная идея:

• Марина и Сергей Дяченко «Цифровой, или Brevis est» (ЭКСМО, Москва, 2009);

• Мария Галина «Малая Глуша» (ЭКСМО, Москва, 2009);

• Мариам Петросян «Дом, в котором» (Гаятри, Москва, 2009).

Лауреат – Мариам Петросян.

Образ будущего:

• Михаил Успенский «Райская машина» (ЭКСМО, Москва, 2009);

- Сергей Буркатовский «Война 2020. Первая космическая» (ЭКСМО, Москва, Яуза, Москва, 2009);

- Андрей Лазарчук «Абориген» (ЭКСМО, Москва, 2009).

Лауреат – Андрей Лазарчук.

Кроме того, были вручены еще несколько наград:

Александр Сидоровичу и Татьяне Тихоновой – за организацию легендарного конвента;

Вадиму Жуку – за выдающееся владение словом.

Меч «Рыцарь фантастики» получили:

Сергей Лукьяненко – за новое развитие подросткового романа («Недотепа»);

Дмитрий Байкалов; Андрей Сеницын.

Редакция альманаха «Полдень, XXI век» поздравляет лауреатов и желает им дальнейших творческих успехов.

Николай Романецкий

«Интер-пресскон» – 2011

Двадцать второй «Интерпресскон», старейший из российских конвентов фантастики, пройдет в одном из пансионатов под Петербургом с 5 по 8 мая 2011 года.

«Интерпресскон» – это возможность лично пообщаться с ведущими писателями-фантастами России и СНГ, создателями киноблокбастеров, сценаристами популярных компьютерных и настольных игр, мастерами ролевых игр на литературные темы. «Интерпресскон» – это многочисленные презентации и семинары, доклады и дискуссии, концерты и банкеты, это традиционный «Пикник на обочине» с зажаренной на костре корюшкой и «пивные» вечеринки. Это уникальная возможность для начинающих авторов установить деловые контакты с издателями, перенять опыт старших коллег по цеху, составляющих славу российской фантастики.

На «Интерпрессконе» вручаются самые популярные премии в области фантастики: «Бронзовая улитка», присуждаемая лично Борисом Стругацким, почетным президентом конвента; премия имени Александра Беляева за лучшие научно-художественные произведения; присуждаемая участниками конвента премия «Интерпресскон», премия «Полдень» альманаха «Полдень, XXI век».

Прием заявок на конференцию начнется с 1 февраля 2011 года

Следите за обновлением информации на сайтах:

www.interpresscon.ru; rusf.ru/interpresscon;

Адрес электронной почты: 2011@interpresscon.ru

(начнет работать с 1.02.2011 г.).

Наши авторы

Лев Гурский – псевдоним критика Романа Арбитмана. Родился в Саратове в 1962 году, закончил филологический факультет Саратовского госуниверситета, работал учителем в деревенской школе, корректором в университетском издательстве, ныне – обозреватель Саратовской областной газеты. Автор 20 книг, опубликованных в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Волгограде и др. городах, а также газетных и журнальных статей. Живет в Саратове. В нашем альманахе печатался рассказ «Звери на ловцов» (№ 8 за 2010 г.).

Яна Дубинянская (род. в Крыму, г. Феодосия). Закончила Крымское художественное училище и Киевский институт журналистики. Автор множества романов, повестей и рассказов. Книги издаются на языке оригинала в России, а на родине – в украинских переводах. Лауреат литературных премий: «Портал» (Киев, 2005), «Русской премии» (Москва, 2008), премии «Бронзовая улитка» (СПб, 2010). Дипломант «АБС-премии» (СПб, 2010). Живет в Киеве, обозреватель общественно-политического еженедельника «Зеркало недели». В альманахе «Полдень, XXI век» произведения Я. Дубинянской печатались неоднократно.

Крис Игольчатый – псевдоним постоянного автора нашего альманаха, на сей раз пожелавшего остаться неизвестным.

Виктор Колюжнюк (род. в 1986 г. в Тольятти). Учился в тольяттинском филиале Российского государственного социального университета. По образованию – инженер-программист. Публиковался в журналах «Меридиан», «Реальность фантастики», «Очевидное и невероятное», «Если» (под соавторским псевдонимом Алексей Верт). Работает по специальности. Живет в Тольятти.

Максим Мейстер (род. в 1975 г. в Перми). Окончил Пермский университет. По образованию – эколог. Первая книга вышла в 2004 году, а затем, до 2008 года – еще четыре. Занимается продвижением и продажей электронных устройств для чтения. Живет в Перми. В нашем альманахе печатался рассказ «Для этого никаких денег не жалко!» (№ 2 за 2004 г.).

Герберт Ноткин (род. в 1949 г.). Окончил Ленинградский политехнический институт и Государственные курсы иностранных языков. Работал в КБ, в НИИ, на заводе. Опубликованы переводы книг Гессе, Кафки и др. Первая «фантастическая» публикация – рассказ «Помеха» в журнале «Студенческий меридиан», 1987 г. В альманахе «Полдень, XXI век» печатался неоднократно. Живёт в Санкт-Петербурге.

Валерий Окулов (род. в 1950 г. в Иванове). Закончил ИЭИ, более тридцати лет работает инженером-электриком в различных фирмах. С детства занимался НФ-библиографией. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Дмитрий Проскуряков (родился в 1976 г. в Перми), выпускник исторического факультета местного университета. Страничка в Интернете с образцами короткой прозы находится по адресу http://zhurnal.lib.ru/p/proskurjakow_d. Работает в рекламном агентстве, живет в Перми. В нашем издании публиковался неоднократно.

Денис Угрюмов (род. в 1972 г. в подмосковном Воскресенске). Окончил Московский медицинский университет (бывший 2-ой Мед. имени Пирогова). Одиннадцать лет отдал медицине. Сейчас работает в автомобильной отрасли. Изучает и преподает традиционные боевые искусства Японии. Живет в Москве. Рассказ «Солнце на ПСС» – первая публикация автора.

Олег Чувакин (род в 1970 г.). Прозаик, критик. Публиковался в журналах: «Литературная учёба» (Москва), «Юность» (Москва), «Врата Сибири» (Тюмень), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Русское эхо» (Самара), «Дальний Восток» (Хабаровск), «День и ночь» (Красноярск), «Южная звезда» (Ставрополь), «Белый бор» (Сыктывкар); в тюменской областной периодике. Автор книг: «Вторая премия» (Тюмень: Печатник, 2005); «Сердце по

имени Виктор» (Тюмень: ОАО «Тюменский Дом печати», 2010). Номинант литературных премий: международного конкурса В. П. Крапивина (2006 г., диплом), им. Астафьева (2007 г., премия не вручалась). Лауреат конкурса «Литературная критика» (2009 г., Москва, I место). Живёт в Тюмени.